
НАДЕЖДА РУНОВА
ЦАРИЦА, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО
КНИГА 4
ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Надежда Рунова

«Царица, которой не было. Жизнь после смерти»

«Автор»
2026

Рунова Н.

«Царица, которой не было. Жизнь после смерти» / Н. Рунова — «Автор», 2026

Пётр I мёртв. На русском престоле – его сын Алексей. А Евдокия Лопухина, которой когда-то прочили монастырские стены, продолжает менять судьбу России.Но удержать власть после смерти Петра оказалось лишь началом.Шведский король не собирается отказываться от войны. Европейские дворы внимательно следят за молодой русской державой. В самой России приходится решать, кому доверить армию, как защитить границы и какой ценой строить будущее.Пока Алексей учится быть государем, Евдокия сталкивается с новой трудностью: сын всё чаще принимает собственные решения. И далеко не обо всём она может рассказать ему правду.Впереди – Полтава, опасные дипломатические союзы, борьба за влияние и свадьба, способная изменить судьбу династии.Четвёртая книга альтернативно-исторического цикла «Царица, которой не было».

© Рунова Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Оглавление 6
Глава 1. После 8
Глава 2. Ты? 22
Глава 3. Государь и родня 34
Глава 4. Приговор 47
Глава 5. Показания 59
Глава 6. Место при царе 71
Глава 7. Не чужая семья 82
Глава 8. Бумаги покойного 94
Глава 9. Нева 108
Глава 10. Первый город 127
Глава 11. Чужие деньги 144
Глава 12. Без сухого места 155
Глава 13. Кому учиться 167
Глава 14. Из городов и слобод 181
Глава 15. Голос протопопа 193
Глава 16. Две мастерские 205
Глава 17. На чужой глубине 216
Глава 18. Цена пробной партии 228
Конец ознакомительного фрагмента. 232

Надежда Рунова «Царица, которой не было. Жизнь после смерти»

ЦАРИЦА, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО

Книга 4 · «Жизнь после смерти»

Декабрь 1702 – декабрь 1711 года. Даты в тексте по старому стилю.

Оглавление

01. После
02. Ты?
03. Государь и родня
04. Приговор
05. Показания
06. Место при царе
07. Не чужая семья
08. Бумаги покойного
09. Нева
10. Первый город
11. Чужие деньги
12. Без сухого места
13. Кому учиться
14. Из городов и слобод
15. Голос протопопа
16. Две мастерские
17. На чужой глубине
18. Цена пробной партии
19. За мой счёт
20. За стенами
21. Без его имени
22. Проверка доверия
23. Не всякая книга дозволена
24. Амстердам, Лейпциг, Лондон
25. Дорога Анны Монс
26. На стороне родни
27. Дверь для одарённых
28. Своя семья
29. Чужая тень
30. Английский гость
31. Две столицы Европы
32. Театр Натальи
33. Польская корона
34. При дворе императора
35. Не все дети одинаковы
36. Спор о вере и ремесле
37. Книга открыта
38. Чужая постель
39. Известие из Швеции
40. За школьные деньги
41. Родня в двух лагерях
42. На дороге войны
43. Гетман
44. Просьба о доказательствах
45. Приказ без имени
46. Пустое место гетмана

47. Перед Полтавой
48. Полтава
49. Живые после победы
50. Слава и должности
51. Кто поздравляет первым
52. Выбор царевны
53. Натальина сцена
54. Книги переживут войну
55. После победы – не мир
56. Браки и карты
57. Шарлотта
58. Её вера и её дом
59. Тёмная записка
60. Южная цена
61. Перед свадьбой
62. Слово Алексея
63. Венчание

Глава 1. После

31 декабря 1702 года – 1 января 1703 года. Преображенское.

Пётр умер перед вечерними сумерками, когда за окнами уже перестали различаться деревья, а ветер начал забивать мелкий снег в щели между ставнями.

Василиса сидела возле постели и держала мужа за руку. Последние полчаса он почти не приходил в сознание, только иногда шевелил губами, словно собирался что-то сказать, а потом снова погружался в тяжёлую, прерывистую дремоту. Лекарь несколько раз подходил к изголовью, слушал дыхание, поправлял подушку и возвращался к столу, где стояли склянки с лекарствами.

Алексей находился по другую сторону кровати.

Утром ему позволили ненадолго прийти к отцу. Пётр тогда ещё открыл глаза и попытался спросить, закончил ли сын чертёж ворот, который показывал ему накануне. Алексей начал объяснять, что расчёты почти готовы, но лекарь попросил его не утомлять больного. Мальчик обиделся, хотя промолчал, а теперь уже несколько часов стоял возле постели, не решаясь ни уйти, ни заговорить.

Последний вдох Петра оказался таким тихим, что Василиса сперва не поняла, почему наступившая тишина кажется иной, чем все прежние. Она подождала, привычно прислушиваясь к дыханию мужа, затем наклонилась ближе.

Лекарь уже шёл к постели.

Он коснулся Петровой шеи, задержал пальцы, потом осторожно приподнял веко. Помощник, заметив выражение его лица, перестал перекладывать склянки и отошёл от стола.

— Государыня, — произнёс лекарь, — Пётр Алексеевич скончался.

Алексей вскинул голову.

— Подождите. Он ведь только что дышал.

Лекарь повернулся к нему, но мальчик уже придвинулся к отцу. Он смотрел на неподвижное лицо Петра с недоумением, какое испытывал иногда над испорченным механизмом: всё осталось на своих местах, ничего не сломалось снаружи, однако устройство перестало работать.

— Батюшка?

Он коснулся отцовского плеча. Пётр не пошевелился, и Алексей сильнее сжал край покрывала, словно собирался настоять на ответе.

Василиса поднялась, чувствуя, как затекли ноги. Она хотела обнять сына, но тот всё ещё ждал, и ей стало страшно произнести слова, после которых ждать будет уже нечего.

— Алёша, — позвала она негромко.

Мальчик посмотрел на неё.

— Может, лекарь ошибся?

На этот раз ответить пришлось ей.

— Нет, родной.

Алексей перевёл взгляд на отца, осторожно отпустил покрывало и отступил. Несколько мгновений он стоял возле постели, потом спросил, может ли пойти к Вельяминову.

— Конечно. Только куда ты сейчас?

— За чертежами. Батюшка обещал их посмотреть, когда поправится.

Он произнёс последние слова уже у двери, не оглядываясь, и Василиса не стала его останавливать.

Лекарь дождался, пока мальчик выйдет.

— Государыня, потребуется приготовить тело к погребению. Надобно позвать духовенство, определить, где государь будет находиться до отпевания, и распорядиться о необходимых приготовлениях.

Василиса выслушала его, но смысл сказанного доходил до неё медленно. Ещё вчера она сердито требовала от мужа исполнить предписания лекарей; сегодня чужие люди уже обсуждали, как следует обмыть его и во что одеть.

— Дайте мне немного времени, — попросила она.

Лекарь хотел уточнить, когда можно будет приступить к работе, однако, встретившись с ней взглядом, ограничился поклоном. Он велел помощнику убрать лекарские принадлежности с ближнего столика и вышел, оставив дверь неплотно прикрытой.

Василиса придвинула стул к постели.

Пётр лежал в той самой сорочке, которую утром велел сменить, пожаловавшись, что прежняя пропахла лекарствами. Ворот был завязан неровно, одна складка поднялась к шее. Василиса машинально расправила полотно и увидела старую царапину у ключицы, оставленную когда-то острым краем инструмента.

Она помнила, как рассердилась, когда он вернулся с этой царапиной из мастерской. Пётр тогда заверил её, что повреждения подобного рода человеку только на пользу: в другой раз станет осторожнее. Осторожнее он, разумеется, не стал.

Сколько раз ей хотелось, чтобы муж хотя бы ненадолго перестал вмешиваться во всё, что находил вокруг! Он мог среди семейного обеда вспомнить об устройстве нового станка, подняться из-за стола и исчезнуть до вечера. Мог начать спор о совершенно постороннем предмете и не успокоиться, пока не заставит всех присутствующих признать его правоту. Когда же Василиса требовала внимания к себе или сыну, ему нередко казалось, будто она нарочно отвлекает его от важных дел.

Но бывали дни, когда он возвращался домой с деревянной игрушкой для Алексея, усаживался на ковёр и принимался объяснять устройство колёс с таким увлечением, словно перед ним находился взрослый мастер, а не маленький мальчик.

Однажды они с Петром тяжело поссорились утром. Он ушёл, хлопнув дверью, и Василиса решила, что не станет разговаривать с ним, пока тот не попросит прощения. Однако вечером Пётр появился с разобранной моделью мельницы, и Алексей тут же потребовал показать, как вращается вал. К концу ужина отец и сын спорили о зубцах, а Василиса уже помогала искать потерянную деревянную ось.

Пётр так и не попросил прощения. Она тоже не напомнила ему о ссоре.

Теперь её сердило, что даже самые хорошие воспоминания приходят вместе с дурными, и одно невозможно отделить от другого.

— Что же ты наделал, Петя… — прошептала она.

Слёзы появились неожиданно. Василиса попыталась промокнуть их рукавом, но только сильнее разрыдалась, согнувшись над неподвижной рукой мужа.

В течение последних лет она боялась потерять Алексея, своё влияние, всё, что сумела устроить вопреки Петровым решениям. Иногда в минуты отчаяния думала, что легче было бы жить без постоянной борьбы с ним.

Она никогда не представляла себе эту жизнь начинающейся так.

Возле царских покоев постепенно собирались люди.

Узкий переход наполнился осторожными голосами, шорохом кафтанов и запахом холодного воздуха, который врывался всякий раз, когда открывали наружную дверь. Лекарский помощник пытался объяснить дворцовым служителям, какие приготовления потребуются, молодой подьячий спрашивал, кто подтвердит время смерти для официального известия, а двое постельничих ожидали распоряжения о царской одежде.

Аксинья Самохвалова застала их возле лавки под окном.

На коленях у старого постельничего лежали высокие сапоги Петра, начищенные так старательно, что потёртые места кожи поблёскивали в свете свечи.

— Зачем принесли? — спросила она.

Старик поднял голову.

— Государь ещё утром велел приготовить. Сказал, как полегчает, по двору пройдётся. Я почистил, да шов вот здесь хотел подправить, а потом уж не до сапог стало.

Он показал ей голенище, на котором разошлось несколько стежков.

Аксинья знала этого человека много лет. Постельничий помнил, какие сапоги Пётр предпочитал для дороги, какие надевал при работе с мастерами, а какие терпеть не мог, хотя они были сшиты из самой хорошей кожи. Нередко государь требовал вещь, не называя её, и старик безошибочно понимал, что принести.

Теперь он сидел с последним исполненным поручением и, кажется, больше всего боялся положить сапоги не туда.

— Отнесите в его комнату, — сказала Аксинья. — Поставьте возле остальных. С вещами после разберутся.

— А если спросят, почему не надели?

Она посмотрела на него внимательнее.

— Кто спросит?

Старик растерялся, а затем опустил глаза.

— Не знаю.

Аксинья помогла ему подняться, придержала дверь и некоторое время смотрела вслед, пока постельничий медленно уходил по переходу, прижимая сапоги к груди.

Когда он скрылся, она обнаружила, что всё ещё держится за дверную скобу. Холодный металл больно вдавился в ладонь. Аксинья разжала пальцы и заставила себя повернуться к ожидавшим людям.

— Кто здесь по делу?

Подьячий объяснил, что Фёдору Алексеевичу Головину требуется достоверное извещение, а лекарь не желает подписывать свидетельство прежде разговора с государыней.

— Государыня возле мужа. Лекарь при нём был, пусть запишет то, что видел. Фёдор Алексеевич сам решит, какие известия рассылать.

Подьячий попытался возразить:

— А как быть с распоряжениями? Уже спрашивают, от чьего имени выдавать бумаги и кого теперь допускать к государю.

Аксинья не стала обсуждать дела, в которых не имела полномочий.

— Это спросите у Головина. А здесь освободите проход: сейчас придут люди готовить тело к погребению.

Когда ожидавшие разошлись, она направилась в соседнюю комнату за чистым полотном. Обычно Аксинья могла с одного взгляда определить, сколько ткани понадобится на хозяйственные нужды, но теперь дважды пересчитала приготовленные свёртки и всё равно не сразу поняла, чего недостаёт.

Из-за двери донёсся голос служанки:

— Аксинья Тимофеевна, вам Мавра передала, государыне горячую воду готовят. Куда поставить?

— В ближней комнате. И полотенца туда же.

Девушка ушла, а Аксинья ещё некоторое время стояла перед раскрытым сундуком. Ей следовало заняться тем, что она умела и делала каждый день: распределить бельё, проверить кладовые, проследить за ужином для Евдокии и Алексея.

Она опустила крышку, но та ударилась о край сундука громче, чем обычно. Аксинья вздрогнула, хотя знала, что испугалась самого обыкновенного звука.

После этого закрыла сундук осторожно, взяла приготовленное полотно и понесла его Мавре.

Алексей нашёл Вельяминова в комнате, где утром занимался арифметикой.

Наставник сидел за столом с раскрытой книгой, однако, судя по положению рук и давно застывшим чернилам на кончике пера, читать перестал уже довольно давно. На другом конце столешницы лежали счётные доски, несколько учебных листов и деревянный угольник.

— Мне нужны чертежи, — сказал Алексей с порога. — Воротные. Которые батюшка вчера смотрел.

Вельяминов поднялся и достал из сундука большой свёрнутый лист.

Алексей сразу разложил его на столе. На бумаге были изображены две створки ворот, крепления и тяжёлые петли. Одну сторону он переделывал уже трижды, пытаясь правильно рассчитать нагрузку. Возле нижнего края стояли цифры, часть которых Пётр перечеркнул собственноручно.

Мальчик прижал угол листа угольником.

— Вот здесь он неправильно посмотрел. Я ему говорил, что это расстояние между отверстиями, а он решил, будто я написал длину всей полосы. Потом сказал, что петля всё равно не выдержит.

Вельяминов приблизился к столу.

— Вы собирались проверить на образце.

— Савелий обещал новые сделать. Если не успеет, я сам попрошу показать, почему у него прежние плохо держались.

Алексей говорил оживлённо, почти как во время обычного занятия. Только когда дошёл до места, которое Пётр собирался проверить, замолчал. Угольник соскользнул с края бумаги, и мальчик машинально вернул его на место.

— Я хотел отцу показать, что он ошибся.

Вельяминов сел рядом, не пытаясь сразу найти утешительные слова.

— Образец можно доделать, Алексей Петрович. Вы уже немало труда положили на этот чертёж.

— Зачем теперь?

— Вы ведь хотели понять, выдержит ли крепление. Оттого, что государь не успел посмотреть, вопрос никуда не исчез.

Алексей провёл пальцем вдоль отцовской поправки.

— Я вчера на него рассердился.

Наставник подождал.

— Он велел мне уйти, потому что плохо себя чувствовал. А я сказал, что он всегда отсылает меня, когда не хочет слушать. Он ответил, что я ещё не научился отличать упрямство от дела.

— Государь тяжело болел. Не думаю, что он хотел вас обидеть.

— Но обидел.

Алексей сжал губы. Через несколько мгновений добавил уже тише:

— И я его тоже.

Вельяминов хотел было напомнить, что отец и сын прежде ссорились из-за чертежей десятки раз, однако понял: мальчик и без того помнит каждую такую ссору. Сейчас любое объяснение прозвучало бы как попытка убедить его, что сегодняшний день ничем не отличается от вчерашнего.

Он придвинул чистый лист.

— Если захотите продолжить, место для нового расчёта найдётся. А пока можно просто посидеть.

Алексей сел, продолжая смотреть на рисунок.

Некоторое время они молчали, слушая, как за стеной служители переносят дрова к печи. Потом мальчик спросил, что теперь будет с отцовскими мастерами. Не разгонят ли их, если государь больше не сможет требовать выполнения заказов?

— Люди состоят на разных службах, — объяснил Вельяминов. — Какие-то работы придётся подтвердить заново. Но не думаю, что все разойдутся только потому, что умер Пётр Алексеевич.

Алексей задумался.

— А вы?

— Что я?

— Вас тоже могут отослать?

Наставник посмотрел на него.

— Пока никто мне об этом не говорил.

— Если скажут, я попрошу, чтобы оставили.

Вельяминов кивнул, не обещая того, что ещё не зависело от него.

В дверь постучали прежде, чем Алексей успел продолжить разговор.

Вошёл служитель в тёмном кафтане. Он поклонился мальчику почти до пола и объявил, что прибыло несколько сановников, желающих выразить соболезнования новому государю.

— Мне велено проводить вас в приёмную палату, государь.

Алексей невольно взглянул на наставника. Раньше при появлении чужих людей он прежде всего спрашивал отца или мать, вправе ли уйти с занятий. Теперь посторонний человек склонялся перед ним и одновременно требовал, чтобы он немедленно вышел из комнаты.

— Я не могу сейчас, — ответил он.

— Люди ожидают, государь. Говорят, по должному порядку...

— Какому порядку?

Служитель замялся.

Вельяминов поднялся.

— Кто велел вам позвать Алексея Петровича?

— От людей Фёдора Алексеевича прислали. Сказали, надобно явить государя прибывшим.

— Тогда передайте Фёдору Алексеевичу, что Алексей Петрович сейчас не принимает. Если дело требует немедленного решения, пусть сообщат его содержание.

Служитель оглянулся на мальчика, явно надеясь, что тот не станет возражать распоряжениям взрослых. Алексей заметил это и, хотя чувствовал себя крайне неуверенно, повторил:

— Я хочу сначала побыть у отца. А потом буду разговаривать с людьми.

Вельяминов убрал чертёж со стола, чтобы тот не остался раскрытым, и помог ученику надеть тёплый кафтан.

Служитель отправился передавать ответ.

Наталья Алексеевна узнала о смерти брата, когда уже собиралась ужинать.

Ей принесли короткое известие, написанное торопливой рукой. Она прочла его стоя, потребовала повторить имя посыльного и ещё раз спросила, действительно ли Пётр скончался, а не находится при смерти, как сообщали несколько раз за последние дни.

Убедившись, что ошибки нет, Наталья велела подать сани.

Старшая служанка напомнила, что к вечеру усилился ветер и ехать придётся по заметённой дороге. Наталья ответила, что знает, какая стоит погода, и попросила не задерживать её разговорами.

В дороге она почти не говорила.

Снег бился в полог, лошади время от времени замедляли ход, а возница прикрикивал на них, стараясь держаться укатанной колеи. Сидевшая рядом служительница дважды предлагала поправить меховую накидку, но Наталья лишь плотнее запахивала её на груди.

Ей вспоминался Пётр в детстве.

Он был шумным, непоседливым мальчишкой, который постоянно что-нибудь разбирал, мастерил и с необыкновенной серьёзностью объяснял домашним, почему испорченную вещь

непременно следовало переделать. Наталья, хоть и была младше брата, нередко пыталась его урезонить. Получалось нечасто: Пётр умел с таким жаром отстаивать собственную затею, что к концу спора она иной раз уже забывала, с чего начались её возражения.

Она помнила, как он приносил ей деревянные колёса, пружины, непонятные железные детали и требовал посмотреть, что придумал. Иногда Наталья действительно увлекалась его объяснениями, а иногда сердилась, обнаружив, что ради очередного опыта брат испортил вещь, которую никто не разрешал ему трогать.

Позднее между ними случались ссоры, о которых нельзя было рассказать как о детской шалости. Пётр вырос, стал государем, перестал терпеть возражения даже от самых близких. Наталья тоже давно научилась не всякую свою мысль произносить при брате.

И всё-таки ей казалось невозможным, что больше не придётся искать случая поговорить с ним без посторонних, рассердиться на его очередное решение, а потом снова примириться.

У ворот Преображенского сани задержали.

Караульный узнал сопровождавших царевну людей, однако потребовал объявить, к кому она прибыла.

— К брату, — ответила Наталья.

Караульный смутился.

— Государыня царевна, нынче в покоях...

— Я знаю, что нынче в покоях. Пропускай.

У крыльца стояли чужие экипажи. Возчики спорили о местах, служители принимали меховые плащи, а в сенях несколько сановников пытались выяснить, когда им дозволят увидеть Алексея Петровича.

Наталья миновала их, почти не отвечая на поклоны.

Её остановили лишь у перехода к покоям Петра. Молодой дворцовый служитель, видимо получивший строгое распоряжение, выступил навстречу и объяснил, что сейчас впускать никого нельзя, поскольку готовят помещение и ожидают решения о порядке прощания.

— От кого распоряжение? — спросила Наталья.

— От старших дворцовых людей, государыня царевна. Они велели...

— Если кто-нибудь из них считает, что может не пустить меня проститься с родным братом, пусть выйдет и скажет мне это сам.

Служитель отступил.

Наталья прошла дальше, сняла перчатки и передала их своей женщине. Возле самой двери встретила Аксинью, которая как раз несла сложенное полотно.

— Евдокия там?

— Там, государыня царевна. С Петром Алексеевичем.

Наталья хотела спросить, долго ли брат мучился, но не пожелала услышать ответ в переходе, где толпились посторонние.

— Открой.

Аксинья поспешно освободила ей дорогу.

Василиса поднялась навстречу золовке, когда та появилась на пороге.

Наталья остановилась сразу за дверью. Её взгляд скользнул по лицу Евдокии, по горевшим у изголовья свечам и задержался на постели.

Она медленно подошла к брату.

Пётр выглядел непривычно спокойным. Волосы были приглажены, на лице уже исчезли следы недавней борьбы с болью, и от этого неподвижность казалась особенно страшной. Наталья наклонилась, коснулась его щеки и быстро убрала руку.

— Петруша...

Она опустилась на колени возле постели, перекрестилась и долго оставалась так, не поднимая головы. Василиса не пыталась заговорить: у Натальи было право на собственное горе, в котором она не нуждалась ни в свидетелях, ни в утешителях.

Когда царевна наконец встала, глаза у неё покраснели.

— Долго мучился?

— Последние дни тяжело. Вчера ещё сердился, хотел вставать, спрашивал про бумаги Головину.

Наталья достала платок и промокнула лицо.

— Конечно. Ему и смерть пришлось бы уговаривать, чтобы делам не мешала.

Василиса не удержалась от слабой улыбки.

Они некоторое время вспоминали его последние дни, и разговор постепенно перешёл к тем временам, когда Пётр ещё мог приходить к сестре без предупреждения и просить её помочь устроить какую-нибудь затею, о которой придворные советники даже не подозревали.

— Он любил, когда ему возражали, — сказала Наталья. — Только сперва ужасно сердился. А потом, коли возражение было толковое, мог ещё и благодарить.

— Мне редко благодарил.

— Так ты ему возражала чаще остальных.

Наталья взглянула на Евдокию, ожидая привычного ответа, но увидела, как та отвернулась к окну. Шутка оказалась слишком близка к болезненным воспоминаниям, и царевна не стала продолжать.

Вместо этого спросила об Алексее.

— С Вельяминовым, — ответила Василиса. — Он всё за чертёж переживает. Пётр обещал посмотреть, а не успел.

— Я его видела, когда он совсем маленьким был. Уже тогда, бывало, сидит с какой-нибудь деревяшкой и ни на что не отвлекается. Отец доволен, а потом сам же сердится, что мальчик упрямый.

Наталья помолчала.

— Я останусь сегодня. Если не возражаешь.

— Конечно оставайся.

— И за Алёшей присмотрю. Ты ела что-нибудь?

Василиса отрицательно покачала головой.

— Дуня, тебе самой ещё держаться надо. Пойдём, я распоряжусь...

— Наташа, не сейчас.

Царевна посмотрела на неё, сдержала готовое возражение и придвинула стул.

— Хорошо. Побуду здесь.

Василиса села рядом. Между ними оставалось достаточно невысказанного: прежние ссоры из-за Петра, разные представления о том, как следует воспитывать Алексея, и опасения, которых обе пока не могли назвать.

Но возле постели умершего они не собирались выяснять отношения.

Когда за дверью послышались шаги мальчика, Наталья поднялась первой.

Алексей вошёл в покои вместе с Вельяминовым.

Увидев тётку, он остановился и неожиданно смутился, словно явился к умершему отцу неподобающе одетым: на нём оставался домашний кафтан, а на пальцах виднелись следы чертёжного угля.

Наталья подошла к нему и крепко обняла.

— Алёшенька.

Он уткнулся лицом ей в плечо. Сначала стоял неподвижно, потом обхватил её за пояс так сильно, что Наталья почувствовала, как дрожат его руки.

Она погладила племянника по волосам, дождалась, пока он немного успокоится, и только тогда отступила.

— Ты когда ел?

— Утром.

— А после?

— Не хотел.

— Значит, сейчас поешь. И не спорь со мной: я пока ещё умею заставлять непослушных мальчишек садиться за стол.

Алексей удивлённо посмотрел на неё.

— Вы как матушка.

— Куда хуже. Матушку твою иногда уговорить можно, а со мной и отец твой не всегда справлялся.

Василиса услышала эту перебранку и впервые за весь вечер почувствовала желание присоединиться к разговору не из обязанности.

Алексей подошёл к отцовской постели.

Священник, которого вызвали для чтения молитв, стоял у изголовья. Люди уже успели обмыть и переодеть умершего, и мальчик сразу заметил, что его сорочка сменена на другую.

— Батюшка не любил, когда его трогали без спросу, — произнёс он.

Наталья подошла ближе.

— Знаю. Меня в детстве укусил, когда я пыталась ему волосы расчесать.

Алексей поднял голову.

— Батюшка?!

— А что ты удивляешься? Ему тогда было лет пять. Я хотела посадить его смирно, а он собирался бежать к игрушкам. Наша матушка потом обоих наказала: меня за то, что полезла силой, его за зубы.

Мальчик невольно улыбнулся.

— Он мне такого не рассказывал.

— Потому что при тебе уже привык быть взрослым.

Наталья хотела добавить что-нибудь ещё, однако голос её дрогнул. Она отвернулась к свече, поправила платок и некоторое время молчала, пока священник продолжал молитву.

Алексей стоял возле отца.

Вблизи Пётр казался ему ещё более чужим, чем несколько часов назад. Всё, что при жизни делало его самим собой, исчезло: привычка нетерпеливо двигать руками, сердиться на долгие объяснения, требовать, чтобы сын говорил яснее и не мямлил. Алексей мог представить, как отец сейчас откроет глаза и велит убрать из комнаты лишние свечи, но неподвижное лицо больше не изменялось.

На небольшом столике у стены осталась простая чашка, из которой государь пил в последние дни болезни.

Накануне Алексей сам держал её возле отцовского лица. Вода тогда пролилась на подушку, и Пётр рассердился, потребовал не торопиться и держать ровнее.

Мальчик узнал на ободке маленькую щербинку.

— Матушка, можно я эту чашку себе возьму?

Василиса проследила за его взглядом.

— Хочешь оставить?

— Я из неё вчера батюшку поил.

— Возьми, Алёша.

Он поднял чашку обеими руками и осторожно отступил от стола. Вельяминов предложил понести её, но Алексей отказался: прежде чем убрать вещь в свои покои, он хотел ещё немного подержать её сам.

Фёдор Алексеевич Головин приехал уже после наступления темноты.

К тому времени двор Преображенского заполнился санями. Возчики пытались пристроить лошадей возле конюшенных строений, служители встречали прибывавших, а у входа в приёмные покои спорили о том, кого следует известить в первую очередь.

Головин прошёл мимо ожидавших и велел позвать лекаря.

Тот явился измотанным. За последние трое суток ему почти не удавалось спать, и теперь, когда государя уже нельзя было спасти, на лице проступило такое изнеможение, что Головин предложил ему сесть.

Расспрашивал обстоятельно, но без ненужных повторений. Лекарь подтвердил время смерти, рассказал о последних часах болезни и назвал людей, присутствовавших в покоях. Фёдор Алексеевич велел составить письменное свидетельство по его словам, после чего отпустил врача.

Когда дверь закрылась, он некоторое время сидел неподвижно.

Последний разговор с Петром состоялся незадолго до болезни. Они спорили о поставках и сроках. Государь требовал ускорить работы, уверяя, что при желании можно исполнить всё значительно быстрее, а Головин объяснял, что приказ не заставляет лошадей бежать без отдыха и не прокладывает дороги там, где их размыло.

Пётр тогда рассмеялся и сказал, что Фёдор Алексеевич способен испортить самый прекрасный замысел одним подсчётом расходов.

Сегодня Головину хотелось вспомнить, чем закончился разговор. Кажется, они договорились вернуться к нему через несколько дней, когда поступят новые сведения.

Теперь обсуждать их придётся с другими людьми.

В приёмной уже ожидали несколько приближённых покойного государя. Один из них просил немедленно определить порядок объявления нового царя, другой интересовался судьбой прежних распоряжений, третий сообщил, что у дворцовых переходов возникло затруднение: некий служитель, ссылаясь на прибытие сановников, потребовал привести Алексея Петровича из учебных покоев.

Головин поднял голову.

— Кто дал такое распоряжение?

— Говорят, от ваших людей пришли.

— Мои люди велели принять имена прибывших, чтобы знать, кому отправлять извещения и кого приглашать к предстоящим церемониям. Кто превратил это в приказ привести мальчика?

Сановники переглянулись.

Один осторожно заметил, что некоторые прибывшие действительно желают увидеть наследника. Среди них находятся люди влиятельных домов, которые опасаются оказаться последними при новом дворе.

Головин посмотрел на говорившего с холодным вниманием.

— Если они приехали выразить соболезнования, передайте мои благодарности за усердие. Государь нынче отца потерял. И я не собираюсь отрывать его от постели Петра Алексеевича ради того, чтобы кто-то мог первым похвастаться встречей с ним.

— Однако завтра понадобятся распоряжения, — заметил другой присутствующий. — А некоторые уже спрашивают, кто будет постоянно находиться при государе.

Головин не стал отрицать необходимости этих решений. Законность наследования Алексея не вызывала у него сомнений, но порядок управления при двенадцатилетнем царе действительно требовал обсуждения. Отдельно предстояло определить и устройство его малого двора.

Пока же следовало удержать привычную службу от беспорядка.

— Никто не должен придумывать себе новых полномочий только потому, что Пётр Алексеевич умер, — сказал он. — До особого решения сохраняются необходимые обязанности

прежних служителей. Новые прошения принимать письменно, без обещаний. Алексея Петровича сегодня не беспокоить.

Он попросил составить перечень прибывших и передать его утром, а сам отправился проститься с Петром.

Головина провели в царские покои, когда Алексей уже собирался уходить.

Мальчик стоял возле Вельяминова, держа отцовскую чашку, а Наталья помогала ему поправить съехавший ворот кафтана. Василиса сидела у окна, откуда было видно, как в темноте движутся огни прибывавших саней.

Фёдор Алексеевич приблизился к телу Петра, перекрестился и низко поклонился.

Он долго не отходил от постели. Василиса знала, как много связывало этих людей, и не пыталась нарушить молчание. Головин был одним из немногих, с кем Пётр мог спорить несколько часов, а на следующий день снова требовать совета, словно вчерашнего раздражения никогда не было.

Закончив прощание, Фёдор Алексеевич подошёл к Евдокии и выразил соболезнование. Они успели обменяться несколькими словами о последних часах болезни, когда Наталья обратилась к нему:

— Фёдор Алексеевич, ваши люди уже приходили за Алёшей. Требовали вывести его к приезжим.

— Мне доложили. Распоряжения такого я не давал.

— Тогда выходит, что всякий, кто достаточно громко назовёт ваше имя, может приказывать здесь от себя.

Головин не обиделся на резкость.

— Именно поэтому велел принимать просьбы письменно. Завтра сам разберу, кто присылал служителя.

Наталья, однако, не собиралась ограничиваться выяснением виновного.

— Мне сейчас у дверей сказали, что после смерти брата порядок допуска к его сыну должен перемениться. Словно до нынешнего дня Алёша никому не принадлежал, а теперь его требуется поделить между роднёй и служилыми людьми.

— Наталья Алексеевна, — ответил Головин, — государь не может жить без двора. Ему предстоит принимать присягу, подписывать распоряжения, видеть людей, которые прежде обращались к отцу. От этого не уйти.

— Я и не предлагаю прятать его за семью замками. Но сегодня к нему явился человек, которого он прежде не видел, и велел оставить занятие ради приёма бояр. Завтра кто-нибудь станет решать, когда ему есть, с кем гулять и кого слушать. А потом окажется, что в его собственных покоях всем распоряжаются, кроме него самого.

Алексей прислушивался к разговору, явно не зная, следует ли ему вмешаться. Василиса заметила это и поманила сына ближе.

— Ты вправе сейчас пойти к себе, — сказала она. — Фёдор Алексеевич говорит со мной и тётушкой. Никто тебя больше сегодня никуда не позовёт.

Мальчик посмотрел на Головина.

Тот поклонился ему, как новому государю.

— Всё необходимое устроим завтра, Алексей Петрович. А нынче отдохните, если сможете.

Алексей кивнул, но прежде чем уйти, попросил:

— Только Вельяминова пусть оставят со мной.

— Останется, — ответила Василиса.

Наставник проводил его из комнаты, осторожно придерживая дверь, чтобы мальчик мог пройти с чашкой в руках.

Наталья дождалась, пока шаги стихнут.

— Вот о чём я говорю, Фёдор Алексеевич. Он сейчас больше всего боится, что у него отнимут ещё и привычных людей.

Головин понимающе кивнул, однако лицо его оставалось серьёзным.

— Я должен предупредить вас обеих: завтра разговоры станут труднее. Царевичем Алексей Петрович мог проводить день с наставником, и далеко не каждый придворный находил повод вмешаться. Теперь он царь, и возле него захотят оказаться люди, которых прежде близко не подпускали. Одни действительно способны принести пользу, другие будут заботиться о собственном положении. Отказывать всем подряд нельзя, но и допускать без разбора опасно.

Василиса попросила его сесть.

— Значит, до решения об устройстве двора нужен временный порядок.

Она говорила спокойно, хотя после долгого дня с трудом удерживала внимание. Ей хотелось, чтобы разговор закончился, но оставить сына среди противоречивых распоряжений она не могла.

Головин объяснил, что прежняя дворцовая служба должна продолжаться, а за новые назначения пока не следует браться. Списки прибывших, их просьбы и предложения можно собирать через назначенного человека, не позволяя всякому просителю добиваться личного разговора с Алексеем.

Наталья вмешалась, когда речь зашла о родственниках.

— Родня не станет ждать в одном ряду с просителями должностей. Но если каждый наш родственник получит право входить к Алёше когда заблагорассудится, он и часа покоя не увидит.

— Поэтому посещения также придётся согласовывать, — ответил Головин.

— С кем?

Василиса посмотрела на золовку.

— Пока со мной. И с Алексеем, если он сам захочет кого-нибудь видеть.

Наталья подумала и согласилась.

— А если он захочет меня?

— Придёшь.

— Даже если ты будешь недовольна мной?

Василиса устало улыбнулась.

— Мы ещё не успели поссориться, Наташа.

— Не успели. Но ты же знаешь нашу семью.

На этот раз улыбнулся и Головин.

Наталья повернулась к нему.

— Вы передадите, что до дальнейшего решения не следует менять людей при Алёше без согласования с Евдокией Фёдоровной. Я со своей стороны скажу родственникам, что посещать племянника можно, но превращать его покои в место для переговоров мы не позволим.

— Передам, — ответил Фёдор Алексеевич.

Он не стал просить немедленно утверждать новый порядок письменно: для этого предстояло обсудить полномочия и собрать необходимых людей. Но ещё до ухода поручил дворцовому служителю объяснить старшим при переходах, что прежние обязанности продолжают исполняться, а новых постоянных прав допуска никто не получает.

Возвращаясь к столу, он заметил, что Наталья наблюдает за ним.

— Вы хотите ещё что-нибудь спросить, государыня царевна?

— Хочу убедиться, что завтра нам не придётся снова выгонять чужих людей из спальни Алексея.

— Если кто-нибудь явится без дозволения, велите прислать его ко мне.

Наталья удовлетворённо кивнула.

Фёдор Алексеевич простился и вышел к ожидавшим его государственным людям.

Ночью в Преображенском почти не стихал стук полозьев.

Караульные открывали ворота прибывавшим, служители принимали дорожные сундуки, а в одной из приёмных комнат до утра горел свет: там переписывали извещения и готовили сведения для тех, кому предстояло объявить о смерти Петра.

Утром первого января Василиса проснулась позднее обычного.

Она не сразу поняла, почему в комнате так тихо. Обычно Мавра приходила с хозяйственными вопросами ещё до того, как госпожа окончательно вставала. Теперь за дверью слышались приглушённые голоса, но никто не входил.

На столике стояло тёплое питьё, прикрытое блюдцем, а рядом лежала записка Головина. Он сообщал, что врачебное свидетельство о смерти составлено, ближайшие государственные люди извещены и необходимых служителей предупредили не менять порядок допуска к Алексею без разрешения.

Василиса прочла записку, затем позвала Мавру.

— Что за шум был в передней?

— Двое приезжих хотели передать прошения. Я сказала, что их примут через служителей. Один сердился, но после ушёл к людям Фёдора Алексеевича.

— А почему меня не разбудили?

Мавра поставила на стол приготовленное платье.

— Потому что там не было ничего, ради чего вас следовало будить.

Василиса посмотрела на неё, готовая возразить, но передумала. За годы службы Мавра научилась отличать срочное дело от человека, которому просто хотелось, чтобы его приняли раньше остальных.

— Алексей где?

— У себя. Вельяминов с ним. С утра уже спрашивал, можно ли пойти к государю.

— К отцу?

Мавра кивнула.

— Я велела передать, что вы проснётесь и сами скажете, когда пойдёте вместе.

Василиса попросила не задерживать сына, если он захочет ещё раз побыть возле Петра. Потом велела приготовить завтрак на двоих: с Алексеем она намеревалась поесть сама, поскольку вчера ни один из них толком не притронулся к еде.

Пока ей помогали одеваться, пришла Наталья.

Выглядела царевна ненамного лучше золовки: под глазами залегли тени, дорожное платье ещё не успели привести в порядок, а волосы были убраны так небрежно, что одна прядь постоянно выбивалась возле уха.

— Ты хоть спала? — спросила она, окинув Василису взглядом.

— Немного.

— По тебе видно. Я велела подать тебе горячего.

— Мавра уже принесла.

— Тогда почему не пьёшь?

Василиса взяла чашку, сделала несколько глотков и поставила обратно.

— Теперь довольна?

— На первое время.

Наталья села напротив. Какое-то время они молчали, прислушиваясь к звукам во дворе. Обе понимали, что впереди их ждут дни, наполненные церемониями, разговорами с родственниками и государственными делами, а спокойного времени, чтобы проститься с Петром, будет совсем немного.

— Я хочу кое-что сказать тебе, Дуня, — произнесла наконец Наталья.

Василиса подняла глаза.

— Говори.

— Я останусь возле Алексея. Не собираюсь целыми днями сидеть у него над душой, но хочу, чтобы он мог приходить ко мне, когда понадобится. Я его тётка, и Пётр был моим братом. Не желаю, чтобы кто-нибудь счёл меня чужим человеком при этом дворе.

— Я не собиралась тебя отстранять.

— Знаю. Но лучше договориться сейчас, чем потом объясняться через третьих лиц.

Наталья немного помолчала, подыскивая слова.

— И ещё. Если увидишь, что я вмешиваюсь не в своё дело, говори мне прямо. Не через Головина, не через чужих людей, а сама.

Василиса посмотрела на неё внимательнее.

— Ты думаешь, мы поссоримся?

— Непременно однажды не согласимся. Я слишком долго тебя знаю, чтобы обещать обратное. Но Алёше от наших ссор пользы не будет, особенно теперь.

После смерти мужа Василиса почти всё время слышала соболезнования, предложения помощи или просьбы принять решение. Наталья была первой, кто не пытался ни утешить её обещанием, будто всё устроится само, ни добиться от неё преимущества на будущее. Она предложила союз, заранее признав право обеих женщин спорить.

— Договорились, — сказала Василиса.

Наталья протянула руку через стол.

Василиса сжала её пальцы, а потом неожиданно для себя спросила:

— Ты ведь не только из-за Алексея останешься?

Царевна отвела взгляд.

— Здесь всё Петром пахнет. Даже когда он уезжал, я могла приехать, посмотреть, что он опять затеял, поругаться с его людьми. А дома у себя буду думать, что он сейчас позовёт, и только потом вспоминать, что уже не позовёт.

Василиса почувствовала, как вновь подступают слёзы.

— Оставайся сколько хочешь.

Наталья благодарно кивнула.

Через некоторое время она поднялась, собираясь к племяннику, и спросила, не хочет ли Василиса пойти вместе с ней к Петру. Та ответила, что придёт после завтрака.

— Тогда я пока узнаю, как там Алёша. И скажу, чтобы не задерживался у тебя с едой.

У двери Наталья остановилась.

— Дуня, а ты всё-таки поешь.

— Наташа!

— Я Мавру спрошу, — невозмутимо объявила царевна и вышла.

Василиса покачала головой, но на этот раз улыбнулась без усилия.

Алексей пришёл к завтраку с отцовской чашкой.

Он поставил её возле своей тарелки, осторожно проверил, устойчиво ли стоит на столе, и только потом сел.

— Ты её с собой носишь? — спросила мать.

— Пока да. Я не хочу оставлять в батюшкиных покоях. Там всё убирают.

Василиса попросила Мавру налить сыну тёплого питья в принесённую чашку. Алексей сначала собирался возразить, но затем сам придвинул её ближе.

На столе стояли горячая каша, хлеб и маленькая миска с вареньем. Обычно мальчик предпочитал есть быстро, чтобы успеть к занятиям, однако сегодня долго размешивал кашу ложкой, время от времени поглядывая на мать.

— Матушка, а можно я после завтрака опять к отцу пойду?

— Конечно.

— Вельяминов говорит, что его скоро станут готовить к погребению. Я хотел ещё посидеть, пока людей мало.

— Пойдём вместе, если хочешь.

Он кивнул и отломил кусок хлеба.

За дверью послышались шаги. Кто-то негромко спросил у Мавры, можно ли передать государыне записку, а та ответила, что примет бумагу и принесёт позднее.

Василиса не позвала служительницу.

Алексей, прислушавшись к разговору, поднял глаза.

— Они опять по делам?

— Наверное.

— Мы должны сейчас идти?

— Нет. Сначала позавтракаем.

Он посмотрел на чашку, в которую Мавра налила тёплого питья, и обхватил её ладонями.

За дверью шаги удалились.

Василиса пододвинула сыну варенье и взяла собственную ложку.

Глава 2. Ты?

1 января 1703 года. Преображенское.

Аксинья испортила две простыни, прежде чем заметила, что режет хорошее полотно.

Ножницы легко шли по плотному льну, оставляя ровный край, и она успела отделить длинную полосу, когда Мавра вошла в бельевую комнату с охапкой полотенец.

— Это для чего?

Аксинья подняла глаза.

— Для покоев. Чистого надо приготовить.

— Я спрашиваю, зачем режешь.

На столе лежала стопа новых простынь, предназначенных для господских постелей. Рядом — полотно попроще, которое обычно пускали на перевязки и прочие хозяйственные надобности. Аксинья сама утром приказала разложить их порознь, однако теперь перепутала стопки.

Мавра поставила полотенца на лавку и подобрала отрезанную полосу.

— Хороший лён. За него купцу ещё осенью платили. Что теперь с ним делать станем?

— На узкие полотенца пойдёт.

— Узких у нас хватает. Ты сама вчера проверяла.

Она собиралась продолжить, но заметила, что Аксинья держит ножницы почти у самого соединения лезвий. Костяшки пальцев побелели от напряжения.

— Отдай-ка сюда.

Аксинья положила ножницы на стол, и Мавра, не дожидаясь возражений, убрала их подальше от края.

— Сегодня оставь бельё другим. По дому с ночи ходишь, а теперь вон что вытворяешь. Государыня ведь и сама еле на ногах держится.

— Работы много.

— Работы всегда много. Только ты обычно знаешь, что режешь.

Мавра сложила испорченные простыни, прикидывая, как использовать остатки, и принялась рассказывать о приготовлениях в женских покоях. Наталья Алексеевна решила задержаться при дворе, служительницам требовалось приготовить ей комнаты, а для прибывавших родственников уже начали доставать дополнительные постели и тёплые одеяла.

— Она сама всё осмотрела, — говорила Мавра. — Велела ничего лишнего не приносить. Сказала, приехала не гостить.

Аксинья кивнула, хотя почти не слушала.

Из маленького окна бельевой комнаты был виден только край крыши, заваленной снегом. Во дворе остановились сани; возница принялся громко спорить с караульным, почему его не пропускают к крыльцу. Аксинья различила раздражённый мужской голос и невольно прислушалась, пока не поняла, что спорят о совершенно обычном деле.

— Государыня тебя утром спрашивала, — добавила Мавра. — Я сказала, что занята.

Аксинья повернулась к ней так резко, что та удивилась.

— Что спрашивала?

— Где ты. Хотела, чтобы помогла переодеться. Я сходила вместо тебя, а потом она с Алексеем Петровичем завтракала.

Мавра разгладила последнюю простыню и посмотрела на неё.

— Ты бы и сама поела. На кухне ещё горячее осталось.

Аксинья обещала сходить, когда закончит, хотя уже не помнила, ела ли что-нибудь с утра. Мавра забрала испорченное бельё и ушла, оставив её одну.

Некоторое время Аксинья продолжала перекладывать сложенные полотнища. Она привыкла замечать небрежность других и могла по одной неверной отметке выяснить, кто перепутал выдачу ткани, однако сейчас дважды пересчитала приготовленные свёртки и всё равно не была уверена в результате.

Она закрыла сундук. Крышка ударилась о край с таким грохотом, что Аксинья вздрогнула и оглянулась на дверь.

Никто не вошёл.

Она знала, что следовало сделать: проверить оставшееся бельё, передать Мавре распоряжения, пойти на кухню, поесть. Но вместо этого взяла небольшой свёрток чистого полотна и направилась к Евдокии.

Всю дорогу Аксинья пыталась придумать, с каких слов начнёт разговор.

Василиса застала её у порога своих покоев.

В комнате уже находилась молодая служительница, помогавшая убрать одежду после утреннего выхода к телу Петра. На столике стояла вода, приготовленная Маврой; рядом лежали два платка и небольшая шкатулка с застёжками.

— Положи бельё здесь, — велела Василиса девушке. — А ты, Аксинья, останься.

Служительница приняла свёрток и вышла.

Василиса принялась расстёгивать тяжёлое платье, в котором с утра принимала соболезнования. Она почти не спала после смерти Петра, и теперь даже привычные движения давались с трудом. Верхняя застёжка никак не поддавалась; Аксинья шагнула помочь, но хозяйка попросила её не беспокоиться.

— Мавра сказала, ты простыни испортила.

— Взяла не то полотно. Уже распорядилась, чтобы на полотенца пустили.

— Да бог с ними, с простынями. Ты сама как?

— Хорошо, государыня.

Василиса подняла на неё глаза.

— От тебя я такого ответа не ожидала. Хоть ты не заставляй меня расспрашивать.

Она наконец освободилась от платья и надела более лёгкое. Возле печи было тепло, но после нескольких часов в холодных переходах Василису всё ещё знобило.

Аксинья повесила снятую одежду на деревянную стойку и поправила складки.

— Наталья Алексеевна надолго останется?

— Не знаю. Хочет побыть возле Алексея. Мне тоже помогает.

Василиса села у окна. На стекле разросся морозный узор, оставив у нижнего края небольшое прозрачное пятно, через которое можно было разглядеть часть двора.

— Вчера она рассказывала Алёше, как Пётр её в детстве укусил, когда она пыталась его причесать. Представляешь? Он даже улыбнулся. А ночью опять проснулся и спрашивал, не сердился ли на него отец перед смертью.

Аксинья медленно опустила руки.

— Он со временем поймёт.

— Возможно. Только сейчас ему не легче от того, что когда-нибудь поймёт.

Василиса замолчала, вспоминая, как сын принёс к завтраку отцовскую чашку. Она попросила Мавру налить в неё питьё, а Алексей сидел, обхватив посуду обеими ладонями, словно боялся, что её унесут вместе с остальными вещами покойного.

— Ночью мне показалось, будто Пётр зовёт, — сказала она. — Проснулась и уже собиралась к нему идти. Потом вспомнила.

Аксинья отвернулась к стойке с одеждой.

— Вам бы ещё отдохнуть, государыня. Хотя бы до вечера.

— Ты тоже заодно с Натальей и Маврой? Все теперь будут велеть мне спать и есть?

Василиса попыталась улыбнуться, но Аксинья не ответила привычной шуткой.

— Они о вас заботятся.

— А ты?

Вопрос прозвучал почти беззаботно. Василиса ожидала услышать что-нибудь вроде «кому же ещё о вас заботиться», но Аксинья продолжала смотреть на сложенное платье.

— Я о вас всегда заботилась, — произнесла она наконец.

— Знаю.

— Только не всякая забота добром кончается.

Василиса нахмурилась. Аксинья редко говорила загадками; даже когда намеревалась спорить с хозяйкой, обычно сразу называла причину недовольства.

— Что случилось?

Аксинья обернулась к двери.

— Можно без людей поговорить?

— Мы и так одни.

— Чтобы никто не вошёл.

Василиса поднялась, прошла к двери и сама повернула задвижку. Когда вернулась, Аксинья стояла посреди комнаты, сцепив перед собой руки. Она выглядела так, словно приготовилась вынести тяжёлый разговор, но теперь, когда уклониться от него уже было нельзя, не знала, как начать.

— Аксинья, ты меня пугаешь. С Алексеем что-нибудь случилось?

— С ним всё хорошо.

— Тогда говори.

Аксинья подняла голову.

— Я отравила государя.

Василиса смотрела на неё, не понимая услышанного.

За стеной прошли люди. Кто-то рассмеялся в переходе, другой голос тут же попросил соблюдать тишину возле женских покоев. Василиса различала звуки, но смысл разговора до неё не доходил.

— Что ты сказала?

— Я отравила Петра Алексеевича.

— Замолчи.

Аксинья умолкла.

Василиса отступила к столу и оперлась о его край. Ей казалось, будто между произнесёнными словами и всем, что она знала об Аксинье, лежит пропасть, через которую невозможно перекинуть даже самую простую мысль.

Эта женщина помогала ей растить сына, ведала домом, распоряжалась больничным бельём, сидела ночами возле тяжёлых больных. Василиса доверяла ей собственные страхи и такие разговоры с мужем, которые никогда не пересказала бы родственникам.

Теперь Аксинья утверждала, что убила Петра.

— Ты понимаешь, в чём признаёшься?

— Понимаю.

— Ты говоришь, что убила моего мужа?

— Да.

Василиса схватила со стола шкатулку с нитками и резко отодвинула её. Крышка соскочила, несколько катушек раскатились по полу, но она даже не посмотрела в их сторону.

— Скажи, что врёшь. Что хочешь на себя что-нибудь взять, кого-то покрываешь, сама не понимаешь, что говоришь. Скажи сейчас.

— Не могу.

Василиса ударила её по щеке.

От неожиданности Аксинья пошатнулась и ухватилась за спинку стула. На лице быстро проступило красное пятно, а у края губ появилась тонкая полоска крови.

Василиса сама испугалась своего движения. За много лет она ни разу не поднимала на Аксинью руку, даже в самые тяжёлые минуты, когда та упрямо поступала по-своему и заставляла хозяйку сердиться. Сейчас же не могла заставить себя ни приблизиться, ни попросить прощения.

— Зачем? — спросила она. — За что ты его убила?

Аксинья выпрямилась. Голос её прозвучал хрипло, однако достаточно отчётливо:

— Я думала, иначе он вас не отпустит.

— Не смей говорить, что сделала это ради меня.

— Я видела, что с вами творилось. Как он грозил отнять Алексея Петровича, оставить вас без денег, забрать людей из школы. Иногда после ваших разговоров вы всю ночь сидели, не решаясь лечь, потому что не знали, какое распоряжение он отдаст утром.

— И ты решила его убить?

— Да.

Аксинья произнесла это без вызова и без попытки смягчить сказанное.

— Я давно перестала верить, что он оставит вас в покое. Вы всякий раз пытались договориться, а потом всё начиналось снова. Мне казалось, однажды он исполнит свои угрозы и тогда мы ничего не сумеем сделать.

— Мне казалось, — повторила Василиса. — Тебе казалось.

Она подошла к Аксинье почти вплотную.

— Ты меня спросила? Я когда-нибудь просила тебя избавить меня от мужа таким способом?

— Нет. И если бы спросила, вы бы запретили.

— Так почему же ты решила, что имеешь право?

Аксинья впервые за разговор выдержала её взгляд.

— Потому что считала, что опасность уже нельзя остановить иначе. Я могу признать, что принесла вам страшное горе. Но не стану говорить, будто тогда верила, что всё само исправится. Не верила.

Василиса отступила.

Перед ней стояла не женщина, которая случайно совершила непоправимое и теперь искала способ вернуть прошлое. Аксинья принимала ответственность за убийство, но не отказывалась от убеждения, приведшего её к нему. Именно это оказалось самым невыносимым.

— Ты взяла мою жизнь в свои руки, — произнесла Василиса, с трудом удерживая голос ровным. — И решила за меня, кто в ней останется. Ты даже не попыталась понять, что я буду делать после.

— Я думала, вы сможете жить свободно.

— Свободно? Алёша вчера стоял возле отца и звал его, пока не понял, что ответа не будет. Сегодня он спрашивал меня, не обижался ли на него Пётр перед смертью. Ты и ему свободу подарила?

Аксинья закрыла глаза.

— О нём я тоже думала.

— Тогда должна была понимать, что отнимаешь у него отца.

Несколько мгновений Аксинья не могла говорить. Когда ответила, в её голосе впервые послышалась та тяжесть, которую она до сих пор удерживала за внешним спокойствием.

— Понимала. Только думала о другом. О том, что однажды он может лишиться и матери.

Василиса отвернулась к окну.

Она сама не верила, что Пётр способен измениться окончательно. Знала его нрав, знала цену обещаниям, данным в минуты примирения. Бывали дни, когда ей казалось, будто их жизнь до конца останется чередой уступок, угроз и тяжёлых ссор.

Но Пётр был её мужем.

Они прожили вместе столько лет, что невозможно было отделить семейную жизнь от боли, любовь от обиды, привычку от надежды.

Аксинья не имела права закончить всё за них.

Василиса долго стояла у окна.

Со двора доносился скрип полозьев. Под крыльцом остановились новые сани, из которых выбирался человек в тёмном дорожном кафтане. Его сопровождал молодой служитель с кожаной сумкой для бумаг. Оба торопились внутрь, стараясь не поскользнуться на ступенях.

Всё происходило как прежде. Люди приезжали, распоряжались, несли поручения; в кухне готовили ужин, в кладовых считали припасы, а возле тела умершего царя читали молитвы.

Василиса смотрела на эту обыкновенную жизнь и пыталась вспомнить последние дни Петра.

Двадцать восьмого декабря он ещё занимался делами и спорил с ней из-за очередного распоряжения. Позднее начались боли, быстро усилившиеся настолько, что лекарям пришлось почти не отходить от его постели. Она сидела рядом, подавала воду, требовала других лекарств, сердилась на каждого, кто не мог объяснить, отчего мужу становится хуже.

Аксинья всё это время находилась поблизости.

— Ты видела, как я пыталась его выходить, — произнесла Василиса, не оборачиваясь.

— Видела.

— Знала, что он может умереть, и позволяла мне надеяться.

— Да.

Василиса закрыла глаза.

Вчера она ещё хотела спросить у Аксиньи, не кажется ли ей, что лекарь скрывает от них правду. Они столько раз вместе переживали чужие болезни, что Василиса привыкла доверять её наблюдательности. Иногда Аксинья замечала перемены в состоянии больного раньше, чем те, кому было положено его лечить.

Но тогда Василиса ничего не спросила.

— А когда я говорила тебе, что хочу, чтобы он поправился?

— Я слышала.

— И что ты чувствовала?

Аксинья подошла к столу, но остановилась на расстоянии, не решаясь сесть.

— Сначала думала, что вы ещё не понимаете, сколько всего изменится. Потом увидела, как вам тяжело, и поняла, что ошиблась в самом главном.

— В чём?

— Я думала, вы обрадуетесь, когда всё кончится.

Василиса резко повернулась.

Аксинья продолжила, уже не отводя взгляда:

— Не в тот же день. Не при нём. Позднее, когда сможете жить без страха. А вышло, что я сделала вас несчастной ещё и этим. Только притворяться, будто тогда у меня не было причины бояться Петра Алексеевича, я не стану.

Василиса опустилась в кресло.

Она могла бы сказать, что после смерти мужа действительно перестала опасаться некоторых его решений. Пётр уже не мог отнять у неё Алексея, запретить школу или в один день перечеркнуть годы труда. С этой мыслью вчера пришло мгновенное облегчение, столь неожиданное, что она сама испугалась его.

Теперь ей было мучительно вспоминать об этом.

Аксинья не выдумала угроз, от которых Василиса стремилась освободиться. Но свобода, полученная ценой убийства, не становилась оттого желанной.

— Знаешь, что хуже всего? — сказала она. — Теперь я даже собственным мыслям верить не могу. Если почувствую облегчение, стану вспоминать твои слова. Если буду горевать, тоже. Ты и это у меня отняла — возможность самой понимать, что я чувствую.

Аксинья слушала, сжимая край рукава. В её лице не было прежней хозяйственной решительности, с какой она могла встретить недовольного поставщика или настоять на своём перед человеком гораздо выше себя по положению. И всё же Василиса видела: заставить её отречься от собственного решения нельзя.

Она могла признать вину и принять наказание, но не собиралась задним числом изображать женщину, которая ничего не понимала и действовала в беспамятстве.

От этого признание становилось ещё страшнее.

В дверь постучали.

— Государыня? — позвала Мавра. — К вам от Фёдора Алексеевича прислали. Бумагу просят передать.

Обе женщины невольно посмотрели на задвижку.

Василиса не сразу ответила. Ей вдруг показалось, что за дверью уже знают, что было сказано в комнате, и ждут лишь её разрешения войти.

— Оставь бумагу у себя, — произнесла она наконец. — Позднее прочту.

— Аксинья Тимофеевна у вас? На кухне спрашивали, кому теперь бельё выдавать.

— У меня. Пока пусть Мавра распоряжается.

Служительница обещала исполнить приказ, и её шаги постепенно удалились.

Василиса подождала, пока за стеной вновь не стало тихо.

— Если я сейчас открою дверь и позову людей, — сказала она, — что ты сделаешь?

Аксинья побледнела, но не стала искать оправданий.

— Скажу то же, что сказала вам.

— И объяснишь, зачем убила царя?

— Объясню.

— А когда спросят, кто ещё знал?

— Скажу, что никто.

Василиса покачала головой.

— Этого будет недостаточно.

Она слишком хорошо представляла, как развиваются дела, в которых затронута государственная власть. Ромодановский начнёт с людей, находившихся при Петре в последние дни, но одним признанием не ограничится. Следователи захотят знать, кто имел возможность приблизиться к больному, кто распоряжался его пищей, питьём и лекарствами, о чём говорил царь перед смертью.

Аксинья много лет состояла при Евдокии. Окружающим было известно, насколько близки они между собой, как часто обсуждают хозяйственные и личные дела, сколько поручений государыня доверяет ей без письменного распоряжения.

Само признание Аксиньи ещё не доказывало участия Василисы. Но было бы достаточно человека, заинтересованного в её падении, чтобы превратить давние семейные ссоры в обвинение против царицы.

И тогда возникнет вопрос, кто вправе находиться возле двенадцатилетнего Алексея и распоряжаться его именем.

Вчера сын потерял отца. Уже сегодня вокруг него собирались родственники и сановники, готовые спорить о каждом месте при новом государе. Если станет известно об убийстве, эти споры могут превратиться в борьбу, в которой самого Алексея никто не станет спрашивать.

— Ты говоришь, что я ни при чём, — произнесла Василиса. — Но кто поверит тебе, когда узнает, что ты столько лет была возле меня? У нас с Петром были ссоры, о которых весь двор говорил. Ты знала каждую из них. И теперь признаёшься, что убила его ради моей свободы.

Аксинья поняла, к чему она ведёт.

— Я скажу, что вы не знали. И что не просили меня.

— Скажешь. Только правду ещё нужно будет доказать. А против меня достаточно окажется подозрения.

Она не стала перечислять возможные допросы и наказания. Всё это было слишком близко к тем временам, когда Пётр мог одним своим решением разлучить её с сыном. Только теперь его не было в живых, и защитить Алексея от придворной борьбы предстояло ей самой.

Аксинья осторожно приблизилась.

— Я не хотела, чтобы вы отвечали за мой поступок.

— Хотела ты или нет, теперь я уже отвечаю.

Василиса произнесла это почти спокойно и сама услышала, насколько изменилось положение между ними.

Ещё утром она ничего не знала. Сейчас могла позвать людей и сообщить об убийстве. Не сделав этого немедленно, она уже приняла решение, от которого нельзя будет просто отказаться завтра.

Василиса поднялась и прошла по комнате. Возле стола под ногами попалась катушка, выпавшая из шкатулки. Она наклонилась, подобрала её и обнаружила, что не может попасть ниткой в прорезь деревянного ободка.

Пришлось положить катушку обратно на стол.

— Я должна тебя выдать, — сказала она.

Аксинья не возразила.

— И всё же не могу сейчас этого сделать. Не потому, что ты права. Не потому, что я считаю смерть Петра благом. Я не знаю, к чему приведёт твой арест и что тогда будет с Алексеем.

— Я понимаю.

— Нет, тебе придётся услышать до конца. Я не собираюсь называть молчание справедливостью. Ты убила человека, а я теперь знаю об этом и скрываю от других. Это не делает нас одинаково виновными, но и невиновной в дальнейшем молчании я уже не буду.

Аксинья опустилась на стул, словно у неё внезапно подломились ноги.

Василиса не велела ей встать. Она сама едва держалась.

За окном темнело. Слуги зажигали фонари возле крыльца, и их слабый свет едва пробивался сквозь иней.

— Ты останешься пока здесь, — произнесла Василиса. — При своих обычных хозяйственных делах. Внезапная отставка только привлечёт внимание. Но моими личными вещами займётся Мавра. В мои комнаты без зова больше не входи.

Аксинья медленно подняла голову.

— А Алексей Петрович?

Василиса почувствовала боль от одного упоминания сына.

— Без необходимости к нему не ходить. Если сам позовёт, не пугай и не отталкивай, но направь к Вельяминову или ко мне. Я не хочу, чтобы он искал у тебя утешения, пока я знаю то, чего не знает он.

Аксинья хотела что-то сказать, однако удержалась.

— Хорошо, государыня.

Василиса устало оперлась о спинку кресла.

— Ты умеешь исполнять поручения. Надеюсь, хоть сейчас обойдёшься без решений за меня.

У Аксиньи дрогнули губы. Она приняла этот упрёк, но не стала снова оправдываться.

— Вы можете больше мне не доверять, — сказала она. — Я это заслужила. Только я останусь здесь, пока вы сами не велите иначе. Никуда не сбегу и чужих людей в это дело не втяну.

— Я не знаю, что будет дальше.

— И я не знаю.

Впервые за всё время Аксинья не попыталась обещать хозяйке, что непременно найдёт выход.

Василиса подошла к двери и отодвинула задвижку.

— Иди к Мавре. Передай ключи от моих личных шкафов. Остальные дела пока веди как прежде, чтобы ничего внезапно не переменилось.

Аксинья поклонилась.

Она уже открывала дверь, когда Василиса остановила её.

— Аксинья.

Та обернулась.

— Почему ты не ушла сразу после смерти Петра? Могла ведь уехать, сослаться на болезнь, попросить отпустить тебя из дома.

Аксинья ответила не сразу.

— Я боялась, что после всего случившегося вам будет некому помочь.

Василиса почувствовала, как снова подступает гнев. Даже теперь Аксинья говорила о заботе — той самой, которая привела её к преступлению.

— Мне больше не нужна такая помощь. Иди.

На этот раз Аксинья ушла.

Мавра пришла вскоре после ухода Аксиньи.

Она принесла тёмное платье без украшений, чистый платок и небольшой таз с тёплой водой. Увидев катушки, рассыпанные по полу, остановилась.

— Кто здесь хозяйничал?

— Я задела шкатулку.

Мавра молча собрала нитки. Потом помогла Василисе умыться и принялась разбирать застёжки на платье.

— Аксинья Тимофеевна передала ключи, — сообщила она. — Сказала, чтобы теперь я к вам ходила, а она прочими делами займётся. Вы так велели?

— Да.

— Она себя нехорошо чувствует? Я с утра вижу, что на неё не похоже. Бельё перепутала, потом у кухни стояла, будто забыла, зачем пришла.

Василиса не сразу ответила.

— Устала. Последние дни всем тяжело дались.

Мавра поправила складку у плеча.

— Ей бы отдохнуть. Она, конечно, упрямая, пока сама не свалится, не признается, что сил больше нет.

— Пусть отдохнёт, когда закончит необходимое.

Больше Мавра расспрашивать не стала, но Василиса видела, что перемена её озадачила. За много лет Аксинья редко передавала другим свои обязанности без обстоятельного объяснения. Теперь же распоряжения прозвучали неожиданно, словно между двумя женщинами произошла ссора, о которой никто не должен знать.

Василиса не собиралась развеивать это впечатление. Обычная обида, даже серьёзная, была куда безопаснее правды.

Мавра подала ей тёплую шаль и сообщила, что Наталья Алексеевна спрашивала, можно ли прийти после вечерней службы.

— Сказала, если не захотите разговаривать, просто посидит.

— Пусть приходит.

Когда служанка вышла, Василиса некоторое время смотрела на себя в небольшое зеркало.

За последние дни лицо осунулось, под глазами появились тени. Она поправила выбившуюся прядь и подумала, что люди, которые увидят её вечером, ничего необычного не заметят. После смерти мужа такое лицо было вполне естественным.

Эта мысль оказалась неприятной.

Василиса отвернулась от зеркала и села ждать Наталью.

Аксинья передала Мавре связку ключей, сверила с ней записи о белье и оставила прежний порядок выдачи для лечебных палат. Мавра попыталась выяснить, почему хозяйка так неожиданно изменила распределение обязанностей, но получила лишь объяснение, что государыне сейчас удобнее видеть возле себя другого человека.

— Поссорились вы, что ли? — спросила Мавра.

Аксинья несколько мгновений молчала.

— Огорчила я её.

— Так исправь, что сделала, и поговорите. Вы ведь сколько лет вместе.

— Не всякое исправить можно.

Мавра посмотрела на неё, но расспрашивать дальше не стала. С ключами и записями она отправилась в женские покои, а Аксинья вернулась к хозяйственным делам.

Остаток дня прошёл в привычных хлопотах. Она велела приготовить дополнительные постели, проверила запас свечей и передала повару сведения о числе людей, которым предстояло остаться во дворце на ночь. От прежнего порядка службы она не отступала, но несколько раз ловила себя на том, что собирается лично отнести что-нибудь Евдокии, и каждый раз поручала это Мавре.

К вечеру Аксинья встретила в переходе служителя с подносом.

— Это к государю Алексею Петровичу? — спросила она по привычке, заметив небольшой кувшин и чашку.

— К нему. Вельяминов просил принести питьё.

Прежде Аксинья непременно проверила бы, чиста ли посуда и достаточно ли тёплая вода. Теперь она только посторонилась, пропуская человека.

Служитель прошёл дальше, а она осталась на несколько мгновений возле стены. Потом направилась в бельевую комнату, где её ждали записи о завтрашних выдачах.

Наталья пришла к Евдокии после вечерней службы.

Она не принесла ни писем, ни известий и, к удивлению Василисы, даже не стала расспрашивать, почему та весь день почти никого не принимала.

— Алёша у Вельяминова, — сообщила царевна, устраиваясь возле печи. — Они с самого обеда что-то чертили. Я заглянула, а он мне велел подождать, пока закончит линию. Вылитый отец.

Василиса сидела у стола с раскрытой книгой, которую так и не начала читать.

— Хорошо, что занят.

— Занят. Только глаза усталые, а сам уверяет, будто спать совсем не хочет.

Наталья сняла тёплую накидку, положила её на скамью и достала из рукодельной корзины оставленную утром работу. Несколько минут она пыталась распутать нитку, зацепившуюся за край ткани, пока не обнаружила, что не захватила нужной иглы.

— Совсем голова не на месте, — пожаловалась она. — Привезла целую корзину, а нужного в ней нет.

Василиса хотела позвать Аксинью.

Имя уже было готово сорваться с языка, и она даже повернулась к двери, но вовремя вспомнила, кто теперь находится в соседних покоях.

— Мавра! — позвала она.

Служанка пришла почти сразу. Василиса попросила принести Наталье иглу, и та, поблагодарив, снова принялась за работу.

Некоторое время они сидели молча. В печи потрескивали дрова, и через маленькую щель в заслонке пробивался красноватый свет. За стеной служительницы готовили постели для прибывших родственников.

Наталья несколько раз взглянула на золовку, прежде чем решилась заговорить.

— Дуня, тебе хуже?

— Почему ты спрашиваешь?

— Сидишь как чужая. Я тебе уже дважды про Алёшу рассказывала, а ты будто не слышишь.

Василиса закрыла книгу.

— Устала, Наташа.

— Знаю. Но если тебе сейчас тяжело со мной, скажи. Я уйду, посидишь одна.

— Не уходи.

Наталья придвинула стул ближе. Она не стала требовать объяснений, хотя прекрасно видела, что дело не в одной усталости. Положив рукоделие на колени, некоторое время рассматривала неровный шов, затем принялась осторожно распускать несколько неправильно сделанных стежков.

Василиса смотрела на её руки.

Ей хотелось рассказать хоть кому-нибудь. Слова уже подступали к горлу, и лишь мысль о том, что Наталья потеряла брата вчера, заставила её промолчать.

Как сказать человеку, с которым ещё утром говорила о его детстве, что смерть произошла не только от болезни? Как смотреть Наталье в глаза, зная, что убийца Петра находилась возле них, приносила воду, распоряжалась приготовлением тела, слушала их разговоры о покойном?

И что сама Василиса теперь скрывает это?

Наталья подняла голову.

— Ты чего так смотришь?

— У тебя здесь петля пропущена.

Царевна осмотрела край ткани.

— И правда. А я всё понять не могла, отчего тянет.

Она поправила шов и продолжила работу, довольная тем, что нашла ошибку.

Василиса придвинула к ней свечу, чтобы было светлее.

До самого ухода Наталья больше не расспрашивала её о причинах молчания. Рассказала, какие комнаты приготовили приехавшим родственникам, посетовала, что при дворе снова приходится объяснять людям разницу между траурным приездом и обычным гостеванием, и спросила, не хочет ли Василиса завтра вместе с ней побыть у Петра до начала молитв.

— Хочу, — ответила та. — Пойдём пораньше.

Наталья пообещала зайти за ней.

Когда царевна ушла, Василиса ещё некоторое время сидела возле печи. На скамье осталась короткая нитка, которую Наталья отрезала после исправления шва. Василиса подняла её и бросила в огонь.

Перед сном она сама пошла к Алексею.

Мальчик сидел на постели в длинной домашней сорочке. Вельяминов уже собирался уходить, но задержался, потому что ученик снова заговорил об отце и хотел узнать, будут ли завтра читать молитвы в то же время.

Увидев мать, Алексей отложил книгу.

— Я уже ложусь.

— Вижу.

Василиса поблагодарила наставника и села возле сына.

На маленьком столике рядом с постелью стояла отцовская чашка. Возле неё лежал свёрнутый чертёж, который Алексей так и не убрал в учебный сундук.

— Ты сегодня был у отца? — спросила Василиса.

— Был. Только там теперь много людей, и я недолго постоял.

Он помолчал, потом посмотрел на мать.

— Матушка, а вы сильно сердились на батюшку в последнее время?

Василиса почувствовала, как холодеют пальцы.

— Мы с ним иногда спорили. Ты знаешь.

— Знаю. Только теперь всё вспоминаю, когда он на вас кричал. И когда вы потом не разговаривали. Раньше мне казалось, что вы всегда миритесь, а теперь думаю: может, некоторые ссоры так и остались.

Он говорил негромко, не пытаясь обвинить ни отца, ни мать. Ему просто хотелось разобраться в том, что осталось незавершённым.

Василиса могла бы сказать, что всё было забыто и прощено, но это оказалось бы неправдой. Она не хотела обманывать сына даже ради утешения.

— Мы прожили вместе много лет, Алёша. И было у нас всякое. Но я хотела, чтобы отец поправился. Очень хотела.

Алексей внимательно посмотрел на неё.

— Я тоже.

— Знаю, родной.

Он немного успокоился. Василиса поправила покрывало и поцеловала его в лоб, но мальчик удержал её за рукав.

— Аксинья Тимофеевна не приходила сегодня. Она заболела?

Василиса на мгновение замерла.

— Устала. У неё много работы.

— Я хотел спросить, не знает ли она, куда убрали батюшкины инструменты. Он мне обещал дать один маленький угольник, железный.

— Об этом лучше спроси Вельяминова. А если он не знает, завтра вместе посмотрим, кому поручили отцовские вещи.

Алексей согласился и отпустил её руку.

Василиса пожелала сыну спокойной ночи, дождалась, пока он устроится под одеялом, и вышла, осторожно прикрыв дверь.

В переходе уже погасили часть свечей. Издалека доносились шаги караульного, а у наружной двери тихо разговаривали двое служителей, ожидавших смены.

Возле поворота к женским покоям Василиса встретила Аксинью.

Та несла небольшой свёрток хозяйственных записей и остановилась, заметив государыню. В слабом свете оставшейся свечи были видны следы недавней пощёчины: щёку всё ещё отмечала краснота, которую Аксинья не пыталась скрыть.

— Мавра всё получила? — спросила Василиса.

— Да, государыня. Ключи и записи я передала.

— Хорошо.

Аксинья отступила, освобождая дорогу.

Когда-то Василиса без колебаний позвала бы её к себе, попросила помочь переодеться, пожаловалась бы на усталость или рассказала, что Алексей опять расспрашивал об отцовских вещах. Теперь она не знала, как даже обращаться к женщине, которая за долгие годы стала ей ближе многих родственников.

Аксинья поклонилась и направилась в сторону хозяйственных помещений.

Василиса проводила её взглядом, затем пошла к своим покоям.

В комнате было тепло. Мавра приготовила ночную одежду, поставила воду возле кровати и оставила на столе свечу.

Василиса сняла платье, переоделась и уже собиралась лечь, когда вспомнила, что дверь осталась незапертой.

Она вернулась, придвинула задвижку и проверила, прочно ли та вошла в паз.

Она никогда прежде не запирала дверь от Аксиньи.

Глава 3. Государь и родня

У праздничного кафтана оторвалась застёжка как раз тогда, когда Алексей поднял руку, чтобы поправить ворот сорочки.

Он разжал пальцы и посмотрел на маленькую металлическую деталь, оставшуюся в ладони. Кафтан приготовили ещё накануне; портной дважды приходил на примерку, уверял, что теперь всё сидит как положено, и даже обиделся, когда Алексей заметил, что застёжки слишком тугие. Одна из них оказалась не столько тугой, сколько плохо пришитой.

— Я ведь говорил, что с ним неладно.

Вельяминов отложил книгу, которую держал раскрытой на столе.

— Вы говорили, что хотите надеть старый кафтан. О застёжках я услышал впервые.

— Потому что вчера они ещё не отрывались.

Наставник подозвал служителя и велел принести иглу с прочной ниткой. Алексей уже потянулся к домашней одежде, сложенной на сундуке, но Вельяминов остановил его: присягу следовало принимать в приготовленном для церемонии платье.

— Батюшка иной раз ходил в таком, что матушка смотреть не могла, — возразил Алексей. — И никто ему не говорил, что нельзя.

— Вашему отцу говорили многое, Алексей Петрович. Далеко не всё он желал слушать.

— Вы ему тоже говорили?

— Случалось. Только государь чаще спрашивал меня о ваших занятиях, а о собственной одежде предпочитал не советоваться.

Служитель появился с нитками и попросил Алексея встать поближе к окну. Пока тот укреплял застёжку, наставник ещё раз объяснил порядок предстоящего дня.

Государственные люди будут подходить к кресту и Евангелию, произносить положенные слова и приносить верность новому царю. Алексей должен внимательно слушать, не торопиться с ответами и не вступать в разговор, если от него не требуется решения.

Последнее наставление его особенно занимало.

— Они ведь мне присягать будут, — заметил он. — Отчего же тогда говорить станут другие?

Вельяминов не сразу ответил. Вопрос был разумным, но объяснить различие между законной властью государя и церемонией, в которой каждая мелочь определялась обычаем, оказалось труднее, чем он предполагал.

— Присяга подтверждает, кому они обязаны служить. А порядок её проведения установлен не для того, чтобы ограничить вас, а чтобы каждый знал, что ему делать. Когда начнутся государственные дела, одних приготовленных слов уже не хватит.

Алексей оглянулся на наставника.

— А если я не пойму, о чём меня спрашивают?

— Попросите объяснить.

— При всех?

— При всех. Лучше задать разумный вопрос, нежели согласиться с тем, чего не поняли.

Алексей задумался. В последние дни взрослые всё чаще говорили с ним таким почтительным тоном, что порой он начинал сомневаться, действительно ли они ждут ответа. Раньше, если возникал спор, можно было обратиться к отцу. Теперь Петра не стало, а все продолжали смотреть на сына, ожидая, что тот каким-то образом уже знает, как должен поступить.

— Батюшка, когда чего-нибудь не понимал, сам разбирал, — сказал Алексей.

— Верно. Иной раз разбирал до последнего винтика, а потом сердился, если обратно собрать не удавалось.

Алексей улыбнулся воспоминанию.

Портной закончил работу, проверил застёжку и отступил. Кафтан наконец сидел как следует. Вельяминов подал ученику перчатки, после чего они направились к приёмной палате.

У самого выхода Алексей остановился.

— А вы будете рядом?

— Насколько позволяет порядок. Если понадобится, я услышу.

Алексей кивнул и вышел в переход, где его уже ожидали служители.

Фёдор Алексеевич Головин встретил их возле входа в палату.

Внутри собрались люди, которых прежде можно было увидеть рядом с Петром по самым разным делам. Военачальники беседовали с приказными служителями, бояре обменивались негромкими замечаниями, дворяне, приехавшие из Москвы, ожидали своей очереди. Возле аналоя духовные лица готовили крест и Евангелие.

Разговоры касались не только предстоящей присяги.

Лев Кириллович Нарышкин, дядя покойного Петра по матери, обратил внимание, что среди приглашённых некоторые служилые люди намерены подходить раньше представителей старых родов. Он не требовал для себя особенного места, однако хорошо знал, как подобные решения истолкуют завтра.

— Фёдор Алексеевич, — произнёс он, — коли нынче людей станут располагать не по достоинству, потом каждый начнёт доказывать, что прежняя служба ничего не значит.

Головин закрыл принесённую ему роспись.

— Сегодня важнее, чтобы присягу принесли без промедления. Служебное старшинство от этого никто не отменяет.

— Я ведь не о собственной чести беспокоюсь.

— Знаю, Лев Кириллович. Но если сейчас начнём решать все споры о старшинстве, Алексей Петрович до вечера простоит в палате, а половина людей так и не дойдёт до креста.

Нарышкин усмехнулся, признавая справедливость замечания, хотя не собирался забывать об этом разговоре.

Неподалёку находился Авраам Фёдорович Лопухин, брат Евдокии. Он приехал с несколькими родственниками, и уже само их присутствие вызвало внимание придворных.

При Петре близость к царице далеко не всегда приносила Лопухиным ожидаемые преимущества. Государь не любил, когда семейные связи использовали вместо служебных заслуг, а отношения с женой в последние годы становились всё сложнее. Теперь престол переходил к её сыну, и материнская родня намеревалась занять при нём положение, соответствующее новому обстоятельству.

Лопухин подошёл к Головину, когда тот закончил разговор с Нарышкиным.

— Фёдор Алексеевич, я бы хотел узнать, кто определял порядок представления родственников государю.

— Порядок составлен по прежним записям и согласован с людьми, ведающими церемонией. Если обнаружилась ошибка, назовите её.

— Ошибки пока нет. Но некоторые наши родственники оказались записаны вместе с людьми, которым принадлежит место по службе, а не по крови.

Головин посмотрел на него внимательнее.

— После присяги разберём родственные посещения отдельно. Сегодня государь принимает верность подданных.

Лопухин хотел продолжить, но в палате объявили о прибытии Алексея.

Все разговоры оборвались.

Новый царь вошёл в сопровождении Головина и Вельяминова. На мгновение он замедлил шаг, увидев, сколько людей одновременно поклонилось ему. Затем выпрямился и прошёл к приготовленному месту.

Евдокия стояла слева. Наталья находилась среди женщин царского семейства, немного поодаль от вдовы Петра. Она внимательно следила за племянником, но не пыталась привлечь его внимание: Алексей и без того слишком часто оглядывался, проверяя, всё ли делает правильно.

Началась присяга.

Священнослужитель прочёл положенные молитвы, после чего присутствовавшие стали подходить к кресту и Евангелию. Алексей слушал имена и слова верности, стараясь запомнить лица. Сначала ему казалось, что все произносят одно и то же, но вскоре он начал замечать различия.

Некоторые говорили уверенно, почти торжественно; другие торопились, будто боялись перепутать установленную формулу. Один пожилой военный человек с перевязанной рукой с трудом опустился на колено и попытался подняться без помощи. Алексей невольно шагнул к нему.

— Вам помочь?

Старик поднял голову.

— Сам управлюсь, государь. Благодарствую.

Он действительно выпрямился, хотя сделал это с явным усилием, и закончил положенные слова.

Алексей проводил его взглядом.

Этот человек, вероятно, служил ещё до его рождения. Теперь он обещал повиноваться царю, который вчера боялся спросить наставника, можно ли оставить себе отцовскую чашку.

От мысли об этом Алексей почувствовал себя неловко, но уже не так, как в начале церемонии. Ему впервые пришло в голову, что присяга означает обязанности не только для тех, кто клянётся.

После завершения присяги Алексей поблагодарил присутствовавших, как заранее условились с Головиным, и удалился ненадолго отдохнуть.

Однако семейные дела начались прежде, чем ему успели подать обед.

Авраам Фёдорович Лопухин не собирался предлагать немедленную отставку Вельяминова.

По крайней мере, именно так он объяснил своё намерение сестре, когда вошёл в небольшую приёмную комнату, где Евдокия собиралась поговорить с сыном после церемонии.

— Надобно прежде всего рассмотреть, чему государя теперь следует учить, — сказал он. — При Петре Алексеевиче Алексей занимался арифметикой, чертежами, иностранными языками. Всё это полезно. Но теперь ему потребуются другие знания, и при нём должны находиться люди, сведущие в государевом порядке.

— Разве Вельяминов мешает ему учиться? — спросила Евдокия.

— Нисколько. Я не о нём одном говорю. Только не следует полагать, будто человек, хорошо обучающий ребёнка, непременно пригоден руководить воспитанием государя.

Алексей сидел возле окна и слушал взрослых.

Он устал после присяги, хотел переодеться и поесть, но разговор касался Вельяминова, поэтому уйти не решался.

— Дядюшка, — произнёс он, когда Авраам Фёдорович остановился, — вы хотите поставить мне другого наставника?

Лопухин повернулся к племяннику.

— Я предлагаю дополнить ваше образование, государь. В нынешнем положении вам необходимо знать не только науки, но и порядок управления, обычаи двора, службу ваших предков.

— А Вельяминов разве этого не знает?

— Он сведущ во многих предметах. Но найдутся люди, которые всю жизнь посвятили государственным делам.

— Тогда пусть объясняют ему то, чего он не знает. Или мне самому. Зачем его менять?

Авраам Фёдорович помедлил.

Вопрос был задан без дерзости, однако Алексей смотрел на него с явным ожиданием ответа. Лопухин привык разговаривать с племянником как с сыном своей сестры; теперь приходилось помнить, что перед ним государь.

— Всё дело в ответственности, Алексей Петрович. Наставник должен не только учить, но и понимать, какие обязанности лежат на царе. Родственники обязаны позаботиться, чтобы возле вас были достойные люди.

— И кто же предлагает этих людей? — спросила Наталья, вошедшая как раз во время последних слов.

Авраам Фёдорович поклонился.

— Мы обсуждаем воспитание государя.

— Я слышу. А о кандидатах уже договорились?

— Разговор пока предварительный.

— Стало быть, государя ещё не спросили, нужен ли ему другой наставник, а разговор о перемене уже начали.

Наталья сняла тёплую накидку, которую накинула для перехода между помещениями, и обратилась к Евдокии:

— Ты позволишь мне остаться? Хочу понять, чем Вельяминов успел не угодить.

— Оставайся.

Лопухин сдержанно объяснил свою позицию. Он опасался не столько недостатков нынешнего наставника, сколько того, что после смерти Петра воспитание Алексея останется полностью в руках людей, назначенных покойным государем. Если курс занятий не изменится, новый царь может годами изучать инженерное дело, не получив достаточного представления о государственном управлении.

Возражение было не лишено смысла, и Наталья это признавала.

— О государственных делах Алёше действительно надо узнавать больше, — сказала она. — Но почему нельзя пригласить человека для отдельных занятий? Для чего непременно перестраивать весь его дом?

Авраам Фёдорович повернулся к ней.

— Потому что воспитание государя не должно состоять из случайных уроков. Требуется общий надзор.

— Чей?

Лопухин заметил, что ответить прямо означало бы назвать собственных претендентов. Он уже собирался сослаться на необходимость дальнейшего обсуждения, когда в комнату вошёл Лев Кириллович Нарышкин.

Ему передали, что родственники обсуждают положение наставников, и он счёл нужным присутствовать.

— Надзор, — повторил Нарышкин, услышав конец разговора. — Хорошее слово. Только всякий сперва хочет надзирать за государевым воспитанием, а потом за теми, кто приносит ему бумаги.

Авраам Фёдорович нахмурился.

— Вы меня обвиняете в желании распоряжаться племянником?

— Я говорю, что воспитание государя требует осторожности. И от себя, и от вас того же желаю.

— При жизни Петра Алексеевича вы не всегда столь строго судили о родственных правах.

Нарышкин улыбнулся без особенной теплоты.

— При жизни Петра Алексеевича он сам решал, кого ставить возле сына. Сейчас мы обсуждаем, как поступить без него. Разница немалая.

Василиса слушала этот обмен с растущим раздражением. Лопухин опасался утратить положение материнской родни, Нарышкин — уступить влияние людям, которые прежде не могли на него рассчитывать. Оба приводили доводы, заслуживавшие внимания, но ни один пока не предложил конкретной программы обучения.

Она собиралась прекратить разговор, однако Алексей попросил слова раньше.

— Я хочу, чтобы Вельяминов остался.

Все повернулись к нему.

— Он не только арифметике меня учит, — продолжил Алексей. — Мы историю читаем, языками занимаемся, о государевых делах тоже говорим. Когда чего-нибудь не знает, он не выдумывает ответ, а ищет человека, который разбирается лучше. Батюшка велел мне так же поступать. Я могу учиться у других, только не понимаю, зачем для этого отсылать его.

Авраам Фёдорович начал было объяснять разницу между личной привязанностью и государственной пользой, но Алексей перебил его:

— Я ведь не говорю, что больше никого слушать не стану. Дайте мне сначала узнать, чему хотят учить новые люди. Тогда и решим, какие занятия прибавить.

Лопухин остановился.

В предложении не было ничего неразумного. Более того, возражать означало бы признать, что дело действительно не только в образовании.

— Согласен, государь, — сказал он наконец. — Следует сперва представить предметы обучения и людей, способных их преподавать.

Евдокия воспользовалась достигнутым согласием.

— Подготовьте предложения. Обсудим их с Вельяминовым и Алексеем, прежде чем менять установленный порядок. До тех пор наставник остаётся на своём месте.

Нарышкин поклонился, удовлетворённый тем, что поспешная перемена не состоялась.

Авраам Фёдорович тоже склонил голову, однако, выходя, уже обдумывал, каких людей можно предложить и как представить их заслуги. Его не устраивало положение родственника, которого зовут лишь тогда, когда требуется поддержать чужое решение.

Наталья осталась возле окна.

— Устал? — спросила она племянника.

— Очень. Я теперь могу переодеться?

— Думаю, за это тебя никто не осудит.

Алексей поднялся и направился к двери. Уже у порога он обернулся к матери:

— Только если они принесут список, я хочу сам посмотреть.

— Посмотришь, — пообещала Василиса.

Наталья проводила его взглядом.

— Упрямый растёт.

— В отца, — ответила Евдокия.

— И хорошо. Только пусть научится выбирать, из-за чего стоит упрямиться.

Прасковья Фёдоровна приехала в Преображенское не для того, чтобы предлагать наставников.

Вдовствующая царица Ивана Алексеевича хорошо помнила времена, когда её собственному мужу приходилось делить престол с младшим братом. После смерти Ивана в 1696 году она сохранила почётное положение, но при дворе Петра постепенно привыкли считать её семью частью прежнего порядка.

Теперь государем стал Алексей Петрович, и Прасковья хотела понять, каким окажется положение её дочерей.

Она встретилась с Евдокией без посторонних. Разговор начался с соболезнований, воспоминаний о покойном и расспросов об Алексее, но вскоре Прасковья перешла к тому, ради чего приехала.

— Ко мне уже приходили добрые советчики, — сказала она, поправляя платок. — Одни уверяют, что девочек надо чаще показывать при новом государе. Другие советуют держать их дома, будто от лишней поездки в Кремль весь старый порядок рухнет.

— А ты что отвечала?

— Что дочерей сама воспитываю и без чужих указаний знаю, когда им выходить.

Василиса улыбнулась.

Прасковья, однако, оставалась серьёзной.

— Ты понимаешь, Дуня, что дело не в поездках. У моих девочек отец тоже государем был. Пока Пётр Алексеевич жил, никто не спорил с их положением. Но теперь начнут выяснять, кто кому приходится ближе, какие права по крови имеет и что от прежнего царского дома осталось.

— Их достоинства никто не собирается умалять.

— Ты не собираешься. Но не всякий станет спрашивать у тебя разрешения, прежде чем пренебречь моими дочерьми.

Прасковья говорила без обиды, скорее с привычной осторожностью женщины, которая слишком хорошо знала двор, чтобы принимать учтивые обещания за прочные гарантии.

Она не требовала должностей для своих людей и не пыталась вмешиваться в наставничество Алексея. Её тревожило другое: дочери взрослели, и рано или поздно вопрос об их будущем станет предметом переговоров между государствами. Тогда за почётным положением царевен должны стоять не только родословные записи, но и признание семьи нового государя.

— Анна растёт серьёзная, — сказала Прасковья. — Екатерина характером совсем другая, с ней попробуй ещё договорись. А младшая пока больше за старшими наблюдает, чем сама о будущем думает. Я хочу, чтобы они оставались родными Алексею, а не людьми, которых вспоминают только по праздникам.

— Так и будет.

— Тогда после траура поговорим подробнее. И с Натальей Алексеевной тоже. Она девочек давно знает.

Василиса согласилась.

Перед уходом Прасковья спросила, как держится Наталья после смерти брата. Узнав, что та решила остаться возле племянника, вдовствующая царица кивнула.

— Ей сейчас тоже трудно. Пётр хоть и сердился на неё иной раз, а любил. И она его любила.

Прасковья задержалась у двери.

— Только не дай, чтобы из-за нашей родни Алёшу совсем замучили. Он сегодня государь, но от этого не перестал быть сыном, который отца потерял.

Василиса поблагодарила её.

Седьмого января Алексей долго не хотел ложиться.

С утра его готовили к предстоящему погребению, объясняли расположение участников траурной церемонии, примеряли тёмный кафтан. Он несколько раз просил повторить, где должен стоять в соборе, и каждый раз находил в объяснениях подробность, которую прежде не заметил.

Вельяминов показывал ему приготовленную роспись, когда в комнату вошёл служитель с известием от Головина.

Один из церемониальных распорядителей просил уточнить, должно ли место молодого государя находиться непосредственно возле матери либо следует соблюсти иной порядок, подчёркивающий его царское достоинство.

Вопрос был передан осторожно. Его не предполагалось решать с самим Алексеем: распорядитель ждал указаний от старших государственных людей.

Алексей, однако, услышал содержание письма.

— Они хотят, чтобы я стоял отдельно от матушки?

Вельяминов перечитал записку.

— Такой порядок предлагается рассмотреть. Не утверждён.

— А зачем?

Наставник объяснил, что церемония должна обозначить положение нового царя. Но прежде чем он успел закончить, Алексей попросил передать Головину ответ.

— Я буду стоять возле матушки. Батюшку ведь хоронят.

Вельяминов посмотрел на него внимательно.

— Алексей Петрович, не всякое церемониальное решение можно принять сразу, не выслушав...

— Тогда пусть объяснят мне, чем я помешаю, если стану возле неё. Я ведь не собираюсь уходить с положенного места.

Наставник не стал спорить. Вопрос действительно касался самого государя, и его желание следовало передать.

Он попросил служителя подождать, записал сказанное и велел отнести Головину.

Алексей некоторое время сидел молча.

— Вы думаете, я неправильно сделал?

— Думаю, что вы назвали причину своего желания. Теперь Фёдор Алексеевич проверит, можно ли устроить церемонию соответствующим образом.

— Батюшка бы рассердился?

Вельяминов не сразу нашёл ответ.

— Ваш отец умел сердиться по многим поводам. Но, насколько я его знал, не любил, когда человек соглашался лишь потому, что боялся возразить.

Алексей опустил глаза на церемониальную роспись.

Ему уже приходилось отстаивать Вельяминова, но там было понятно, чего он добивается. Завтра предстояло совсем другое. Он хотел проститься с отцом, а взрослые всё время напоминали, что даже во время погребения должен оставаться государем.

Ответ Головина пришёл поздним вечером.

Фёдор Алексеевич сообщил, что пожелание Алексея учтено. Место рядом с Евдокией можно сохранить, не нарушая необходимого порядка; соответствующие указания уже переданы людям, готовившим церемонию.

Алексей перечитал ответ дважды.

Потом отложил письмо и наконец согласился лечь.

Восьмого января мороз усилился.

Утро выдалось ясным, с таким сухим холодом, от которого снег скрипел под ногами почти как песок. К дороге приготовили сани для сопровождавших траурную процессию, а люди, назначенные к церемонии, собирались ещё до рассвета.

Василиса проснулась прежде служительниц.

Она долго лежала, прислушиваясь к шагам за дверью, потом попросила Мавру принести приготовленное платье. Тёмная ткань была тяжёлой, рукава подбиты мехом, чтобы не мёрзнуть в соборе. Мавра помогала молча, не пытаясь утешать хозяйку или расспрашивать о её самочувствии.

С тех пор как Аксинья перестала входить в личные покои Евдокии, эта обязанность окончательно перешла к Мавре. Для остальных служителей перемена выглядела естественной после долгой болезни и смерти государя: Аксинье оставили хозяйственные дела, а Мавра занялась ближайшим прислуживанием.

Василиса никому не объясняла причин.

Сегодня ей было особенно трудно смотреть на приготовленное траурное платье. Ещё несколько дней назад Пётр лежал больной, и она надеялась, что всё обойдётся. Теперь предстояло проститься с ним перед людьми, не знавшими того, что знала она.

— Алексей готов? — спросила Василиса.

— Одет, государыня. Наталья Алексеевна с ним.

В переходе сын встретил её прежде, чем она успела выйти к лестнице.

Он был бледен, но держался прямо. Траурный кафтан сидел хорошо, ворот застегнули ровно. Увидев мать, Алексей подошёл и взял её за руку.

— Фёдор Алексеевич сказал, что я возле вас буду стоять.

Василиса удивилась.

— Ты сам просил?

— Да. Хотел, чтобы мы вместе были.

Она наклонилась и поцеловала сына в лоб.

Наталья стояла рядом. На ней было тёмное платье, поверх которого накинули меховую накидку. Она не вмешивалась в разговор, но Василиса заметила, как сестра Петра смотрит на племянника.

Впервые Алексей добился изменения приготовленного взрослыми порядка не потому, что кто-нибудь вступился за него, а потому, что сам объяснил своё желание.

И сделал это в день, когда меньше всего хотел думать о собственных правах.

Архангельский собор Московского Кремля встретил их холодом камня, запахом воска и тяжёлым ладанным дымом.

Внутри уже находились духовные лица, родственники царского семейства и высшие сановники. По стенам тянулись росписи; в колеблющемся свете свечей лики святых казались особенно строгими. Возле царских гробниц приготовили место для погребения Петра.

Алексей, войдя, невольно задержал взгляд на надписях прежних захоронений.

Здесь покоились люди, о которых ему рассказывали на уроках истории и родословия. Некоторые имена он знал с детства, другие приходилось вспоминать, связывая их с рассказами о прежних государях.

Теперь среди них предстояло похоронить отца.

Вельяминов остановился в стороне, как требовал порядок. Алексей заметил наставника и успокоился, хотя тот находился слишком далеко, чтобы помочь в случае затруднения.

Мать стояла рядом.

Наталья направилась к женщинам царского дома, где её уже ожидала Прасковья Фёдоровна. Вдовствующая царица взяла её за руку и негромко выразила соболезнования. Они несколько мгновений стояли рядом, не обращая внимания на движение людей вокруг.

Нарышкин и Лопухин находились среди мужчин, назначенных сопровождать церемонию.

Разногласие между их людьми возникло ещё до начала службы.

Один из дворян, сопровождавших Нарышкина, заметил, что представители материнской родни Алексея заняли место ближе к молодому государю, чем предусматривалось первоначальной росписью. Лопухинский родственник ответил, что после смерти Петра положение царской матери должно быть обозначено особенно ясно, а потому её ближние люди вправе сопровождать её.

Разговор происходил вполголоса, но напряжение быстро передалось остальным.

Головин подошёл прежде, чем стороны успели обратиться непосредственно друг к другу.

— Господа, порядок уже установлен. Сегодня менять его не станем.

Лев Кириллович посмотрел на него.

— Я не требую перемены. Только не хочу, чтобы потом говорили, будто мы сами признали новое старшинство.

Авраам Фёдорович ответил, что не намерен превращать погребение в спор о родовых правах, однако и умаления положения сестры не допустит.

Головин выслушал обоих.

— Если у вас есть замечания к росписи, принесите их после службы. Сейчас каждый займёт назначенное место.

Он говорил ровно, без угроз, но достаточно твёрдо, чтобы спорщики разошлись.

Наталья услышала последние слова и посмотрела на Прасковью.

— Хоть сегодня могли бы забыть свои счёты.

— Им трудно, — негромко ответила вдовствующая царица. — Слишком долго привыкали считать каждое место.

Наталья не стала продолжать. Ей было неприятно, что рядом с телом брата вновь приходится слышать о преимуществах родов, однако ещё больше тревожило другое: Алексей уже смотрел в сторону споривших мужчин.

Она хотела подойти к нему, но остановилась.

Он стоял рядом с матерью, как сам пожелал, и не нуждался в очередном человеке, который поспешит объяснить ему происходящее.

Когда началась служба, все заняли места.

Голоса духовенства поднимались под своды собора и возвращались глухим, многократным эхом.

Алексей старался следить за молитвами, но не всегда разбирал слова. Он крестился вместе с окружающими, иногда чуть запаздывая, и от этого сердился на себя. В тяжёлом кафтане было неудобно стоять, ноги постепенно немели, однако попросить разрешения выйти он не решался.

Ему казалось, что стоит отойти хоть ненадолго, и он пропустит что-нибудь важное.

Василиса стояла рядом, почти не двигаясь. Она слушала молитвы и пыталась думать о покойном муже, но память упрямо возвращала её к последним дням болезни, к словам Аксиньи и к собственной неспособности немедленно сообщить об убийстве.

Среди собравшихся было множество людей, которые горевали искренне. Другие думали о том, как изменятся их обязанности после смерти государя. Некоторые наверняка уже составляли в уме списки необходимых назначений.

Никто из них не знал, что произошло между Евдокией и Аксиньей первого января.

Василиса посмотрела на сына.

Алексей внимательно слушал пение и, кажется, уже перестал замечать окружающих. Когда он почувствовал материнский взгляд, то взял её за руку.

Она крепко сжала его пальцы.

Наталья стояла возле Прасковьи Фёдоровны. Во время одной из молитв она заплакала, не сумев удержать слёз. Вдовствующая царица подала ей платок, а потом осторожно поддержала под локоть.

Наталья попыталась поблагодарить её, но голос подвёл.

Прасковья только крепче сжала её руку.

Когда настало время последнего прощания, Алексей подошёл к гробу отца.

Несколько человек, назначенных сопровождать государя, сделали движение вслед за ним. Алексей заметил это и остановился.

Он не хотел, чтобы его окружали сейчас.

— Я сам, — сказал он негромко.

Ближайший служитель замялся, посмотрел на Головина, ожидая распоряжения. Тот сделал едва заметный знак отступить.

Алексей приблизился к отцу один.

Пётр лежал неподвижно, в приготовленном для погребения облачении. Лицо его уже не казалось таким знакомым, как при жизни, но Алексей всё равно видел в нём те черты, которые прежде замечал каждый день: высокий лоб, линию носа, тяжёлые веки.

Он хотел сказать что-нибудь на прощание.

За последние дни придумал множество слов: о том, что не станет бросать занятия, что закончит чертёж ворот, что постарается научиться тому, чего отец не успел объяснить.

Теперь ни одно не казалось нужным.

У края покрывала завернулась узкая складка. Алексей осторожно расправил её, вспомнив, как отец всегда сердился, если ткань лежала неровно или деталь была закреплена небрежно.

Пальцы задержались на холодном полотне.

— Батюшка...

Он почти не услышал собственного голоса.

Потом отошёл.

Возвращаясь к матери, Алексей заметил, что Наталья плачет. Ему захотелось подойти к ней, но служба продолжалась и распорядители уже ожидали завершения прощания. Он занял своё место рядом с Евдокией и вновь взял её за руку.

После этого ему оставалось только смотреть, как заканчивается погребение.

Когда служба завершилась, Алексей был настолько измучен, что едва держался прямо.

Люди начали выходить из собора, переговариваться, готовиться к отъезду. Головин собирался распорядиться, чтобы государя проводили к приготовленным помещениям, но прежде к нему подошёл один из церемониальных служителей.

Тот сообщил, что представители двух родственных домов просят уточнить, кому надлежит сопровождать Алексея при последующем выходе. Оба ссылались на прежние обычаи и своё родство с покойным царём.

Головин уже собирался разрешить спор сам, когда Алексей, услышав последние слова, повернулся к нему.

— Фёдор Алексеевич, я хочу уйти с матушкой и тётушкой Натальей. Остальные могут проводить нас до выхода, как положено.

Служитель поклонился, но не двинулся.

Алексей посмотрел на него.

— Я что-нибудь неправильно сказал?

Головин ответил прежде, чем тот успел заговорить:

— Нет, государь. Всё можно устроить именно так.

— Тогда пусть так и будет.

Распорядитель отправился передавать ответ.

Наталья, стоявшая неподалёку, заметила, как Лопухин обменялся взглядом с Нарышкиным. На этот раз никто из них не возразил.

После погребения родственники ненадолго собрались в приготовленных помещениях Кремля.

Прасковья Фёдоровна подошла к Евдокии, выразила соболезнование ещё раз и спросила, как Алексей перенёс службу. Услышав, что его скоро отправят отдыхать, не стала задерживать.

— Девочек я пока оставлю дома, — сказала она. — Им незачем видеть все нынешние разговоры. После траура соберёмся и обсудим, как дальше быть.

— Договорились, — ответила Василиса.

Наталья проводила вдовствующую царицу до двери. По дороге они обменялись несколькими словами о дочерях Ивана V, и Прасковья пригласила её приехать, когда закончатся первые тяжёлые дни.

Наталья согласилась.

К тому времени Алексей уже устроился в небольшой комнате рядом с выходом. Вельяминов помог ему снять тяжёлый кафтан и приготовить тёплое питьё. Государь почти не разговаривал, но, увидев тётку, попросил её задержаться ненадолго.

— Вы слышали, что я сказал после службы? — спросил он.

— Слышала.

— Я ведь никого не хотел обидеть. Просто устал, а они опять начали спорить, кому меня провожать.

Наталья села напротив.

— Кого-то наверняка обидел. При дворе трудно прожить день, чтобы кто-нибудь не счёл себя обойдённым.

Алексей задумался.

— Значит, надо было промолчать?

— Нет. Ты сказал, чего хочешь, и никому не нагрубил. Остальным придётся с этим считаться.

Он посмотрел на неё с неожиданной серьёзностью.

— А если вы мне однажды предложите что-нибудь, чего я не захочу?

Наталья едва заметно улыбнулась.

— Тогда спросишь, зачем я предлагаю.

— И если не соглашусь?

— Значит, будем спорить. Я ведь не обещала всегда быть довольной твоими решениями.

Алексей немного подумал.

— Хорошо.

Наталья поднялась.

— А теперь спи. Государственные дела без тебя за один час не разбегутся.

Он согласился и устроился на постели, даже не спросив, можно ли принести книгу.

Василиса вернулась в Преображенское к вечеру.

Долгая дорога, холод собора и необходимость держаться перед людьми истощили её. Наталья предложила остаться рядом, но Евдокия попросила дать ей немного времени одной.

Мавра помогла снять тяжёлое платье, принесла воду и приготовила тёплую шаль. Когда служанка вышла, Василиса села возле печи, не раздеваясь окончательно.

Сегодня они похоронили Петра.

Она пыталась привыкнуть к мысли, что больше не придётся идти к нему в покои, ждать возвращения из поездки или сердиться из-за очередного распоряжения. Но всякий раз память возвращала её к Алексею, расправлявшему складку на отцовском покрывале.

Позднее пришла Наталья.

Она не стала спрашивать, почему Евдокия сидит в полутёмной комнате. Сняла накидку, устроилась поближе к печи и некоторое время молчала вместе с ней.

— Прасковья Фёдоровна приглашала меня к дочерям, — сказала она наконец. — Хочет поговорить об их занятиях. Я обещала после траура приехать.

— Хорошо.

— И ещё кое-что услышала. Авраам Фёдорович уже собирает своих людей. Лев Кириллович тоже без дела не сидит.

Василиса подняла глаза.

— Известно, чего требуют?

— Пока только намёки. Но я могу узнать подробнее.

— Узнай. Только не обещай ничего от моего имени.

Наталья посмотрела на неё с лёгким раздражением.

— Дуня, я и не собиралась. Когда мне потребуется твоё согласие, приду и спрошу.

Василиса невольно улыбнулась.

— Прости. Сегодня у меня голова не на месте.

— У всех нынче не на месте. Но завтра Головин начнёт собирать людей для разговора об управлении. К этому времени лучше понимать, кто с кем договорился ещё до встречи.

Она поднялась, собираясь уходить, и задержалась возле двери.

— Я тебе обещала говорить прямо, когда не соглашусь. Вот и ты мне говори. Не хочу узнавать через чужих людей, что ты считаешь меня помехой.

— Не считаю.

Наталья кивнула и вышла.

Оставшись одна, Василиса некоторое время сидела у печи. Потом попросила Мавру принести записку Головина с перечнем людей, которых собирались пригласить к обсуждению нового порядка управления.

Имена были ей знакомы.

Лопухины. Нарышкины. Голицыны. Куракины. Люди, занимавшие разные места при Петре и теперь по-разному представлявшие себе будущее его сына.

Она не стала перечитывать весь перечень. Взяла чистый лист, написала несколько имён и велела передать записку Головину утром.

На следующий день Алексей узнал, что Авраам Фёдорович всё-таки представил предложения о новых занятиях.

Вельяминов принёс ему несколько листов после завтрака. Среди прочего предлагалось усилить обучение порядку государственного управления, родословию княжеских домов и обычаям прежних государей.

Алексей прочитал начало, остановился на незнакомом имени предполагаемого наставника и попросил объяснить, кто этот человек.

— Его рекомендуют за службу при дворе, — ответил Вельяминов. — Насколько он способен учить, ещё предстоит выяснить.

— А вы с ним знакомы?

— Встречался. Но недостаточно, чтобы судить о его способностях.

Алексей попросил принести сведения о прежней службе кандидата. Затем заметил, что одного из учителей иностранного языка в предложениях вообще не упомянули.

— Его забыли?

— Возможно. А может быть, считают занятия менее необходимыми.

Алексей нахмурился.

— Батюшка велел продолжать. Я хочу узнать, отчего теперь предлагают перестать.

Он взял чистый лист и, прежде чем Вельяминов успел предложить помощь, начал записывать вопросы к представленному списку.

За окном останавливались сани с новыми приезжими. Головин собирал людей для обсуждения регентства, и в приёмных палатах уже ожидали представители родов, каждый со своими предложениями.

Когда служитель пришёл забрать бумаги, Алексей не отдал ему полученный перечень.

— Передайте дяде Аврааму Фёдоровичу, что я прочёл предложения. Здесь несколько вещей непонятны. Пусть сперва объяснят, зачем нужны новые занятия и отчего собираются отменить прежние. Я хочу сам участвовать в обсуждении.

Служитель поклонился.

— Слушаюсь, государь.

Он вышел с запиской, написанной собственной рукой Алексея.

Вельяминов смотрел на ученика, который всё ещё держал перед собой перечень наставников. Алексей аккуратно сложил его, убрал в учебный сундук и попросил принести книгу по истории, упомянутую в предложениях Лопухина.

До начала обычных занятий оставалось ещё немного времени.

Глава 4. Приговор

Январь 1703 года. Москва.

Письмо из Нотебурга привезли вместе с больным подьячим.

Посыльный добрался до Москвы ночью, а к утру уже не мог подняться с лавки: ноги распухли после долгой дороги, лицо горело от жара. Он продолжал твердить, что пакет приказано передать без промедления, и попытался сам встать, когда за бумагами пришёл служитель. Пришлось усадить его обратно и послать за лекарем.

Фёдор Алексеевич Головин вскрыл письмо ещё до рассвета.

Комендант Нотебурга сообщал о задержке хлебных поставок. Крепость, взятая русскими войсками минувшей осенью, нуждалась в постоянном снабжении; гарнизон вырос, а зимние дороги не позволяли быстро исправлять ошибки, допущенные при отправке обозов. Часть подвод задержалась, некоторые возчики не получили обещанных денег. В крепости оставалось меньше припасов, чем значилось в прежних расчётах.

Головин велел принести расходную роспись.

По ней хлеб закупили, деньги определили к выдаче, подводы наняли. Дело выглядело почти законченным, если не считать одной подробности: ни на одном листе не было подтверждения, что обозы добрались до места.

— Кто свидетельствовал доставку? — спросил он у подьячего, принёсшего ведомости.

Тот перебрал листы и показал запись о выдаче из московских амбаров.

— Я спрашиваю о доставке в крепость.

Подьячий снова склонился над бумагами. Выяснилось, что он может назвать человека, получившего распоряжение отправить хлеб, но не человека, принявшего его в Нотебурге.

— Так приведите мне того, кто нанимал подводы. И приготовьте отдельную роспись платежей, — велел Головин. — Хочу видеть, за что уже заплатили, а за что только обещали.

Когда служитель ушёл, Фёдор Алексеевич развернул второе письмо, доставленное за последние дни. В нём просили подтвердить полномочия чиновника, распоряжавшегося покупкой припасов после смерти Петра.

Головин долго смотрел на эти строки.

При покойном государе задержка могла вызвать гнев, наказание или новое, ещё более неудобное распоряжение. Но человек, исполнявший приказ, по крайней мере знал, чья воля за ним стоит.

Теперь всякий хотел получить подпись, которую завтра не объявят недействительной.

Алексей Петрович уже был царём, ему принесли присягу. Однако двенадцатилетнему государю нельзя было ежедневно передавать десятки расходных ведомостей, прошений о назначениях и известий из армии. В то же время ни Головин, ни другие сановники не желали без надлежащего оформления брать на себя всю ответственность за решения, которые прежде принимал Пётр.

Фёдор Алексеевич придвинул чистый лист и начал писать.

К полудню следовало представить Евдокии не рассуждение о том, насколько необходимо регентство, а проект, по которому можно будет отправить хлеб в крепость.

Василиса приехала в Москву, рассчитывая сначала увидеть Головина и Ромодановского.

Но ещё до встречи с ними ей сообщили, что князь Дмитрий Михайлович Голицын просит разговора без остальных участников предстоящего собрания.

Она не удивилась.

За несколько дней, прошедших после похорон Петра, князь успел переговорить с людьми, которых Евдокия собиралась привлечь к оформлению нового порядка управления.

Теперь некоторые из них отказывались ставить подписи под прежним проектом, пока не будут определены пределы власти государевой матери.

Голицын вошёл без свиты.

Он выразил соболезнования, справился о здоровье Алексея и сел лишь после приглашения. На стол положил сложенный лист, однако не торопился раскрывать его.

— Государыня, хочу избавить нас обоих от неприятного разговора при всех.

— Вы полагаете, что на собрании говорить будет неприятнее?

— При свидетелях люди чаще защищают собственное достоинство, чем ищут согласия.

Василиса предложила ему перейти к делу.

Князь развернул лист.

В нём были перечислены условия, на которых часть бояр соглашалась поддержать чрезвычайный порядок управления при малолетнем Алексее: предварительное рассмотрение крупных внеочередных казённых расходов, участие опытных сановников в обсуждении высших назначений и право подавать письменные возражения против решений, признанных опасными для государства.

— Вам необходимо право управлять от имени сына, — сказал Голицын. — Мы готовы признать эту необходимость. Но если сегодня предоставим всю казну и назначения одному человеку без обязанности отчитываться, завтра уже не сможем потребовать объяснений.

— А вы хотите получить право требовать их.

— Хочу, чтобы такое право существовало независимо от того, в чьей милости находится советник.

Василиса прочла предложенные положения. В них не было прямого требования передать власть боярам. Князь действовал осторожнее: соглашался признать её положение, но добивался участия в решениях, от которых зависели армия, казна и служба.

— Кто будет определять, какие расходы достаточно велики для вашего рассмотрения?

— Перечень можно установить приговором.

— А если войскам понадобится хлеб, пока ваши люди обсуждают, велика ли сумма?

— Военная нужда не отменяет возможности злоупотребления.

— Зато злоупотребление легче исправить, когда крепость ещё наша.

Голицын выслушал её без видимого раздражения.

— Вы предлагаете оставить единственным судьёй нужды человека, который распоряжается деньгами. Тогда зачем вообще проверка?

— Вы предлагаете поставить своё согласие между государем и армией.

— Предлагаю поставить проверку между казной и теми, кто слишком легко берёт из неё деньги.

Они помолчали.

Во дворе возница пытался вывести сани из глубокой колеи. Лошадь упиралась, подковы скользили по насту, и двое служителей вышли помочь. Василиса наблюдала за ними сквозь протаявшее пятно на стекле, пока Голицын не заговорил вновь.

— Я не стану утверждать, будто каждый расход вашего окружения будет дурным. Но если государыня получит право назначать и платить, а никто не сможет возражать, люди быстро начнут искать её расположения вместо того, чтобы думать о службе.

— Князь, вы сейчас и сами ищете своего расположения при новом государе. Только предпочитаете назвать его правом проверки.

Он улыбнулся.

— Разумеется, я не без собственных интересов. Вы ведь тоже не без них. Разница в том, что я предлагаю записать условия открыто.

Прямота оказалась неприятной, зато позволила перестать обходить главное.

— Вы хотите войти в число людей, рассматривающих такие дела? — спросила Василиса.

— Да. И рассчитываю, что другие бояре получат такое же признанное право, а не будут допускаться к обсуждению по личному приглашению.

— И ваша подпись зависит от этого?

— Моя — да. А с людьми, которые поддерживают предложенный порядок, я готов говорить предметно.

Василиса сложила лист.

Голицын не обещал ей всей боярской поддержки, но и не скрывал, чего требует за собственную. Разговор был неприятен прежде всего тем, что князь приводил доводы, которые она сама могла бы произнести ещё несколько лет назад, споря с Петром о произвольных расходах и назначениях.

— Я готова обсуждать проверку, — сказала Евдокия. — Но окончательное распоряжение не может зависеть от согласия каждого советника. Иначе вы получите власть останавливать решение, не отвечая за то, что случится из-за промедления.

— Значит, договорённости пока нет.

— Пока нет.

Голицын поднялся.

— В таком случае увидимся на собрании.

— Увидимся, князь.

Когда дверь закрылась, Василиса ещё раз просмотрела предложенные условия. На нижнем поле оставили место для дополнений; князь рассчитывал, что ей придётся исправлять текст, а не просто принимать или отвергать его.

Она отложила бумагу и велела проводить к себе Головина.

Фёдор Алексеевич пришёл с письмом из Нотебурга.

Василиса прочла его, затем попросила объяснить, как получилось, что закупленный хлеб исчез между московскими амбарами и крепостью.

— Пока не знаю, — ответил Головин. — Проверяем платежи и нанятые подводы. Но гарнизону от этого не легче.

— Можно отправить часть припасов сейчас?

— Технически — да. Запасы найдутся. Только распоряжение о внеочередной выдаче придётся утверждать вашим именем от лица государя, а полномочия ещё не оформлены.

— И люди не хотят исполнять?

— Хотят знать, кто возьмёт на себя ответственность, если завтра князь Голицын потребует объяснить, почему деньги потрачены без положенного рассмотрения.

Евдокия подала ему лист, оставленный князем.

Головин прочитал его внимательно.

— Вот, стало быть, чего он добивается.

— Он не один.

— Знаю. Но не все хотят одного и того же. Куракин скорее согласится на проверку расходных записей, чем на право бояр задерживать каждую выдачу. Ромодановский не допустит, чтобы военные назначения зависели от долгих совещаний. Голицын попытается объединить их требования под собственной формулой.

Василиса села напротив.

— Что вы предлагаете?

Головин разложил перед ней проект приговора. Его основные положения были понятны: законным государем остаётся Алексей; Евдокия получает право вести текущие дела от его имени на время малолетства; существующие учреждения продолжают работу, а крупные решения проходят установленное оформление.

Однако князь уже видел, где придётся уступить.

— Отказать боярам во всяком участии не удастся. Но можно отделить право возражать от права запрещать, — сказал он. — Пусть важные расходы и назначения предварительно рассматривают назначенные советники. Их возражения придётся записывать, а вам — отвечать. Но если решение остаётся за регентом, каждый будет знать, кто за него отвечает.

— И Голицын согласится?

— Потребует большего. Станем смотреть, что сумеет доказать.

Евдокия вспомнила вчерашний разговор с Натальей, которая предложила выяснять намерения родни до того, как начнутся официальные встречи.

— А кто станет поддерживать нас?

— Не все готовы назвать это поддержкой, — ответил Головин. — Некоторые просто не хотят отдавать Голицыным право решать за всех. У каждого свои причины.

Она устало усмехнулась.

— Придётся довольствоваться такими союзниками.

— В нынешнем положении полезнее знать их причины, чем слушать обещания вечной верности.

Василиса попросила подготовить общее обсуждение так, чтобы вопрос о праве советников задерживать решения был поставлен прямо. Если спор начнётся с общих заверений в заботе о царе, день уйдёт, а никто не приблизится к подписи.

Головин убрал проект в кожаную папку.

— Ромодановский уже ждёт. Куракина тоже пригласили.

— Тогда начнём.

Ромодановский прочёл письмо из Нотебурга, усевшись возле печи.

По мере чтения лицо его становилось всё мрачнее.

— Кто за обозами смотрел?

— Выясняем, — ответил Головин.

— Выясняйте. А я бы ещё спросил, где они по дороге ночевали. Не все пропажи случаются от дурной погоды.

Прибывший Борис Иванович Куракин попросил показать расходную ведомость.

Он оказался внимательнее к датам, чем первый подьячий. Одна из записей подтверждала намерение выдать деньги позднее того дня, когда обоз, согласно приложению, уже должен был выйти из Москвы.

— Либо бумаги составляли задним числом, либо кто-то полагал, что их никогда не станут сверять, — заметил Куракин.

— Вот с этого и следовало начинать, — сказал Ромодановский.

Головин не позволил ему немедленно потребовать ареста всех людей, ведавших перевозкой. Проверку можно было начать отдельно, не отказываясь от необходимой отправки припасов.

Куракин предложил выдать средства на срочное снабжение, одновременно назначив человека для проверки прежних расходов.

— Но такую выдачу нужно записать особо, — добавил он. — Иначе через месяц мы получим ещё одну роспись, по которой хлеб снова отправлен, а до крепости опять ничего не дошло.

Ромодановский, уже собиравшийся возразить, остановился. В предложении Куракина не было попытки помешать армии; напротив, оно позволяло отправить обоз и одновременно искать виновного.

Василиса обратилась к нему:

— Значит, вы согласны, что не всякое решение следует задерживать до окончания проверки?

— Согласен. Но после него должен оставаться след, по которому можно узнать, кто распорядился и чем обосновал расход.

— Тогда я рассчитываю на ваше участие в обсуждении приговора.

Куракин не обещал подписи заранее.

— Если в нём не окажется права останавливать срочные дела под видом проверки, оснований возражать у меня будет меньше.

Ромодановский вернул письмо Головину.

— И воеводам руки не связывайте. Им со шведом воевать, а не ждать, пока в Москве решат, кому какую печать приложить.

Василиса выслушала его и велела приглашать остальных.

Голицын пришёл с двумя боярами, поддержавшими его предложения.

Не успели подьячие закончить раскладывать бумаги, как один из спутников князя потребовал объяснить, почему проект позволяет Евдокии изменять высшие военные назначения без согласия боярского совета.

Ромодановский ответил прежде Головина:

— Потому что воевода иной раз нужен завтра, а советники только послезавтра соберутся.

— Речь о начальниках больших соединений и комендантах главных крепостей, князь Фёдор Юрьевич, — возразил Голицын. — У такого назначения последствия куда серьёзнее, чем у перемены караула.

— А коли комендант помрёт или крепость неприятель осадит? Будете сначала решать, чей родственник пригоднее?

— В таком случае назначение может быть временным, до подтверждения.

— Вот и запишите, что временное дозволено по необходимости. А не заставляйте воеводу выбирать между потерей крепости и нарушением вашей бумаги.

Спор мог бы продолжаться долго, но Куракин предложил отличать постоянные назначения на высшие должности от временного командования в походе. Первые следовало рассматривать заранее; вторые, вызванные военной необходимостью, позволялось исполнять немедленно с последующим извещением.

Голицын выслушал предложение.

— Если определим перечень должностей, к которым относится обязательное рассмотрение, — сказал он, — я готов принять такое различие.

Головин попросил назвать их, и князь перечислил несколько категорий. Ромодановский возразил против включения людей, ведавших отдельными обозами и небольшими гарнизонами: подобные назначения слишком часто зависели от обстоятельств, о которых в Москве узнавали поздно.

Василиса не стала позволять им разбирать каждую должность прямо сейчас.

— Пусть в приложении останутся высшие военные начальники, постоянные коменданты главных крепостей и руководители учреждений, отвечающих за особо крупные казённые расходы. Точный перечень представьте вместе с приговором. Но менять человека, ведущего десять подвод, без обсуждения с советниками должно быть можно.

Голицын согласился с предложенным пределом, потребовав лишь, чтобы включённые в приложение должности нельзя было произвольно исключать из него последующим распоряжением.

Так они впервые получили условие, за которым стояла ясная граница.

Но второй спор оказался гораздо труднее.

— Если мои возражения всё равно можно отклонить, — сказал Голицын, когда разговор перешёл к расходам, — какой смысл в совете?

Головин объяснил, что письменное возражение потребует рассмотрения и мотивированного ответа. Если советник обнаружил ошибку, его замечание придётся проверить; если регент сочтёт необходимым поступить иначе, причины также останутся в деле.

— То есть вы хотите, чтобы мы отвечали за сказанное, — заметил князь, — а правительница могла сделать по-своему?

— Хочу, чтобы каждый отвечал за своё, — сказала Василиса. — Кто возражает — за доводы. Кто распоряжается — за последствия.

— Но если решение окажется пагубным, запись о моей правоте уже никого не спасёт.

— Как и запрет, который вы наложите на необходимое решение.

Василиса протянула ему письмо из Нотебурга.

На этот раз князь прочёл не только просьбу о хлебе, но и приложения, в которых были перечислены задержавшиеся платежи. Отдельно изучил странную запись о перевозке, сделанную раньше фактической выдачи денег.

— Здесь есть основания подозревать злоупотребление, — сказал он. — Вы требуете новой выдачи, хотя прежняя ещё не проверена.

— Да. И приказываю проверить прежнюю. Вы можете возразить против этой суммы, потребовать роспись и оставить своё имя возле возражения. Но если хлеб не дойдёт до крепости, запись о вашей предусмотрительности не накормит ни одного солдата.

Голицын помолчал.

— Я не требую голода для гарнизона. Хочу, чтобы чрезвычайность нельзя было объявить всякий раз, когда удобнее не показывать расходы.

Василиса наклонилась над столом.

— Тогда требуйте письменного обоснования чрезвычайной выдачи и последующего отчёта. Это я приму. Но права запрещать отправку хлеба не дам.

Она говорила без повышения голоса. За последние дни ей приходилось столько раз выслушивать чужие требования, что теперь не осталось сил изображать раздражение или скрывать его за учтивостью.

Голицын медленно сложил письмо.

— Допустим. Но ответ на возражение также должен оставаться в деле. Иначе советник подаст запись, а ему скажут, что её рассмотрели и не нашли нужным сообщить почему.

— Согласна.

Князь посмотрел на своих спутников. Один из них недовольно шевельнулся, однако вмешиваться не стал.

— В таком случае я готов поддержать эту часть приговора, — сказал Голицын. — При условии, что для обычных крупных расходов предварительное рассмотрение останется обязательным.

Головин попросил подьячего записать достигнутое согласие.

Куракин воспользовался паузой, чтобы ещё раз указать на необходимость отделять расходы, предусмотренные существующей росписью, от новых обязательств. Он не хотел, чтобы проверкой каждой выплаты жалованья занимались люди, призванные рассматривать чрезвычайные траты.

Эту поправку приняли без долгого обсуждения.

Ромодановский недовольно заметил, что всё равно придётся писать слишком много бумаг, но больше не возражал: возможность действовать при военной необходимости удалось сохранить.

Василиса взглянула на Голицына.

Князь получил право присутствовать при рассмотрении определённых решений, требовать объяснений и оставлять в делах собственное письменное мнение. Она сохранила последнее распоряжение, но лишилась возможности просто отмахнуться от неудобного возражения.

Предстояло ещё узнать, как часто он станет пользоваться новым правом.

— А государь? — спросил Ромодановский, когда подьячий начал переписывать согласованные положения.

Головин поднял голову.

— Что именно?

— Вы всё пишете о правительнице и советниках. А сам Алексей Петрович где? Имя в начале стоит, а далее будто его и нет.

Голицын заметил, что царь малолетен и именно поэтому требуется чрезвычайное управление.

— Малолетен, не спорю, — ответил Ромодановский. — Но он государь. Нельзя составлять порядок так, словно мы лишь после его взросления вспомним, кому присягали.

Василиса попросила Головина прочесть заранее подготовленное положение об участии Алексея.

Предлагалось представлять ему важные решения в понятном изложении, выслушивать его замечания и давать возможность потребовать повторного рассмотрения, если дело не терпит немедленного исполнения.

Куракин попросил уточнить, как подтверждать, что возражение исходит от самого государя, а не от человека, который сумел первым поговорить с ним наедине.

Василиса вспомнила, как Авраам Фёдорович предлагал изменить состав наставников Алексея, не представив ни одного обоснованного обвинения против Вельяминова.

— Если сын пожелает возразить, пусть скажет об этом при людях, ведущих дело, либо напишет собственноручно, — ответила она. — И прежде чем он что-нибудь подпишет, ему должны объяснить содержание.

— А если он потребует остановить распоряжение? — спросил Голицын.

— По делу, которое может подождать, рассмотрим возражение. Если же войскам необходим приказ немедленно, его исполнят, а Алексею объяснят причину.

Ромодановский одобрительно хмыкнул.

— Вот это верно. Иначе завтра всякий станет уверять, будто государь ему тайно приказал.

Голицын не возражал. Но Евдокия заметила, как внимательно князь слушает разговор.

Право Алексея оспаривать решение матери могло однажды оказаться полезным не только самому царю. Влияние на молодого государя приобретало цену, которую невозможно было записать в расходную роспись.

Она не стала возражать против предусмотренного права лишь потому, что им могли злоупотребить. Но попросила особо указать: государевы замечания должны представляться от его собственного имени, а не передаваться через родственника, ссылающегося на будто бы состоявшийся разговор.

Куракин повторил эту мысль подьячему, чтобы тот записал её без двусмысленности.

Алексей ещё не присутствовал на больших совещаниях. И всё же с нынешнего дня взрослым предстояло объяснять ему хотя бы те решения, которые непосредственно касались его власти.

Под вечер согласованная редакция лежала перед участниками собрания.

Голицын внимательно перечитал листы, остановившись на приложении о назначениях. Двое его сторонников подошли ближе, и между ними начался негромкий разговор, которого остальные не могли разобрать.

Василиса ждала.

Подьячий уже приготовил перо, но князь не брал его.

— Дмитрий Михайлович, — спросила она, — что ещё?

— Мне необходимо переговорить с людьми, от имени которых я выступал. Не все слышали последнюю редакцию.

Ромодановский отодвинул стул так резко, что тот заскрипел по полу.

— Весь день слушали и всё равно не знают, чего хотят?

— Я обещал передать условия точно, князь Фёдор Юрьевич. Своего слова нарушать не стану.

Василиса остановила готовый разгореться спор.

— Сколько вам нужно времени?

— До утра.

Ей хотелось отказать. Каждая новая отсрочка казалась доказательством, что Голицын намерен пользоваться зависимостью всех остальных от его подписи. Но если вынудить князя подписать документ против воли его сторонников, завтра они смогут заявить, что согласия вовсе не было.

— До утра, — сказала она. — Однако завтрашний разговор начнётся с ответа: подписываете или отказываетесь. Новых условий не приму.

Голицын поклонился.

Он вышел со своими людьми, оставив на столе экземпляр согласованного проекта.

Куракин задержался после остальных.

— Вы слишком дорого заплатили ему за подпись, государыня, — заметил он.

Василиса посмотрела на него.

— А вы подписали бы без этих уступок?

— Вероятно, нет. Но не просил бы права говорить от имени всех советников.

— Вы ещё можете возразить против его кандидатуры.

— Я возражаю не против человека, а против привычки всякое разногласие превращать в борьбу за место.

Евдокия устало улыбнулась.

— Тогда у нас с вами впереди много общих возражений.

Куракин склонил голову и ушёл.

Ночью Василиса почти не спала.

Она остановилась в приготовленных московских покоях, где Мавра помогла снять платье и оставила возле постели воду. На столе лежали два экземпляра проекта: первоначальный, подготовленный Головиным, и новый, испещрённый поправками.

Разница между ними помещалась на нескольких листах.

Но именно на этих листах князь Голицын добился права, которым сможет пользоваться и через год, и через пять лет.

Василиса перечитала запись о письменных возражениях. Ей уже представлялось, как однажды во время войны потребуется назначить человека на важную должность, а князь потребует объяснить каждую причину выбора. Возможно, он окажется прав. Возможно, будет просто задерживать решение, надеясь вынудить её уступить в другом деле.

Доказать злоупотребление новым правом будет не легче, чем сегодня добиться этого права без тяжёлого торга.

Она отложила проект и подошла к окну.

Вчера Алексей спросил, можно ли ему присутствовать при разговоре о новых наставниках. После недавнего спора с родственниками он впервые начал понимать, что его мнение не всегда принимают лишь из уважения к нему самому.

Теперь в приговоре появится статья, позволяющая ему требовать объяснений уже по государственным вопросам.

Василиса не знала, насколько скоро сын сумеет ею воспользоваться. Ей хотелось, чтобы он учился управлять, но мысль о том, что когда-нибудь Алексей начнёт оспаривать её решения, была неожиданно неприятной.

Она вспомнила Петра.

Ещё недавно он сердился, когда жена возражала ему, и требовал, чтобы государственные дела оставались в его ведении. Теперь ей самой предстояло научиться выслушивать возражения, не превращая всякое несогласие в оскорбление власти.

За дверью прошла Мавра, спросила, не требуется ли чего-нибудь ещё, и, получив отказ, отправилась отдыхать.

Василиса вернулась к столу.

Утром ей придётся согласиться на порядок, который не позволит всегда поступать так, как она считает нужным. А если Голицын откажется подписывать, придётся искать других людей, готовых поддержать регентство, и начинать переговоры заново.

Она погасила свечу, оставив проект возле кровати.

Голицын явился на следующее утро без новых условий.

В палате было холодно. Печь протопили с рассветом, но каменные стены не успели прогреться, и подьячие сидели в тёплых кафтанах, пряча пальцы в рукавах между записями.

— Я готов поставить подпись, — сказал князь Головину. — Мои люди прочли поправки.

Фёдор Алексеевич попросил его ещё раз сверить чистовой список с согласованной редакцией.

Куракин явился вскоре после начала чтения. Ромодановский вошёл следом, сердито жалуясь на задержавшегося посыльного. Оба быстро ознакомились с последними исправлениями.

Евдокия появилась, когда подьячий дочитывал заключительные строки.

— Вчера обо всём договорились, — сказала она. — Если не обнаружена ошибка в записи, прошу закончить дело.

Голицын указал на одну фразу, касавшуюся чрезвычайных расходов. Из неё следовало, что сведения о такой выдаче представляются советникам позднее, но не было прямо сказано, что представление обязательно.

— Писать следует так, чтобы завтра никто не мог оправдаться забывчивостью, — заметил князь.

Головин признал замечание справедливым.

Подьячий исправил запись. Новых возражений не последовало.

После этого участники один за другим подписали боярский приговор.

Головин поставил имя первым. Ромодановский расписался широко и твёрдо, едва не задев соседнюю строку. Куракин ещё раз проверил приложение о расходах и тоже взял перо.

Когда подошла очередь Голицына, тот остановился перед столом. Несколько мгновений смотрел на лист, словно взвешивал, достаточно ли полученных гарантий, затем подписал.

Его сторонники последовали примеру.

Василиса дождалась, пока подьячий промокнёт последние подписи.

— Благодарю, господа. Теперь прошу Фёдора Алексеевича распорядиться об оформлении государева указа.

Голицын ещё раз взглянул на подписанный приговор.

— Чтобы все согласованные условия вошли в него без изъятий.

— Именно так, — ответил Головин.

Боярский приговор закреплял достигнутое соглашение, на основании которого следовало оформить распоряжение от имени законного царя. Дьякам поручили подготовить государев указ по принятому приказному порядку, указав в нём полномочия Евдокии как правительницы при малолетнем сыне и согласованные пределы участия советников.

Отдельной собственноручной подписи Алексея для этого не требовалось. Его царское достоинство уже было признано присягой, и новый порядок оформлялся от его имени, а не от имени собрания бояр.

Пока дьяки сверяли текст с приговором, Головин обратился к Евдокии:

— Я хотел бы сегодня же объяснить Алексею Петровичу, что установлено. Он уже спрашивал о государственных делах и новых наставниках. Лучше ему узнать обо всём от нас.

— Поедем вместе, — ответила она. — Пусть и полный текст получит. Не хочу, чтобы сын слышал только наши пересказы.

Голицын одобрил намерение ознакомить царя с принятым порядком, однако задерживаться не стал. Его ожидали люди, которым он собирался сообщить о результатах переговоров.

Головин передал дьякам последние распоряжения и вместе с Евдокией отправился в Преображенское.

Алексей встретил мать и Головина в учебной комнате.

Он занимался с Вельяминовым, когда служитель сообщил о прибытии гостей. На столе лежали книга по истории, тетрадь с выписками и несколько листов, полученных после спора о новых наставниках.

Увидев мать, Алексей поднялся. Василиса поцеловала его, затем попросила наставника остаться.

— Фёдор Алексеевич привёз дело, которое касается тебя как государя.

Алексей посмотрел на толстую папку в руках Головина.

— Мне всё читать?

— Не сразу, — ответил тот. — Сперва объясню, о чём договорились. Потом покажу саму запись.

Они сели за стол.

Фёдор Алексеевич говорил не торопясь. Объяснил, что присяга уже признала Алексея законным царём, однако для управления необходимо определить, кто будет подписывать распоряжения, пока он учится государственным делам. Бояре согласились передать ведение текущих вопросов его матери, но потребовали особого порядка для крупных расходов и важнейших назначений.

Алексей слушал внимательно.

— А матушка сможет велеть отправить хлеб солдатам, если они голодают?

Головин удивился точности вопроса. Он как раз собирался привести письмо из Нотебурга в пример.

— Сможет. В срочном деле решение не задержат, но потом придётся объяснить, почему понадобился расход.

— Значит, если кто-нибудь скажет, что денег тратить не надо, матушка всё равно сможет распорядиться?

— Если необходимость действительна. Только её придётся подтвердить.

Алексей ненадолго задумался.

— А если советник окажется прав?

— Тогда его замечание должно быть рассмотрено. В этом и смысл нового порядка.

— А меня спрашивать будут?

Василиса подвинула к нему подготовленную запись.

— О важных делах тебе станут рассказывать. Ты сможешь требовать объяснений и возражать. По тем вопросам, которые терпят отлагательство, возражение будет поводом рассмотреть решение ещё раз.

Алексей посмотрел на мать.

— И если я не соглашусь с вами?

В комнате стало тихо.

Вельяминов, до того молчавший возле книжного шкафа, не вмешивался. Головин тоже ждал, понимая, что ответ должен прозвучать от Евдокии.

— Тогда скажешь почему, — ответила она. — Я выслушаю. Но бывают дела, где промедление опаснее спора. В таких случаях решение придётся исполнить, а после объяснить тебе причину.

Алексей кивнул и попросил показать место в документе, где сказано о его праве возражать.

Головин нашёл нужные строки.

Наставник помог разобрать длинную формулировку, не подсказывая, что именно следует думать о ней. Алексей перечитал её дважды, потом попросил прочесть начало указа.

— Здесь написано, что дела будут вести моим именем, — заметил он. — А я ещё не всё знаю.

— Поэтому вам и надлежит постепенно узнавать, как они ведутся, — ответил Головин. — Указ оформляется от государева имени по установленному порядку. Но это не значит, что вам следует довольствоваться одними словами о том, будто всё делается ради вашего блага.

Разговор занял больше времени, чем предполагали взрослые. Алексей спросил, кто будет выбирать советников и почему нельзя оставить всё в прежнем порядке, как при Петре. Головин объяснил различие между службой уже назначенных людей и правом принимать новые решения от государева имени.

— Значит, матушка будет управлять, пока я не смогу сам? — уточнил Алексей.

— Да, государь. С теми полномочиями и обязанностями, которые записаны.

— А мне можно будет смотреть бумаги, если захочу разобраться?

— Можно. Важные дела вам должны представлять, а остальные будем показывать по мере ваших занятий.

Алексей ещё некоторое время изучал документ, затем попросил оставить ему копию основного текста.

— Хочу потом ещё раз прочесть с Вельяминовым.

Головин согласился.

Василиса подошла к сыну, собираясь поблагодарить его за терпение, но удержалась. Он и без того весь день старался вести себя так, как от него ожидали; превращать разговор о государственном управлении в ещё один урок послушания ей не хотелось.

Вместо этого она спросила, закончил ли он выписки по истории.

Алексей показал ей тетрадь и пожаловался, что одно имя никак не удаётся найти в книге.

Вельяминов предложил принести другую.

Головин собрал предназначенные для приказного оформления бумаги, оставив Алексею обещанную копию. Евдокия поняла по его взгляду, что в Москве ещё ожидают распоряжений, и простилась с сыном.

В Москве оформление заканчивали к позднему вечеру.

Дьяки сверили государев указ с боярским приговором, проверили согласованные положения и внесли документы в приказные записи. Распоряжения, необходимые для исполнения нового порядка, подготовили к рассылке по соответствующим приказам.

Голицын приехал, когда работа почти завершилась.

Он попросил показать ему экземпляр, предназначенный для хранения, и первым делом проверил, не исчезло ли положение о письменных возражениях. Убедившись, что оно осталось в согласованном виде, задержался возле строки о неотложных расходах.

— Здесь ответ правительницы обязателен и после исполнения? — спросил он.

— Если советник представил письменное возражение, — пояснил Головин. — Но срочную выдачу такое возражение само по себе не останавливает.

Голицын прочёл строку ещё раз.

— Тогда всё соответствует договорённости.

Он не стал просить дополнительных исправлений. На этот раз в его распоряжении находился уже не проект, который можно изменить спором, а оформленное государево распоряжение, основанное на подписанном боярском приговоре.

Василиса наблюдала, как князь возвращает лист дьяку.

Она не сомневалась, что Дмитрий Михайлович вскоре воспользуется полученным правом. Сегодня он добился его благодаря собственной настойчивости; теперь такое право принадлежало ему независимо от расположения Евдокии.

— Князь, — сказала она, когда он собирался уходить, — надеюсь, вы станете пользоваться новым порядком так же добросовестно, как требовали его установить.

Голицын остановился.

— Стану пользоваться им всерьёз, государыня. И от других ожидаю того же.

Он поклонился и вышел.

Фёдор Алексеевич подождал, пока дьяк закончит запись, после чего раскрыл письмо из Нотебурга.

Распоряжение о срочной выдаче припасов было подготовлено ещё накануне. Теперь к нему оставалось приложить необходимые сведения, указать основание чрезвычайного расхода и направить копию в установленный для рассмотрения порядок.

Евдокия прочла документ.

— Сколько хлеба можно отправить первой частью?

Головин назвал количество, которое удалось собрать без ожидания новых закупок, и объяснил, что следующий обоз будет готов позднее. Проверку прежних платежей поручали отдельным людям; Ромодановский уже запросил сведения о подводах, не дошедших до крепости.

— Отправляйте первую часть, — сказала Евдокия. — И не соединяйте её с проверкой. Пусть идут разными бумагами.

Головин передал распоряжение дьяку.

Тот ещё раз сверил отметки, подготовил пакет и поспешил во двор, где ожидал посыльный.

Василиса подошла к окну. Сквозь стекло было видно, как мужчина в дорожном кафтане закрепляет сумку под полой верхней одежды, принимает у служителя последние наставления и забирается в сани.

Лошадь тронулась не сразу. Возница поправил поводья, дождался, пока откроют ворота, и лишь тогда пустил её по укатанной дороге.

Сани миновали караульных и исчезли за поворотом.

Глава 5. Показания

Январь – февраль 1703 года. Преображенское.

Ромодановский велел поставить на стол три книги: лекарскую, дворцовую расходную и ту, в которой отмечали выдачу припасов из кухни.

Подьячий принёс первые две, а с третьей задержался. По его словам, кухонные записи хранились у старшего повара, который с утра уехал в Москву за припасами.

— Так другого человека пошли, — распорядился князь. — Мне повар сам пока без надобности. Мне книга нужна.

— Князь, а лекарских показаний разве недостаточно? Они ведь болезнь государя описали.

Фёдор Юрьевич поднял глаза от бумаг.

— Болезнь описали. Теперь хочу знать, что перед нею было.

В небольшой палате Преображенского, отведённой для разбирательства, было неуютно. Печь дымила, из окон тянуло холодом, а в соседнем переходе с утра скрипели половицы под сапогами служителей. Ромодановский выбрал помещение сам: отсюда было недалеко до хозяйственных служб, но вызываемые свидетели не толпились перед покоями Евдокии и Алексея.

На столе лежало свидетельство о смерти Петра, составленное после тридцать первого декабря. Лекари подробно описали ухудшение состояния, перечислили назначенные средства и подтвердили, что в последние часы больной почти не приходил в сознание.

Однако самое начало болезни оказалось изложено гораздо короче.

Пётр почувствовал недомогание двадцать восьмого декабря. К вечеру боли усилились, понадобилась постоянная помощь. Следующие дни прошли в тяжёлых страданиях, которые не удалось облегчить настолько, чтобы больной пошёл на поправку.

Ромодановский перечитал первую часть свидетельства и позвал лекаря.

Тот явился с собственными записями, изрядно осунувшийся после бессонных ночей и бесконечных расспросов. Смерть государя заставила его несколько раз пересказывать одно и то же родственникам, Головину и дворцовым людям. Теперь предстояло говорить с князем, от которого нельзя было отделаться общими словами.

— Садись, — велел Ромодановский. — Расскажи, когда ты в последний раз видел Петра Алексеевича здоровым.

Лекарь назвал день, вспомнил разговор о привычных государевых недомоганиях, а затем подробно объяснил, с какими жалобами Пётр отказался прекращать работу.

Когда речь дошла до двадцать восьмого декабря, князь остановил его.

— Ты с утра при нём был?

— Нет. Меня позвали позднее, когда государю стало заметно хуже.

— А в свидетельстве написано, что заболел с утра.

— Государь сам говорил, что с утра чувствовал себя дурно. И служители подтверждали.

— Вот это и надобно различать. Что сам слышал, а что потом от людей узнал.

Лекарь не возражал. Он был уверен в собственной добросовестности и считал, что свидетельство должно объяснять болезнь целиком, а не перечислять только те минуты, когда находился возле больного.

Ромодановский предложил начать с первого осмотра.

Пётр жаловался на боль, был раздражён и не желал ложиться. В комнате уже горели свечи, хотя за окном ещё сохранялся дневной свет. Лекарь проверил пульс, осмотрел больного, расспросил о прежних недомоганиях. Некоторые обстоятельства заставили его опасаться тяжёлого течения болезни, но определить единственную причину он не мог.

— А что государь ел до того, как тебя позвали?

Лекарь развёл руками.

— Этого я не видел.

— Пил?

— По его словам, пил. Что именно и сколько, при первом осмотре я не выяснял.

— Отчего?

Врач устало посмотрел на князя.

— Потому что государь страдал, сердился и хотел, чтобы я избавил его от боли. Я спрашивал прежде всего о том, что считал необходимым для лечения. Обычного питья никто тогда не опасался.

Ромодановский помолчал.

— А могло недомогание случиться от съеденного либо выпитого?

Лекарь задумался, прежде чем ответить. Он не отвергал такой возможности, но напомнил, что похожие симптомы могли сопровождать различные болезни. По одним жалобам установить причину было невозможно, тем более что к началу его наблюдения состояние Петра уже изменилось.

Князь не стал требовать большей определённости.

Зато попросил перечислить лекарства, которые назначали после первого осмотра.

Здесь свидетель отвечал уверенно. Он принёс записи, назвал средства, объяснил изменения в назначениях и по требованию Ромодановского отдельно отметил, когда лекарство приготовляли его помощники, а когда требовалось получить что-нибудь из дворцовых запасов.

— Всё это государю давали?

— Что удалось. Он иногда отказывался, особенно когда считал, что предыдущее средство не помогло.

— Кто подавал?

Лекарь назвал помощника, нескольких ближних служителей и пояснил, что обычную воду приносили по просьбе находившихся возле постели людей. Сам он не всегда присутствовал при исполнении назначения.

Ромодановский попросил написать имена тех, кого врач помнил точно.

Когда свидетель начал вспоминать остальных, князь остановил его:

— Не угадывай. Коли человека не помнишь, не надо его ради красивой записи придумывать.

Лекарь положил перо.

— Князь, вы подозреваете, что государю дали что-нибудь дурное?

— Я хочу знать, что ему давали. А выводы сделаю, когда узнаю.

— Тогда следует помнить: внезапная тяжёлая болезнь ещё не доказывает отравления. Я не берусь утверждать такое без достаточных оснований.

— И я не берусь.

Ромодановский отложил показание, а затем вернулся к единственной строке, которая беспокоила его сильнее других.

До первого осмотра прошло неизвестно сколько времени. Государь уже жаловался на недомогание, но никто из лекарей не наблюдал, как оно началось.

Именно этот промежуток предстояло восстановить.

Кухонную книгу доставили после полудня.

Вместе с ней явился старший повар, вернувшийся из Москвы раньше, чем ожидали. Он узнал, что князь Ромодановский желает видеть записи, и решил явиться сам, чтобы никто из младших людей не объяснил хозяйственные порядки неправильно.

— У нас всё по счёту, князь, — объявил он, едва переступив порог. — И мясо, и мука, и крупа. Что государю подавали, то без порчи готовили. За свежестью я смотрел.

— Хорошо. Покажи двадцать восьмое декабря.

Повар раскрыл книгу и уверенно нашёл нужную страницу.

Обед был отмечен обычным порядком. Отдельно значилось приготовленное питьё, которое предназначалось для господских покоев. Несколько выдач относились к служителям, сопровождавшим государя, и кухонным людям, оставшимся на поздней работе.

— Это всё Пётр Алексеевич получил? — спросил Ромодановский.

— Всё, что в книгу внесено.

— Я спрашиваю, всё ли сам государь ел и пил.

Повар помедлил.

— Не могу того знать. Я за приготовление отвечаю. Когда в покои понесут, там уже свои люди принимают.

Князь попросил назвать тех, кто забирал блюда и кувшины.

Повар припомнил старшего столового служителя, затем ещё двух человек. Один работал в тот день до вечера, другой сменился раньше.

— А здесь кто получателем записан? — спросил Ромодановский, показывая на строку о питье.

В книге значилось имя старшего служителя.

— Значит, он и получил.

— Ты видел, как он получал?

Повар посмотрел на запись и не сразу ответил.

Оказалось, что его самого тогда вызвали разбирать недостачу продуктов, и выдачу проводил помощник. Имя в книгу вписали позже, по обычному порядку, поскольку именно старший служитель отвечал за всё, что поступало к господскому столу.

— Вот его и позовём, — решил князь. — И помощника твоего.

Повар заметно встревожился.

— Недостачи по этой выдаче нет, князь. Кувшин и посуду назад принесли, счёт сошёлся.

— Я не о недостаче спрашиваю.

— Так если от питья государю дурно сделалось, мы бы сами заметили. Его ведь не одному человеку готовили.

— Кому ещё?

Повар начал перечислять, кому предназначались приготовленные в тот день напитки, но вскоре выяснилось, что на кухне делали несколько порций по сходному порядку, а при подаче они расходились по разным помещениям.

Ромодановский попросил больше не строить предположений.

Его интересовало, кто готовил, кто принимал и кто мог установить, какое именно питьё дошло до Петра.

Повар смотрел на князя с обидой. За долгую службу он привык отвечать за качество приготовленного, но теперь требовали доказать то, чего кухонные люди обыкновенно не видели.

— Если мы станем после всякой подачи расспрашивать, кто из господ сколько выпил, — произнёс он, — нас и на кухню больше не пустят.

— Вот потому я спрашиваю теперь, а не заставляю тебя спрашивать государя при жизни.

Повар замолчал.

В конце разговора выяснилось ещё одно обстоятельство: когда Пётр почувствовал недомогание, служителям велели не приносить обычный ужин, пока лекари не скажут, чего можно давать больному. Это распоряжение повар помнил хорошо, потому что уже приготовленное пришлось оставить на кухне.

Однако установить точное время отмены ужина не удалось. В книге такого распоряжения не записали, а повар ориентировался на обычные часы работы.

Ромодановский отпустил его и велел вызвать помощника отдельно.

Помощник повара оказался человеком осторожным.

Прежде чем отвечать, он несколько раз уточнил, о какой именно выдаче спрашивает князь. Приготовление пищи и питья двадцать восьмого декабря он помнил: после того дня Пётр уже не возвращался к обычному столу, и все разговоры на кухне постепенно свелись к болезни государя.

Но на вопросы о том, кто относил приготовленное в покои, помощник отвечал менее уверенно.

Он знал, что старший столовый служитель не всегда являлся сам. Иногда поручение исполнял кто-нибудь из младших людей, и тогда имя в расходной книге оставалось прежним.

— А ты отдал кувшин кому?

Помощник назвал служителя, которого узнал бы и сегодня, хотя не помнил его имени.

— Хорошо. Опиши.

Тот был невысоким, с тёмной бородой, носил зимний кафтан, давно вытертый у рукавов, и немного прихрамывал. Помощник видел его на кухне и прежде, поэтому не потребовал повторять поручение.

Ромодановский велел привести человека, подходившего под описание.

Когда служитель явился, помощник сразу узнал его.

Звали его Пахом.

Пахом не отрицал, что в тот день забирал кувшин с питьём. Поручение получил от старшего столового служителя, отнёс приготовленное к переходу и передал женщине, которая пришла из ближних покоев.

Имени её он не знал.

— А почему сам дальше не понёс? — спросил Ромодановский.

— Так она сказала, что примет. Я прежде туда и не ходил без зова.

— Лицо видел?

— Видел, только нынче уж не поручусь, кто была. Женщин там много, и все в платках.

— Платок какой?

Пахом попытался вспомнить, затем покачал головой.

— Не знаю, князь.

Ромодановский не стал помогать ему наводящими вопросами. Велел рассказать, где именно произошла передача, и попросил описать посуду.

Пахом помнил тяжёлый кувшин с крышкой и поднос, на котором тот стоял. Обыкновенная дворцовая вещь, не имевшая никаких примет, которые позволили бы отличить её от десятка подобных.

— А обратно ты его получал?

— Нет. За посудой потом другие ходили.

Князь попросил привести человека, принимавшего возвращённые вещи.

Выяснилось, что кувшин поступил обратно на кухню вместе с несколькими другими предметами уже после того, как состояние государя ухудшилось. Кто именно принёс его, никто уверенно назвать не смог.

В этом не было ничего необычного. При дворцовом столе посуду постоянно передавали из рук в руки, а служители заботились прежде всего о том, чтобы дорогие вещи не пропадали.

Ромодановский отправил Пахома обратно на службу.

Потом долго сидел над показаниями.

Он получил подтверждение, что двадцать восьмого декабря питьё было приготовлено и передано для господских покоев. Кто принял его у Пахома, установить пока не удалось. Доподлинно не было известно и то, сколько выпил Пётр и получил ли вообще содержимое именно этого кувшина.

Такая неопределённость не делала питьё причиной болезни.

Но теперь князь понимал, почему лекарские записи не отвечают на его вопросы: врачи появились уже после того, как обычный порядок питания и дворцового обслуживания сменился уходом за больным.

Нужно было выяснять, что происходило до этого перехода.

К концу января Ромодановский уже располагал показаниями, которые можно было сопоставить без новых бесконечных расспросов.

Лекарь восстановил наблюдения за болезнью. Кухонные люди назвали приготовленные блюда и напитки, но не могли поручиться, что именно дошло до стола Петра. Столовые служители подтвердили часть передач, однако их порядок работы допускал, что кувшин принимал не тот человек, чьё имя значилось в книге.

Помощник лекаря, которого вызвали для уточнения позднейших назначений, вспомнил несколько ночных происшествий. Он был уверен в том, что видел, но перепутал двадцать восьмое и двадцать девятое декабря. Установить день удалось лишь после сопоставления с записью о смене дежурств.

— Я ведь при государе находился, — говорил он, раздосадованный собственным промахом. — И всё хорошо помню.

— Верю, что находился, — ответил Ромодановский. — Только быть там и знать число — разные вещи.

Помощник признал ошибку, хотя долго потом пытался объяснить, как мало они спали в те дни.

Князь не стал требовать от него невозможной точности.

В другой день явился старый постельничий, принёсший последние сапоги Петра.

Старик завернул их в полотно и поставил возле стола, осторожно придерживая голенища.

— Государь велел приготовить, — объяснил он. — Говорил, поправится — по двору пройдётся. Я начистил, шов подправил, да так он их и не надел.

Ромодановский развернул полотно.

Сапоги были чистыми, на одном голенище виднелась починка. Старик показал её с такой обстоятельностью, словно опасался, что князь сочтёт всё происшествие выдумкой.

— Когда велел?

Постельничий назвал день, затем сам признался, что мог ошибиться. Во время болезни Петра ему поручали то готовить одежду, то убирать её, и теперь некоторые утра сливались в памяти.

— Ты для чего их принёс?

— Спрашивали, вставать ли государь собирался. Я сказал, что собирался, а мне не поверили. Вот и подумал, покажу.

Ромодановский позволил ему рассказать всё до конца.

Потом велел завернуть сапоги обратно.

— Забирай. Они подтверждают, что ты распоряжение исполнил. Когда оно прозвучало и мог ли государь тогда подняться, по одним сапогам не узнать.

Старик выглядел разочарованным. Ему хотелось, чтобы вещь сохранила последние слова хозяина надёжнее собственной памяти.

Князь, заметив это, добавил:

— Ты рассказать пришёл, а не оправдываться. И правильно сделал.

Постельничий поклонился и ушёл, прижимая свёрток к груди.

После его ухода Ромодановский попросил записать свидетельство отдельно от сведений о пище и лекарствах.

Старик действительно слышал последнее распоряжение Петра, но оно не позволяло установить причину болезни. Не следовало превращать человеческое воспоминание в доказательство лишь потому, что в нём сохранилась трогательная подробность.

С хозяйственной книгой за двадцать девятое декабря разбирались гораздо быстрее, чем ожидал подьячий.

За тот день значилась ночная выдача чистого белья и тёплой воды. В графе получателя стояло имя караульного Семёна. Но тот уверял, что ни за чем в кладовую не ходил.

Семён явился с простуженным голосом и потрескавшимися от мороза руками. Сперва держался уверенно, объясняя, что дежурил у перехода и не мог оставить пост.

Лишь когда Ромодановский спросил о времени между двумя сменами караула, выяснилось, что Семён ненадолго отходил греться к печи. Вместо себя он оставил Андрея, молодого служителя, которого на караул в тот день не назначали.

— Почему сразу не сказал? — спросил князь.

Семён нахмурился.

— Боялся наказания. Государь болел, а я с места ушёл. Хоть и недолго.

Андрей подтвердил, что действительно стоял возле перехода. Людей пропускал знакомых, не спрашивая каждый раз, кто именно послал их с поручением. За время своего недолгого дежурства видел лекарского помощника и нескольких дворцовых служителей, но уверенно назвать всех не смог.

Тихон, ведавший кладовой, объяснил, откуда появилось имя Семёна в расходной книге.

Ночью за бельём приходили не только те, кто отвечал за поручение. Вещи могли получить младшие служители, назвав имя старшего. Тихон записывал человека, за которым числилась выдача, даже если тот лично не появлялся.

— Так удобнее было считать, князь, — признался он.

— А теперь выходит, будто Семён за бельём ходил.

— Я ведь не писал, что собственными руками ему подавал.

Ромодановский посмотрел на раскрытую страницу.

— Для тебя разница понятна. А для человека, которого по этой книге отвечать заставят?

Тихон виновато развёл руками.

Князь велел исправить показание, но саму старую запись не переписывать. Она должна была остаться такой, какой её сделали в декабре, вместе с объяснением того, почему имя получателя могло быть указано неправильно.

Подьячий спросил, следует ли искать женщину, взявшую полотно.

— Сначала узнаем, для чего понадобилась выдача, — ответил Ромодановский. — В те дни больному постель меняли часто. Если из одной ошибки в записи мы сделаем великое преступление, настоящие обстоятельства за ней вовсе потеряются.

Вскоре подтвердилось, что бельё действительно поступило в покои в период тяжёлой болезни Петра, хотя человека, принявшего его у кладовщика, установить уверенно не удалось.

Ромодановский отделил эту запись от бумаг за двадцать восьмое декабря.

Бельевая выдача относилась ко времени, когда государь уже был тяжело болен. Она не объясняла начала болезни, зато показала, насколько осторожно следует обращаться с именами, записанными в хозяйственных книгах.

В тот же день князь велел сверить порядок выдачи питья с показаниями кухонных людей. Теперь он знал, что подпись или имя возле расходной строки не всегда означают личную передачу вещи.

Это обстоятельство меняло работу с более важными записями.

Аксинью вызвали в начале февраля.

Мавра принесла ей известие утром, когда в бельевой комнате принимали чистое полотно от прачек. Несколько женщин ожидали расчёта, и Аксинья как раз проверяла, всё ли вернули по прежней выдаче.

— От Фёдора Юрьевича прислали, — сообщила Мавра. — Велено тебе нынче явиться.

Аксинья продолжала считать полотна.

— Он объяснил, зачем?

— Про последние дни государя спрашивает. Меня тоже вызывали.

Аксинья поставила отметку в книге, закрыла чернильницу и поручила младшей служительнице закончить приём. Прачки принялись перекладывать бельё, проверяя, чтобы чужие полотна случайно не оказались в их стопках.

Мавра задержалась у двери.

— Ты бы платок переменила. Весь в нитках.

Аксинья посмотрела на себя и только теперь заметила белые волокна, приставшие к тёмной ткани. Она стряхнула их, вымыла руки и взяла чистый платок из сундука.

— Что у тебя князь спрашивал? — поинтересовалась она.

— Про господские покои. Кто после смерти государя вещи разбирал, кто прежде воду подавал. Я сказала, что всё по-разному бывало, смотря кто дежурил.

— И всё?

— Ещё про бельё. Я объяснила, что у нас его по приказам выдавали, а когда больной лежит, иной раз и спросить некогда, куда чистое девалось. Старое в стирку, новое к постели.

Аксинья кивнула.

Мавра посмотрела на неё внимательнее.

— Ты чего такая бледная? С утра не ела?

— Ела.

— Тогда иди, не заставляй князя дожидаться. Он, говорят, терпеть этого не может.

Аксинья взяла приготовленную накидку и вышла.

В переходе ей встретился Алексей.

Он шёл с Вельяминовым, держа под мышкой книгу. Увидев Аксинью, остановился и поздоровался так же, как прежде.

— Аксинья Тимофеевна, вы теперь совсем редко к нам приходите.

Она поклонилась.

— Дел много, государь.

— Раньше вы и при всех делах находили время зайти.

— Теперь Мавра чаще возле вас бывает. Коли что понадобится, она поможет.

Алексей посмотрел на неё с недоумением, но Вельяминов напомнил, что занятие уже началось, и ученик поспешил за ним.

Аксинья осталась возле стены на несколько мгновений.

Ей было легче отвечать Ромодановскому о хозяйственных записях, чем видеть знакомое лицо Алексея и помнить, почему мать больше не желает их прежней близости.

Когда она подошла к двери отведённой для допросов палаты, пришлось остановиться и привести дыхание в порядок.

Потом Аксинья постучала.

Ромодановский встретил её без особенных церемоний.

— Садись, Аксинья Тимофеевна. Ты при государыне давно служишь?

Она назвала срок и объяснила, какими хозяйственными обязанностями ведала во время болезни Петра.

Князь уже знал от Мавры и других служителей, что Аксинья распоряжалась значительной частью дворцового хозяйства. От неё зависело приготовление белья, передача поручений, снабжение господских покоев необходимыми вещами. В лекарства она не вмешивалась, но люди, исполнявшие лекарские просьбы, нередко обращались к ней.

— А кто мог принести государю питьё до того, как лекарей позвали? — спросил Ромодановский.

Аксинья ответила не сразу.

— Столовые служители, князь. Если требовалось что-нибудь из кухни, за ним посылали по обычному порядку. Я тоже могла велеть принести, когда государыня просила.

— А двадцать восьмого декабря?

— Не помню каждого поручения за тот день.

Князь подал ей запись о выдаче кувшина.

— Вот это из кухни передали в покои. Получатель записан один, а на деле вещь нёс другой человек. Дальше кувшин приняла женщина из ближних служителей. Не знаешь, кто?

Аксинья внимательно посмотрела на строку.

Она знала, что женские и столовые служители постоянно передавали друг другу посуду. Ничего необычного в самой записи не было. Однако теперь любое уточнение о двадцать восьмом декабря напоминало ей о том, что Ромодановский исследует именно те часы, о которых она не могла говорить правду.

— По одной записи не узнаю, — сказала она. — В покоях тогда несколько женщин состояло. Можно спросить, кто дежурил.

— Спрашивали. Никто уверенно не помнит.

Аксинья положила лист на стол.

— Тогда лучше не угадывать, князь.

Ромодановский посмотрел на неё внимательнее, но не из-за этих слов. Аксинья говорила по существу, как человек, привыкший отвечать за хозяйство, и не пыталась приписать себе знания, которыми не обладала.

— Ты сама в тот день возле Петра Алексеевича бывала?

— Бывала по делам.

— В какое время?

Аксинья рассказала о тех посещениях, которые могла назвать без сомнений. Князь попросил уточнить, кого она видела рядом с государем. Она перечислила известных ей людей, но не стала утверждать, что других там не было.

Затем разговор перешёл к лекарским назначениям.

— Ты их сама готовила?

— Нет. За это лекари отвечали.

— А приносить могла?

— Могла передать приготовленное или велеть служителям принести. Но лекарства назначала не я.

Ромодановский задал ещё несколько вопросов о привычном порядке подачи воды и пищи, а после вернулся к ночным выдачам белья.

Аксинья объяснила, что имя старшего служителя часто попадало в расходную книгу, хотя за вещью приходил другой. Именно поэтому она не считала запись о Семёне достаточным подтверждением, что тот лично забрал полотно.

— Ты могла распоряжаться такой выдачей? — спросил князь.

— Могла. И часто распоряжалась. Но эту, двадцать девятого числа, не помню, чтобы сама принимала.

— А если кто-нибудь скажет, что приходил по твоему приказу?

Аксинья встретила его взгляд.

— Тогда надо спросить, кому и зачем я велела принести бельё. У больного государя его много требовалось. Не всякое поручение осталось у меня в памяти.

Ромодановский сделал знак подьячему записать ответ.

Он не располагал ни свидетельством, ни вещью, которые указывали бы на особую причастность Аксиньи к обстоятельствам смерти. Она могла отдавать поручения по хозяйству, но такое же право имели и другие люди, постоянно служившие при царской семье.

Князь не собирался превращать обычные обязанности в обвинение.

— Ты понимаешь, почему я обо всём спрашиваю? — произнёс он, закрывая книгу.

— Понимаю. Вы хотите установить, что происходило перед болезнью и во время неё.

— Вот именно. Если вспомнишь, кто принимал питьё или распоряжался подачей в тот день, скажи.

— Скажу, князь.

Он отпустил её.

Аксинья поднялась, поклонилась и направилась к двери. Взявшись за скобу, обнаружила, что ладонь стала влажной. Пришлось крепче сжать металл, прежде чем открыть.

Ромодановский уже обратился к подьячему с новым поручением и не смотрел ей вслед.

Когда она вышла, писец осторожно спросил:

— Каково вам её показание?

— Хозяйство знает. Отвечает о том, что помнит.

— Подозрительная?

Князь поднял голову.

— Чем?

— Уж больно спокойно держалась.

— А как ей надобно было? Плакать, чтобы ты поверил? Или голосом дрожать, чтобы тебе интереснее стало?

Подьячий смутился.

— Виноват, князь.

— Вот и не пиши человеку в вину то, что он перед тобой не трясётся. Принеси лучше список всех, кто двадцать восьмого декабря при кухне и столе служил. Там ещё людей немало.

Писец отправился исполнять распоряжение.

Ромодановский придвинул к себе показание Пахома, принимавшего кувшин.

В нём не было ни одного слова об Аксинье.

Старший дворцовый служитель пришёл к Ромодановскому с просьбой прекратить лишние расспросы в начале февраля.

До него дошли жалобы, что людей отрывают от работы, заставляют повторять одни и те же сведения, а на кухне уже боятся выдать лишний кувшин без трёх свидетелей. По его мнению, такая осторожность только мешала повседневной службе.

— Государя похоронили, — говорил он, стоя возле стола. — Лекари смерть после болезни подтвердили. А теперь всякий служитель боится, что за неверно записанное полотенце его в Преображенский приказ потащат.

Ромодановский выслушал жалобу, не перебивая.

— Ты чего просишь?

— Чтобы определили конец делу. Если дурного не найдено, зачем дальше людей тревожить?

— Дурное и хорошее не всегда по первому допросу видно.

— Но ведь от болезни люди умирают.

— Умирают.

Служитель воспользовался согласием и предложил оформить заключение, что Пётр скончался от тяжёлого недуга, как и свидетельствовали лекари.

Ромодановский открыл одну из записей.

— Вот здесь первый лекарь пишет, что государю было плохо ещё до его прихода. Сам он начало болезни не видел. А здесь кухонная книга, по которой приготовленное питьё доставили к покоям, но кто принял его дальше, не установлено.

— Разве это доказывает худой умысел?

— Нет.

— Так о чём же спор?

— О том, что не установлено.

Старший служитель посмотрел на князя с явным недоумением.

— Но нельзя ведь всё знать, Фёдор Юрьевич. Даже при живом государе не всякую минуту записывали.

— Нельзя. Потому и не надо писать, будто знаем.

Он придвинул гостю лекарское свидетельство.

— Я не объявляю, что Петра Алексеевича уморили. У меня таких доказательств нет. Но и утверждать, будто все обстоятельства болезни проверены, не стану. А ты меня просишь именно об этом.

Служитель хотел возразить, но князь предложил другое решение.

Постоянные хозяйственные работы не будут прерывать без нужды. Людей вызовут только для проверки конкретных обстоятельств, а прежние показания не заставят повторять вновь, если нет противоречия, которое требуется уточнить.

Проситель согласился.

Перед уходом он спросил:

— И долго ещё продолжать станете?

— Пока не разберу то, что можно разобрать.

— А если причины так и не установите?

— Значит, не установлю.

Ромодановский произнёс это спокойно, без обиды. Не каждое расследование позволяло получить ответ, которого требовали окружающие. Но признать собственное незнание было лучше, чем закрыть дело словами, не подтверждёнными обстоятельствами.

К середине февраля на столе Ромодановского лежали уже не все собранные показания, а только те, которые относились к началу болезни.

Князь сам распорядился убрать в отдельную связку сведения о траурных приготовлениях, последних днях ухода и неверных хозяйственных выдачах двадцать девятого и тридцатого декабря. Они оставались частью общего дела, но больше не отвлекали от главного вопроса.

Подьячий разложил перед ним три листа.

Первый содержал слова Петра, переданные лекарем: недомогание началось раньше осмотра.

Второй — показания кухонных людей о приготовленной двадцать восьмого декабря пище и питье.

Третий — сведения Пахома, который принял кувшин на кухне и передал его в ближнем переходе женщине, имени которой не знал.

— Вот что у нас получается, — сказал Ромодановский.

Он провёл пальцем от первой бумаги ко второй, потом к третьей.

— До прихода лекаря государю уже было дурно. Что он ел и пил в тот день, полностью не установлено. Кухня может подтвердить приготовление, столовые люди — часть доставки, а дальше начинается то, чего никто уверенно не помнит.

Подьячий слушал внимательно.

— Значит, надо искать женщину, которая кувшин получила?

— Надо искать людей, которые видели государя до первого лекарского осмотра. Если женщина получала питьё, её тоже спросим. Но я не хочу, чтобы всё дело повисло на одной неизвестной служанке.

Князь велел принести список тех, кто утром и днём двадцать восьмого декабря исполнял поручения непосредственно при Петре, независимо от того, состояли они при кухне, в покоях или у дверей.

Список оказался длиннее, чем ожидал подьячий.

Но в нём обнаружилась существенная особенность.

Часть людей была записана по обычному дневному наряду. Других вызывали разово, и сведения об их присутствии сохранились лишь в отдельных поручениях. Несколько имён встречались в расходных книгах, но ни одно не подтверждало, что эти люди действительно находились возле царя в момент, когда началось недомогание.

Ромодановский попросил составить не новую общую ведомость, а последовательность только подтверждённых обстоятельств.

Писец принялся работать.

Через некоторое время он прочёл получившуюся запись.

Последний день, когда Пётр продолжал привычные дела. Двадцать восьмое декабря: обычные дворцовые поручения, приготовление пищи и питья, первые жалобы на недомогание. Позднее — вызов лекаря и начало постоянного наблюдения. Дальнейшие дни болезни подтверждались уже гораздо большим числом свидетелей.

Между доставкой обычного дневного питья и первым лекарским осмотром оставался промежуток, для которого не было достаточно полных свидетельств о состоянии Петра.

Ромодановский перечитал запись.

Это не доказывало, что государю дали яд. Никакого обнаруженного отравляющего вещества, признания или надёжного свидетельства умышленного действия у него не было. И сам промежуток мог объясняться тем, что во время первых жалоб никто ещё не считал болезнь чрезвычайным событием, требующим точной записи каждого часа.

Но теперь князь знал, где именно его сведения обрываются.

Раньше расследование пыталось охватить все последние дни Петра сразу. После сверки показаний появилась возможность отделить хорошо подтверждённое течение болезни от её плохо известного начала.

— Что писать в конце? — спросил подьячий.

Ромодановский посмотрел на уже составленную справку.

— Что тяжёлая болезнь и смерть государя подтверждены лекарями. Начальные обстоятельства недомогания двадцать восьмого декабря выяснены не полностью. Доказательств злого умысла пока не получено.

Подьячий записал.

— А проверка?

— Продолжается. Только теперь не станем вызывать всех подряд. Сначала людей, бывших при государе до первого осмотра. И отдельно установим, какие поручения действительно исполнялись, а какие лишь числятся в книгах.

Он попросил не вписывать предположений о причине смерти и не объявлять людей подозреваемыми без оснований. У Семёна имелся собственный проступок — самовольная отлучка с караула, — но князь не позволял превращать его в доказательство чего-либо большего.

Подьячий закончил запись и отложил перо.

За окном начинало темнеть. Во дворе разгружали сани, а у крыльца двое служителей безуспешно пытались разойтись с тяжёлыми корзинами в узком проходе. Один сердито велел другому уступить дорогу, но спустя мгновение оба рассмеялись и вместе протиснули поклажу внутрь.

Ромодановский взял приготовленный список свидетелей, вычеркнул имена тех, чьи показания уже были достаточно проверены, и оставил несколько человек, действительно способных сообщить что-нибудь о двадцать восьмом декабря.

На отдельном листе он собственноручно написал, что ближайшие вопросы касаются времени начала болезни, подачи пищи и питья и людей, находившихся при государе до прибытия лекаря.

Лист передал подьячему.

— Этим и займёмся. Остальных пока не трогать.

Писец сложил бумаги и вышел передавать распоряжения.

Глава 6. Место при царе

Февраль 1703 года. Москва.

Железная скоба лопнула с таким звуком, что Алексей сперва решил: треснула деревянная рама.

Он успел отскочить от стола, когда небольшой груз, висевший на верёвке, сорвался вниз, ударил о подставку и опрокинул чашку с мелкими гвоздями. Те рассыпались по полу, забились под лавку и в щели между половицами.

Вельяминов, до того наблюдавший за работой ученика, отложил книгу.

— Целы?

— Да. Только скобу жалко.

Алексей поднял сломанную деталь. Железо разошлось возле отверстия, через которое проходил крепёжный штырь. Сама рама уцелела, хотя верёвка соскочила с верхнего колеса и теперь бесполезно свисала сбоку.

Модель изображала подъёмное устройство для ворот. Отец велел изготовить её ещё прошлой осенью, когда они спорили о том, как распределяется тяжесть при подъёме деревянного полотна. Сначала Алексей упражнялся на рисунках, потом потребовал сделать небольшую раму, чтобы можно было проверить расчёт.

При Петре работу несколько раз откладывали: железных дел мастера были заняты более срочными заказами. Готовую модель доставили уже перед болезнью государя, и испытать её вместе отец с сыном не успели.

После погребения Алексей долго не решался к ней подступиться. Теперь же обнаружилось, что первое серьёзное испытание закончилось поломкой.

— Слишком много положили, — заметил Вельяминов, указывая на груз.

— Меньше она поднимала.

— А больше не выдержала.

— Значит, надо выяснить, отчего.

Алексей поставил скобу на край стола и принялся разглядывать отверстие. Оно было пробито слишком близко к сгибу. При каждом движении колеса железо немного расходилось, пока не лопнуло окончательно.

Вельяминов предложил сначала собрать рассыпанные гвозди, чтобы никто не наступил на них. Служитель принёс деревянную миску, и Алексей сам опустился возле лавки, выуживая из щели последние два гвоздя.

Когда он поднялся, наставник уже осматривал раму.

— Придётся послать к мастеру.

— К тому, кто делал?

— Не знаю, кто изготовил именно эту скобу. В прежнем заказе значилось несколько работников.

Алексей попросил найти роспись.

Вельяминов велел принести бумаги из небольшого сундука, где хранили учебные расходы и записи о приобретённых инструментах. Однако после смерти Петра порядок выдачи вещей изменился: сундук перевезли в другие комнаты, а ключ теперь находился у служителя, отвечавшего за малый двор государя.

Тот явился с объяснением, что прежде следует получить дозволение человека, недавно назначенного надзирать за выдачей имущества.

— На мой же учебный сундук? — удивился Алексей.

— Государь, приказано без записи ничего не выдавать.

Вельяминов спокойно попросил показать распоряжение.

Служитель принёс сложенный лист, на котором действительно стояло требование учитывать выносимые из господских помещений вещи. Оно касалось дорогой посуды, одежды, инструментов и другого имущества, оставшегося после Петра. Но о просмотре учебных бумаг там ничего не говорилось.

— Сундук открывайте, — сказал наставник. — Роспись нужна для проверки сделанной работы. Ничего из комнаты выносить не станем.

Служитель колебался.

— Мне потом отвечать.

Алексей хотел приказать немедленно принести ключ, однако Вельяминов попросил его подождать и сам вписал требуемую выдачу в принесённую книгу.

Ключ появился через несколько минут.

Когда служитель ушёл, Алексей сердито положил перед наставником сломанную скобу.

— Раньше такого не было.

— Раньше ваш отец сам мог потребовать сундук, и никто не осмелился бы задержать.

— А я не могу?

— Можете. Но сегодня нам пришлось выяснить, чего именно требует распоряжение. Теперь роспись здесь, и никто не скажет, что мы брали вещи без учёта.

Алексей раскрыл бумаги и нашёл нужное имя.

Работу с железными креплениями поручали мастеру Семёну Лаврентьеву. Напротив стояла отметка о принятом заказе, но часть платы оставалась невыданной.

— Отчего ему не заплатили?

Вельяминов прочёл запись.

— Последний расчёт полагался после проверки исправности. А проверку, как видите, ещё не закончили.

Алексей посмотрел на сломанную скобу.

— Тогда надо позвать Семёна. Пусть объяснит, что с ней случилось.

Вместо Семёна на следующий день явился Степан Андреевич Боборыкин.

Он принёс письмо Авраама Фёдоровича Лопухина и пачку хозяйственных записей, которые, по его словам, следовало привести к единому порядку. Не дожидаясь вопросов, изложил предложение: поручить ему постоянный надзор за инструментами, учебными моделями, ремонтными расходами и людьми, вызываемыми для подобных работ.

Алексей сначала решил, что Боборыкин привёз старую роспись, и обрадовался.

— Вы знаете, сколько Семёну ещё должны?

— Знаю, государь. Именно поэтому и счёл нужным представить расчёты.

Боборыкин раскрыл принесённые листы. В одном значилась стоимость заказа, во втором — выданные деньги, в третьем — материалы, полученные мастерскими. Он указал, что окончательный платёж не следовало производить до испытания устройства. Кроме того, часть записей повторяла одни и те же расходы, и без сверки можно было заплатить дважды.

Вельяминов взял бумаги и внимательно сравнил суммы.

— Здесь верно замечено. За железо указана одна цена в общей росписи и другая в отдельной выдаче.

— Потому и следует установить, кто ведёт все эти дела, — ответил Боборыкин. — При покойном государе многое делалось по его личному слову. Теперь приходится разыскивать, что кому велели и сколько обязались заплатить.

Алексей придвинул сломанную скобу.

— А починить её кто будет?

— Мастер, которому поручат работу. Моё дело — проверить условия, принять счёт и удостовериться, что казна не заплатила за неисправное второй раз.

— Семёна вы позвали?

— Пока нет. Прежде надобно решить, кому поручат наблюдение за этими работами.

Алексей взглянул на Вельяминова.

— Нам ведь пока одна скоба нужна.

— Сегодня скоба, завтра колесо или другая модель, — возразил Боборыкин. — А при вашем дворе ещё немало вещей, изготовленных прежними мастерами. Их следует принять на счёт, определить ответственных, чтобы каждый приходящий не получал прямого доступа к государю.

Последние слова заставили Алексея отложить скобу.

— А если я захочу сам поговорить с мастером?

— Через человека, которому поручено смотреть за работами, это можно устроить без затруднения.

— А он решит, кого мне показывать?

Боборыкин ответил осторожно:

— Он должен удостовериться, что посетитель действительно пришёл по делу. Иначе любой начнёт просить аудиенции под предлогом ремонта.

Вельяминов не возражал против проверки посетителей. Он сам предпочитал знать, кто входит в учебные помещения и зачем. Однако при Боборыкине речь шла уже не о простом учёте имущества. Тот предлагал создать отдельное постоянное поручение, по которому через него проходили бы мастера и сведения об их работе.

— Для нынешнего ремонта достаточно вызвать Лаврентьева и сверить его расчёт, — заметил наставник. — Вопрос об общем надзоре можно рассмотреть отдельно.

— Именно такого разделения я опасаюсь, — ответил Боборыкин. — Когда каждый решает небольшое дело сам, общего счёта и не получается.

Алексей не нашёл, что возразить.

Боборыкин показал настоящие ошибки в бумагах. Если бы не он, прежнюю плату могли выдать неверно. И всё же Алексей хотел поговорить с мастером, а не начинать новую переписку из-за поломки.

— Расчёты оставьте, — сказал он наконец. — Мы их посмотрим. Но Семёна всё-таки позовите. Я должен узнать, как исправить устройство.

— Государь, я бы советовал прежде утвердить порядок вызова работников.

— А я хочу сперва увидеть, что требуется сделать.

Боборыкин поклонился и больше не спорил.

Уходя, он попросил передать Евдокии весь разговор. Вельяминов согласился, добавив, что приложит и хозяйственные расчёты.

Наталья увиделась с Авраамом Фёдоровичем ещё до того, как приехала к племяннику.

Лопухин пришёл с просьбой поддержать назначение Боборыкина. Разговор начал не с родства, а с беспорядка, обнаруженного в малом дворе после смерти Петра.

— Одну вещь записывают в двух книгах, за другую деньги назначены, а кто принимал — неизвестно. Теперь Алексей хочет разбирать каждый заказ сам. Так не годится.

Наталья, сидевшая возле окна с недошитой сорочкой на коленях, отложила иглу.

— Боборыкин сумел найти ошибки?

— Сумел. Я его потому и рекомендую.

— Тогда пусть проверяет расходные записи. Зачем ему постоянное право решать, кого допускать к Алёше?

Лопухин не стал притворяться, будто вопрос возник случайно.

— Потому что расходы начинаются с людей. Сегодня мастер приходит исправить скобу, завтра просит денег на новое устройство. Алексей молод, доверчив, любит всякие железные хитрости. Ему покажут занятную вещицу — он и велит платить.

— А кто будет решать, занятная ли вещица стоит денег? Твой Боборыкин?

— Он сможет проверить счёт и доложить, от кого пришло предложение.

— И выбрать, какое предложение до государя дойдёт.

Авраам Фёдорович подался вперёд.

— Наталья Алексеевна, я не скрываю, что хочу видеть возле племянника надёжных людей. После смерти Петра Нарышкины уже присматриваются к каждому месту, Лопухины тоже не станут стоять в стороне. Если мы не определим порядок сейчас, его определит кто-нибудь другой.

Наталья положила сорочку на стол.

— Ты просишь меня помочь твоему человеку занять место прежде, чем оно появилось.

— Место необходимо.

— Для ремонта?

— Для всего малого двора.

— Тогда придётся говорить с Евдокией именно об этом. И не ссылаться на сломанную железку, будто без нового распорядителя её никто не починит.

Лопухин нахмурился.

— Я думал, ты поймёшь, что вопрос серьёзнее железки.

— Поняла. Потому и не обещаю поддержки.

Он поднялся не сразу.

— А если Лев Кириллович предложит своего человека?

— Сначала узнаю, что тому поручают. Потом решу, есть ли надобность в таком поручении.

Авраам Фёдорович усмехнулся.

— Ты хочешь удержаться посередине.

— Нет. Я хочу, чтобы меня перестали считать удобной дверью к племяннику.

Лопухин поклонился и ушёл.

На следующий день Наталье передали предложение от людей Нарышкина: они готовы представить собственного кандидата, если Боборыкин будет допущен к надзору за малым двором.

Наталья не стала приглашать нового претендента.

Вместо этого велела передать Льву Кирилловичу, что назначения пока нет и ни одна из сторон не получила преимущества. После чего отправилась к Алексею — посмотреть, что действительно требуется исправить.

Семён Лаврентьев прибыл с деревянным ящиком инструментов и свёртком железных деталей.

Работников он оставил во дворе. В учебную комнату вошёл один, снял шапку и первым делом посмотрел на устройство.

— Мои люди собирали, государь. Только с какой бедой вызвали, пока не знаю.

Алексей протянул сломанную скобу.

Семён повернул её к окну, осмотрел излом, затем достал из ящика шило и провёл остриём вдоль отверстия.

— Тут железа мало оставили. Близко к сгибу пробили. Под небольшой тяжестью ещё держалось, а когда прибавили — пошла трещина.

— Почему раньше не заметили? — спросил Алексей.

Мастер не поспешил оправдываться.

— Надо у того спросить, кто ковал. Но мне работу отдавали целиком, стало быть, и с меня спрашивать.

— А вы разве не испытывали?

— Колесо проверял, верёвку проверял. Большой груз не поднимал. Заказ торопили, а после обещали испытать при государе. Вот и отдали недоделанным.

Он произнёс последние слова с досадой, направленной скорее на себя, чем на работников.

Алексей некоторое время рассматривал скобу.

— Если новую сделать толще, выдержит?

— Железо-то выдержит. Дерево тогда возле отверстия разбивать начнёт.

Мастер попросил позволения разобрать верхнее крепление. Алексей помог снять колесо, а Вельяминов подал инструменты. Семён проверил посадку штыря, ощупал край деревянной стойки, где уже появились следы износа, и показал, как закрепить вдоль неё дополнительную железную полосу.

Когда Наталья вошла в комнату, они раскладывали на столе деревянные планки, изображавшие возможное исправление.

— Я думала, у вас здесь строят новые ворота, — заметила она. — Из-за такого устройства столько разговоров.

— Оно маленькое только с виду, тётушка, — ответил Алексей. — Если сделать настоящее, вся тяжесть придётся на эти места.

Семён показал, как новая полоса должна распределять нагрузку. Говорил он проще, чем Вельяминов на занятиях: вместо длинных объяснений брал деталь, прикладывал к другой и предлагал посмотреть, куда она сдвинется под тяжестью.

Алексей несколько раз поправлял его, пытаясь применить собственные расчёты. Мастер не соглашался из одного уважения к государю. Если расчёт не учитывал толщину дерева или положение штыря, Семён показывал это на раме.

Наталья наблюдала за их спором, не вмешиваясь.

Когда Алексей наконец понял, почему нельзя обойтись одной новой скобой, он попросил мастера назвать срок исправления.

Семён прибавил к времени работы ещё день.

— На испытание. Торопиться теперь не хочу.

— А что с прежней платой? — спросил Вельяминов.

Он принёс расходные записи, оставленные Боборыкиным. Мастер внимательно их просмотрел, затем достал собственную тетрадь, где были записаны железо, древесина и работа людей.

Суммы совпадали не везде.

Боборыкин правильно заметил двойную запись одного из материалов: в общую стоимость уже входило железо, отдельно обозначенное во второй ведомости. Семён признал это без спора. Однако окончательный платёж задержали целиком, хотя большая часть модели была изготовлена и доставлена.

— Работникам своим заплатили? — спросил Алексей.

— Кому мог. Двум ещё должен.

— Сколько?

Семён назвал суммы.

Вельяминов проверил их по тетради. Они не выглядели завышенными, но и принять их на слово без сверки он не мог.

— Люди ведь за это время другую работу могли взять, — сказал Алексей.

Семён коротко взглянул на него.

— Могли, государь. Только они мой заказ делали. Теперь ждут, когда расплачусь.

— И долго станут ждать?

— Один до весны обещал. Другой уже спрашивал, не лучше ли ему уйти туда, где платят сразу.

Мастер убрал тетрадь.

— Сломанную скобу за мой счёт переделаем. За неё второй раз брать не стану. Но всё остальное ведь сделано. Коли старый расчёт пропадёт, я людям из своих денег платить должен, а их больше нет.

Алексей посмотрел на раму.

До сих пор он сердился на неисправную вещь, которую не успел испытать с отцом. Теперь рядом со сломанной скобой лежала тетрадь с чужими именами и невыплаченными деньгами.

— Если мы вашу работу примем после починки, вам отдадут всё остальное?

— Так полагалось бы. Только кто нынче принимает, я уж и сам не знаю.

Алексей повернулся к Вельяминову.

— Мы можем проверить отдельно то, что уже исправно?

— Можем представить такую проверку. Но расчёт и выдачу денег должны оформить люди, которым это поручено.

— А если новая скоба опять лопнет?

Семён ответил раньше наставника:

— Тогда не принимайте.

Он положил перед Алексеем старую деталь и показал ещё раз, где именно допустил недосмотр.

— Пока не выдержит оговорённого груза, работа не кончена.

Наталья взяла тетрадь мастера.

— А вот это покажем людям, которые ведают оплатой. За уже сделанное придётся отвечать по отдельному счёту.

Семён поклонился.

Ему было заметно неловко говорить о долгах перед царской семьёй, но после этого разговора он хотя бы знал, что его тетрадь не останется лежать без рассмотрения.

Боборыкин явился к Евдокии с расходными записями в тот же день.

Он не жаловался, что Алексей предпочёл Семёна. Вместо этого показал, как после смерти Петра менялся порядок учёта имущества малого двора, и попросил разрешения привести несколько разрозненных книг к единой росписи.

Василиса просмотрела бумаги.

— Вы обнаружили двойные расходы?

— Обнаружил повторяющиеся записи. Платили ли по ним дважды, ещё надо проверить. Не всякая ошибка писца оборачивается потерей денег.

— А сколько людей понадобится для вашей проверки?

Боборыкин назвал двух служителей, уже ведавших книгами, и одного переписчика. Отдельного жалованья себе пока не требовал, предлагая сначала установить объём работы.

Предложение было разумным, и Василиса не стала отвергать его только потому, что Боборыкина рекомендовал брат.

— Сверку книг поручить можно. Но почему вы хотите, чтобы к вам обращались все мастеровые, вызываемые к Алексею?

— Без этого я буду узнавать о новых расходах последним. Появится мастер, принесёт счёт, государь одобрит работу, а мне останется только внести сумму.

— У вас смешались два разных дела. За верность счёта отвечает тот, кто его проверяет. А решать, нужен ли моему сыну разговор с мастером, вы не можете лишь потому, что ведёте расходы.

Боборыкин выслушал её, не перебивая.

— Если каждое поручение станет проходить мимо меня, государыня, учёт снова разойдётся.

— Тогда установим, что сведения о заказе передают вам для проверки, прежде чем назначить плату. Но вы не получаете постоянного права задерживать посетителей и распоряжаться занятиями государя.

— С таким ограничением придётся действовать через Вельяминова.

— Именно так и следует делать в делах, относящихся к обучению.

Степан Андреевич немного помолчал.

— Это не тот порядок, который предлагал Авраам Фёдорович.

— Я знаю.

Он поклонился и собрал бумаги.

Василиса остановила его, прежде чем он вышел:

— И ещё. По заказу Семёна Лаврентьева вы нашли двойную запись. Проверьте, какие части работы действительно приняты и сколько мастер получил. Мне требуется точный расчёт, а не повод отказать ему во всякой плате из-за одной неисправной детали.

Боборыкин поднял голову.

— Вы всё-таки поручите ему исправление?

— Если он подтвердит, что умеет его выполнить, и предложенная стоимость будет обоснована. Алексей просил рассмотреть именно его работу.

— Позволите мне присутствовать при приёмке?

— При проверке счёта — да. Исправность модели пусть удостоверяют те, кто знает её устройство.

Боборыкин ушёл не с тем назначением, на которое рассчитывал. Но и вовсе без дела не остался.

Это обстоятельство не утешило Авраама Фёдоровича, когда ему сообщили о разговоре.

Алексей принёс матери сломанную скобу, чертёж исправления и два листа с расчётами.

Евдокия встретила его в небольшом кабинете, куда приказала не пускать посетителей до окончания разговора. У окна стоял Вельяминов; он собирался помочь с документами, но заранее предупредил ученика, что объяснять за него необходимость заказа не будет.

Алексей начал с самой модели.

Он рассказал, что железо лопнуло возле сгиба, а новую деталь нужно изготовить иначе. Затем показал рисунок Семёна и объяснил, почему мастер предложил укрепить деревянную стойку.

Василиса слушала.

— Это тот самый человек, который изготовил неисправную скобу?

— Да. Он признал, что плохо проверил работу.

— И ты хочешь поручить исправление ему?

— Хочу.

— Почему не другому мастеру?

Алексей перелистнул чертёж.

— Он уже знает, где ошибся. И предложил, как исправить. Если привести нового, тому придётся сначала всю модель разбирать. Семён обещал сделать новую скобу за свой счёт.

— А остальная работа?

— Её надо принять отдельно. Он должен двум работникам, хотя они сделали всё, что им велели.

Василиса просмотрела роспись.

— Здесь не указано, какая часть прежней платы приходится на исправное устройство, а какая — на работу, которую ещё предстоит проверить.

— Я об этом хотел спросить.

— У кого?

Алексей поколебался.

— У людей, которые деньги считают. У Боборыкина тоже. Он нашёл ошибку в записях.

Евдокия подняла глаза.

— Значит, его помощь пригодилась?

— Пригодилась. Только я не хочу, чтобы он каждый раз решал, можно ли мне разговаривать с мастером.

Василиса положила бумаги рядом.

Она уже знала о требованиях Лопухина и понимала, что спор из-за небольшой модели приобрёл совершенно иной смысл. Но сейчас сын предлагал конкретное решение, а не просил разрешить ему победить родственника.

— Семёну можно поручить исправление, — сказала она. — Оплату за прежний заказ проверят отдельно. Новый расход должен быть определён до начала работы, а результат — испытан. Кто будет его принимать?

— Я хочу сам посмотреть. И Вельяминов пусть будет. Если что-нибудь сломается, Семён покажет отчего.

— Хорошо. Но окончательный расчёт будет произведён после проверки условий и отметки о выполнении. Постоянного содержания мастеру не назначаем.

— Он и не просил постоянного.

— А Боборыкин просил постоянный надзор.

Алексей не ответил сразу. Положил ладонь на чертёж, затем убрал её, чтобы мать могла прочесть размеры.

— Он хорошо считает, — сказал наконец. — Только Семён лучше знает, что с этим делать.

Василиса попросила Вельяминова передать бумаги на проверку расходов и подготовить ограниченное поручение от государева имени через положенный порядок. В нём следовало назвать работу, срок и условия испытания, не вводя новой должности при дворе.

Алексей проводил наставника до двери, потом вернулся.

— Матушка, если бы вам Семён не понравился, вы могли бы его не назначать?

— Могла бы не согласиться с твоим предложением и потребовать другой проверки.

— Даже если я государь?

— Мы уже обсуждали, как устроено управление, Алёша.

Он нахмурился, но не стал спорить.

Василиса заметила его досаду. Ей хотелось объяснить ещё многое: и необходимость проверять мастеров, и опасность чужих рекомендаций, и цену казённых денег. Однако все эти слова не изменили бы того, что сын только что столкнулся с пределом собственных возможностей.

Она вернула ему сломанную скобу.

— Сохрани до испытания. Будет с чем сравнить.

Алексей взял железо и ушёл, больше ничего не спрашивая.

После решения Евдокии Наталья приехала к Аврааму Фёдоровичу сама.

Он принял её в комнате, где на столе лежали письма от служилых людей. Лопухин выглядел утомлённым и не сразу заговорил о Боборыкине.

— Твой племянник получил, чего хотел, — произнёс он наконец.

— Семёну поручили исправить модель. Это ведь небольшая работа.

— Если бы дело было только в работе, никто бы не спорил.

Наталья сняла перчатки.

— Вот теперь ты говоришь прямо.

Лопухин подвинул ей письмо, которое собирался отправить Евдокии. В нём предлагалось поручить Боборыкину проверку хозяйственных книг малого двора. Слова были тщательно подобраны: никакого требования распоряжаться доступом к Алексею уже не оставалось.

— Я слышала, Дуня согласилась на проверку, — сказала Наталья.

— Согласилась на разовую сверку. А кто станет смотреть за расходами потом? Опять Вельяминов? Ему ученика учить надобно, а не по книгам деньги разыскивать.

Наталья не стала отрицать, что вопрос придётся решать. Ей самой не понравилась история с запертым сундуком: служители боялись нарушить новый порядок, но не могли объяснить его до конца.

— Подай предложение о постоянном учёте отдельно, — сказала она. — Только не требуй сразу распоряжаться людьми, которых зовут к государю.

Авраам Фёдорович посмотрел на неё испытующе.

— А если другой род получит такое право прежде нас?

— Тогда я скажу ему то же самое.

— Ты думаешь, этого хватит?

— Нет. Но сегодня ты просил поддержать Боборыкина для ремонта. Теперь сам признаёшь, что ремонта тебе было мало.

Лопухин больше не спорил.

Наталья ушла без примирительных обещаний. Она не была уверена, что выбор Алексея во всех отношениях безупречен. Семён ещё не исправил модель; его работники по-прежнему ждали денег. Но превращать небольшое поручение в средство постоянного контроля над племянником ей не хотелось.

К вечеру Авраам Фёдорович написал другое письмо.

Он больше не просил пересмотреть назначение Семёна. Вместо этого приказал одному из близких ему служителей впредь собирать сведения о новых расходах малого двора: кто обращается с предложениями, кому поручают работу, какие суммы назначают и кто удостоверяет исполнение.

Для начала велел получить копию росписи, по которой рассчитывались с Лаврентьевым.

В письме не требовалось вмешиваться в каждый заказ. Достаточно было регулярно сообщать о них.

Служитель прочёл поручение и уточнил:

— И обо всех мастеровых тоже?

— Обо всех, чьё имя появится в расходных книгах государева двора. Не надо бегать за каждым по пятам. Бумаги смотрите.

— А если не дадут?

Лопухин взял письмо обратно и дописал несколько слов.

— Тогда сообщите, кто отказал и на каком основании.

Он вернул лист служителю.

На этот раз просьбы о назначении Боборыкина в письме не было.

Исправленную модель Семён привёз через пять дней.

На этот раз с ним были двое работников. Один нёс ящик с инструментами, другой — железные детали, завёрнутые в грубое полотно. Семён попросил поставить их возле окна, где лучше видно отверстия и места крепления.

Алексей уже ждал.

Вельяминов осмотрел новую полосу, сверил её с рисунком и велел принести приготовленный груз. Старую скобу положили на край стола: возле излома железо потемнело, а края отверстия оставались неровными.

Семён снял временную деревянную накладку, установил исправленное крепление и несколько раз провернул колесо без груза. Затем закрепил верёвку и предложил начать испытание.

Первый подъём прошёл благополучно.

На втором Алексей сам следил за креплением. Он стоял так близко, что Вельяминов попросил его отступить: если груз сорвётся, лучше не находиться рядом с рамой.

Алексей отошёл, хотя ему хотелось видеть каждое движение.

При последнем испытании Семён велел поднимать груз медленнее. Верёвка натянулась, колесо провернулось с тихим скрипом, деревянная стойка чуть подалась под тяжестью, но железная полоса осталась на месте.

Когда груз опустили, мастер проверил отверстия и затяжку креплений.

— Теперь держит, государь.

Алексей присел возле рамы и провёл пальцами по дереву. Прежняя скоба разбивала его у самого края, а новая передавала усилие вдоль стойки. На дереве оставались старые отметины, но новых повреждений после испытания не появилось.

— Можно ещё раз? — спросил он.

Семён посмотрел на Вельяминова.

— В пределах той же тяжести — можно.

Испытание повторили.

Наталья пришла, когда всё уже закончилось. Алексей показал ей новую деталь и попросил сравнить её со старой.

Она взяла сломанную скобу, подержала на ладони, затем положила рядом с исправленной.

— Разница заметна даже мне.

— А она не только в толщине, — начал Алексей.

— Верю, Алёша. Объяснишь за обедом. Сейчас пусть люди закончат работу.

Он посмотрел на стоявших возле рамы мастеров и, словно вспомнив что-то, обратился к Семёну:

— Вы говорили, что двоим ещё должны. Им выдадут деньги?

Мастер показал запись, по которой уже проверили часть прежнего заказа.

— По принятой работе расчёт велели сделать. За нынешнюю ещё отметка нужна, что всё выдержало.

Вельяминов подтвердил испытание и попросил работников убрать инструменты, прежде чем в комнате начнутся следующие занятия.

Семён собрал детали. Старую скобу Алексей оставил себе, а исправленную модель велел поставить у стены, где она не мешала проходу.

Когда мастера ушли, он вернулся к столу и открыл тетрадь.

Вельяминов подал ему чертёж.

Алексей не сразу принялся писать. Сперва ещё раз посмотрел на исправленное колесо, потом перечеркнул прежний расчёт усилия у крепления и начал новый.

Пока в учебной комнате проверяли модель, Боборыкин занимался расходными книгами.

Он нашёл вторую ошибку в старой росписи, на этот раз не связанную с Семёном. За одну поставку дерева деньги значились к выдаче дважды, хотя фактический платёж был произведён только один раз. Если оставить запись без исправления, при следующем расчёте казна действительно могла потерять деньги.

Боборыкин потребовал уточняющую справку и добился её.

После полудня ему принесли документы по заказу Лаврентьева: прежнюю роспись, расчёт оставшейся платы и отметку Вельяминова об успешном испытании.

Проверив суммы, Степан Андреевич распорядился передать бумаги для положенной выдачи денег. Возражений к исполнению работы у него не было.

Служитель, собиравший листы со стола, спросил, куда положить второй список.

— Какой второй?

— Для Авраама Фёдоровича. Его человек нынче просил сведения о новых поручениях при государевом дворе.

Боборыкин перестал писать.

— Кто просил?

Служитель назвал имя.

Степан Андреевич взял приготовленный список. В нём стояли фамилия Лаврентьева, размер утверждённого расхода, срок работы и дата приёмки. Ни одной тайны эти сведения не содержали, однако прежде их никому из родственников государя специально не собирали.

— А с каких пор ему положено такие бумаги получать?

— Не знаю. Он сказал, Авраам Фёдорович велел справиться.

Боборыкин несколько мгновений рассматривал лист. Затем отложил его отдельно от документов, приготовленных к выдаче.

— Сначала выясни, кто дозволил делать копии. А этот список пока оставь здесь.

Служитель поклонился и вышел.

Боборыкин вернулся к росписи. На последней строке стояла отметка о принятой работе Семёна Лаврентьева. Он сверил сумму, поставил возле неё знак проверки, закрыл расходную книгу и придвинул к себе оставленный список для Авраама Фёдоровича.

Глава 7. Не чужая семья

Весна 1703 года. Москва.

Екатерина Ивановна спрятала французскую книжку под подушку за несколько мгновений до того, как мать вошла в комнату.

Сделала она это слишком поспешно. Книга ударилась о деревянную спинку кровати, подушка съехала, а из-под неё высунулся угол переплёта.

Прасковья Фёдоровна остановилась на пороге.

— Катя, что у тебя там?

— Ничего, матушка.

— Тогда отчего это ничего у тебя под подушкой торчит?

Екатерина посмотрела на кровать, словно видела её впервые.

За столом Анна продолжала переписывать молитвенный текст. Перо у неё было очинено неровно, чернила ложились то густо, то бледно, и она уже третий раз выводила одно слово, стараясь не испортить страницу. Младшая Прасковья сидела возле окна с клубком ниток и наблюдала за старшей сестрой с удовольствием, которое плохо скрывала.

— Это книга, — сообщила она матери.

— Я вижу, что не сапог.

— Катя сказала, если спросят, говорить, что она потерялась.

— Праша! — возмутилась Екатерина.

— Ты сама сказала.

Прасковья Фёдоровна подошла к кровати, приподняла подушку и достала небольшую книжицу в тёмном переплёте.

— Откуда взяла?

Екатерина поднялась.

— Наталья Алексеевна прислала. Там истории.

— Какие истории?

— Французские.

— Язык вижу. Истории какие?

Екатерина замялась. Она успела разобрать только несколько страниц и не была уверена, что правильно поняла содержание. Книга досталась ей вместе с письмом Натальи, где та советовала читать небольшими частями и отмечать непонятные слова. Однако Екатерина начала не с начала, а с истории, сопровождавшейся рисунком, и вскоре запуталась в именах.

— Про людей, которые поехали далеко, — сказала она наконец.

— И что с ними случилось?

— Пока не знаю.

Прасковья Фёдоровна раскрыла книгу, посмотрела на чужие слова и вернула её дочери.

— Когда узнаешь, расскажешь. Только под подушку больше не прячь. Читать лёжа вредно, а прятать от меня и вовсе незачем.

Екатерина покраснела.

— Я думала, вы отберёте.

— За что?

— За французский.

— Французский от тебя не убежит. У меня с Натальей Алексеевной другой разговор будет, если она снова пришлёт книжку, не предупредив, что в ней написано.

Младшая Прасковья немедленно оживилась.

— А мне пришлёт?

— Тебе сначала следует дочитать то, что уже дали.

— Я дочитала.

Анна, не поднимая головы, заметила:

— Ты вчера сказала, что последней страницы не понимаешь.

— Теперь понимаю.

— И что же там написано?

Младшая задумалась.

Прасковья Фёдоровна рассмеялась и велела всем заканчивать занятия. После обеда ожидали Наталью Алексеевну, а в комнатах ещё не приготовили места для её приезда.

Екатерина убрала книгу в сундук, на этот раз не пряча её. Анна промокнула написанное и осторожно положила лист на край стола, чтобы чернила окончательно высохли. Младшая Прасковья оставила клубок на подоконнике и побежала узнать, будут ли к приезду гостьи подавать сладости.

— Иди за ней, — попросила мать Екатерину. — А то доберётся до кухни прежде поваров и решит, что ей самой всё приготовить дозволено.

Екатерина вышла следом за сестрой.

Анна осталась собирать письменные принадлежности.

— Матушка, — спросила она, не оборачиваясь, — а французскую книгу действительно можно читать?

— Можно, коли толк есть.

— Наталья Алексеевна говорит, что иностранные языки нужны.

— Для чего?

Анна вытерла перо.

— Чтобы понимать людей, которые на них говорят.

Прасковья Фёдоровна посмотрела на дочь.

— А если человек не желает, чтобы ты его понимала?

Анна подумала.

— Тогда он будет молчать. Или говорить неправду.

Мать улыбнулась.

— Вот этому и на русском языке научиться можно.

Наталья приехала после полудня, когда солнце уже достаточно пригрело двор, чтобы с крыш начали падать мокрые комья снега.

У крыльца оставались грязные сугробы. Вода стекала по деревянным желобам, во дворе пахло талой землёй и сырым сеном. Из-за ворот доносились голоса возчиков, а служители, проходившие между хозяйственными постройками, старательно обходили лужу, которая с каждым днём становилась шире.

Наталья задержалась у входа, пока снимали дорожную накидку.

Ей нравился дом Прасковьи Фёдоровны.

Не потому, что здесь было особенно богато. В царских покоях повсюду находились вещи куда дороже здешних. Но хозяйка умела устроить дом так, чтобы в нём жили, а не только принимали положенные поклоны.

В прихожей сохли детские башмачки. Возле стены стоял низкий сундук с полотнами для рукоделия. Из соседней комнаты слышались голоса, и среди них громче всех звучала младшая Прасковья, уверявшая кого-то, что её непременно следует пустить к гостям первой.

Хозяйка вышла встречать Наталью сама.

Они обнялись.

— Ну, наконец-то, — сказала Прасковья Фёдоровна. — Всё собиралась приехать, а у тебя то дела, то государь, то ещё кто-нибудь найдётся.

— Я ведь обещала после траура.

— Обещала. И сдержала. За это благодарствую.

Прасковья провела её в комнату, где приготовили чайное питьё, пироги и варенье. Девочки стояли возле стола, ожидая, когда им позволят поздороваться.

Екатерина первой подошла к Наталье.

Она была старшей из трёх оставшихся в живых дочерей Ивана V и держалась с той уверенностью, которая часто отличает ребёнка, привыкшего, что младшие смотрят на него прежде, чем решатся что-либо сделать.

— Вы прислали трудную книгу, — сказала она после приветствия.

— Значит, читаешь.

— Читаю. Только половину слов приходится спрашивать.

— У кого?

— У учительницы. А когда она занята, у Анны.

— Анна ведь младше.

— Зато она терпеливее ищет слова.

Анна смутилась, хотя Екатерина сказала это без насмешки.

Младшая Прасковья дождалась своей очереди и спросила, привезла ли Наталья что-нибудь ещё.

— Привезла, — ответила та. — Только сперва хочу узнать, как вы тут живёте.

— Хорошо, — объявила младшая. — Катя прячет книги, Анна всё переписывает, а меня никто не спрашивает, чего я хочу.

Мать покачала головой.

— Последнее особенно неправдоподобно. Ты за сегодняшний день всем в доме свои желания успела сообщить.

Наталья рассмеялась и достала небольшой свёрток.

Внутри оказались три вещи: тонкая книжечка с короткими текстами, набор бумаги для рисования и несколько аккуратно сделанных картинок с изображением европейских городов.

Девочки сразу потянулись к столу.

Екатерина взяла картинки, Анна — книжечку, а младшая Прасковья потребовала объяснить, почему ей досталась бумага без единой нарисованной вещи.

— Потому что рисовать будешь сама, — сказала Наталья.

— Я лучше город возьму.

— Тогда договорись с сестрой.

Екатерина, уже рассматривавшая изображение высокой башни, не торопилась отдавать картинку. Младшая Прасковья потянулась через стол, и между ними едва не началась ссора.

Прасковья Фёдоровна вмешалась прежде, чем девочки успели разгорячиться.

— Катя, покажи сестре. Не отнимет она у тебя целый город.

Наталья смотрела на них с удовольствием.

После смерти брата при дворе слишком часто говорили шёпотом. Здесь же спорили из-за картинок, смеялись и обижались по пустякам, которые через час забывались.

Впрочем, одна из картинок оказалась не такой уж пустой.

На ней был изображён большой европейский город с каналом, узкими высокими домами и множеством лодок.

Екатерина повернула лист к свету.

— Люди там прямо у воды живут?

— Живут, — ответила Наталья.

— А если вода поднимется?

— Они умеют строить так, чтобы город не затопляло.

— Все дома?

— Не все. И не всегда удаётся.

Анна подошла ближе.

— А это далеко от Москвы?

Наталья объяснила, что город находится в другой стране, куда можно добраться долгим путешествием. Путь потребует сменить несколько дорог и, возможно, ехать водой.

Младшая Прасковья немедленно спросила, нельзя ли отправиться туда летом.

Мать ответила, что сначала неплохо бы научиться без ссор ездить даже в соседнее имение.

Екатерина продолжала рассматривать картинку.

— Я бы поехала.

— И надолго? — спросила Прасковья Фёдоровна.

— Пока всё не посмотрю.

— А потом?

— Домой.

Анна взяла лист с изображением города, посмотрела на лодки и вернула сестре.

— Если обратно ехать столько же, сколько туда, можно очень долго дома не быть.

Екатерина пожала плечами.

— Зато увидишь всё.

Наталья заметила, что Анна не стала спорить с сестрой, хотя та явно не подумала о дороге обратно.

После угощения девочек отпустили в соседнюю комнату.

Екатерина унесла картинки, Анна — книжечку, а младшая Прасковья пошла следом, настойчиво требуя, чтобы ей оставили хотя бы один вид города для рисования. Из-за неплотно прикрытой двери ещё некоторое время доносился их спор, пока наставница не предложила каждой заняться своей работой.

Прасковья Фёдоровна дождалась тишины и повернулась к Наталье.

— Ты, я вижу, всерьёз взялась их чужим языкам учить.

— Я прислала одну книгу.

— Одну сейчас. А до того ещё были записи и письма.

— Ты ведь сама говорила, что девочкам требуется больше занятий.

— Я говорила, что они должны уметь вести себя соответственно своему рождению. Не помню, чтобы обещала сделать из них переводчиц.

Наталья отодвинула чашку.

— Одно другому не мешает.

— Тебе легко говорить. У тебя нет трёх дочерей, каждая со своим нравом. Катя с утра готова спорить с любым учителем, Анна боится испортить страницу, а младшая и вовсе считает, что всему можно научиться за день.

— И это прекрасно.

— Прекрасно, пока учительница не прибегает ко мне жаловаться, что урок опять превратился в перебранку.

Наталья улыбнулась, однако Прасковья не поддержала её веселья.

— Я не против учения. Только мне не нравится, что последнее время всякий, кто приходит в дом, считает своим долгом объяснить, как надобно воспитывать дочерей Ивана Алексеевича. Одни советуют приглашать иноземных наставников, другие ужасаются от одного их имени. Третьи требуют почаще показывать девочек при Алексее. А когда спрашиваю, чего хотят от них самих, отвечают, что заботятся о роде.

— И ты боишься, что я тоже пришла советовать за твоей спиной?

— Я знаю тебя, Наташа. Ты за спиной говорить не любишь. Но ты ведь прислала французскую книгу, не спросив меня.

Наталья признала, что следовало предупредить.

Прасковья немного смягчилась.

— Мне не сам язык неприятен. Пусть учатся. Только я хочу знать, чему именно и кто их учит. Они ещё совсем малы.

— Катя уже не так мала, как тебе кажется.

— Ей двенадцатый год. А она вчера едва не поссорилась с сестрой из-за ленты.

— И что? Взрослые иной раз из-за места за столом ссорятся гораздо сильнее.

Прасковья засмеялась, вспомнив рассказы о спорах после похорон Петра.

— Это верно. Только взрослых за такие ссоры никто в угол не ставит.

Некоторое время они говорили об учителях, привычных занятиях и том, какие книги можно давать девочкам. Прасковья хотела сохранить церковное чтение, письмо, рукоделие и наставления о поведении. Наталья предлагала прибавить языки, географию и музыку, которой в доме занимались нерегулярно.

— Для чего им география? — спросила Прасковья.

— Хотя бы затем, чтобы Катя знала, где находится город, в который уже собралась ехать.

— Она завтра соберётся на Луну, если ей нарисовать подходящую картинку.

— На Луну дороги мы пока не знаем. А вот до европейских дворов люди ездят.

Прасковья посмотрела на неё внимательнее.

— Вот мы и дошли до настоящего разговора.

Наталья не стала притворяться, будто не понимает.

— Ты сама просила меня приезжать и говорить о будущем девочек.

— О будущем, да. Но я хочу прежде узнать, что ты предполагаешь.

— Предполагаю, что их положение рано или поздно заставит говорить о браках за пределами России.

Прасковья опустила глаза на лежавшее возле чашки полотенце.

— И ты уже знаешь, за кого?

— Нет.

— Тогда отчего спешишь?

Наталья не ответила сразу.

Вопрос был справедливым. Пока ни одной из девочек не предлагали определённого жениха, и в доме никто не собирался готовить свадебный поезд. Однако после вступления Алексея на престол придворные начали иначе смотреть на родство с дочерьми Ивана V. Вчерашние дети постепенно превращались в возможных участниц больших династических договорённостей.

— Именно потому, что никого ещё не назвали, — сказала Наталья, — у нас есть время подумать, чего мы вообще готовы допустить.

Прасковья Фёдоровна взяла чашку, обнаружила, что питьё остыло, и отставила её.

— Тогда давай думать без женихов.

Они перебрались к окну, где было светлее.

Служанка принесла свежие свечи, но зажигать их пока не стали. За стеклом с крыши соседней постройки срывались капли, падали на ледяную корку и разбивали её на мелкие куски.

— Ты ведь помнишь, как меня выдавали за Ивана Алексеевича, — сказала Прасковья.

Наталья кивнула.

— Помню.

— Я тогда тоже мало что решала. Старшие договорились, свадьбу устроили. Мне объясняли, как вести себя, кому кланяться, что говорить. И всё было знакомое: Москва, церкви, люди нашего языка. А всё равно боялась так, что несколько ночей почти не спала.

Она говорила об этом редко.

Иван V умер почти семь лет назад, и вдовствующая царица давно привыкла строить свою жизнь без мужа. Но воспоминания о замужестве оставались частью её отношения к дочерям.

— Иван Алексеевич дурного мне не делал, — продолжила она. — Был тих, болезнен, многое ему давалось трудно. Но я хотя бы знала, к кому обратиться, если что случится. Мать могла прислать человека. Родственники рядом. А ты предлагаешь подумать о том, чтобы отправить одну из девочек туда, где она ни языка толком не знает, ни родни.

— Пока предлагаю научить их языкам.

— Знаю. Но для чего, ты уже сказала.

Наталья не стала возражать.

Прасковья смотрела во двор, где слуги пытались убрать остатки снега от крыльца. Один скалывал лёд, другой относил мокрую массу деревянной лопатой. Работа была неприятная, но привычная. Хозяйка знала этих людей много лет.

— Здесь я могу велеть лекаря позвать, учительницу сменить, служанку наказать, если обижает девочек. За границей кто мне позволит хоть слово сказать?

— Можно договориться об условиях брака.

— На бумаге?

— И на бумаге тоже.

— А если муж нарушит?

Наталья выдержала её взгляд.

— Тогда придётся требовать исполнения через государя и его послов. Брак царской дочери с иностранным принцем — дело не только семейное.

— Вот это и страшно. Для государя дело, для послов дело, для союзов дело. А для моей дочери — вся её жизнь.

Наталья перевела взгляд на дверь, за которой находились девочки.

— Я ведь не предлагаю отдавать их первому, кто согласится.

— Ты предлагаешь привыкать к самой мысли.

— Да.

Прасковья тяжело вздохнула.

Она понимала доводы собеседницы. Дочери Ивана Алексеевича принадлежали к царскому дому, и в других государствах их родство имело бы значение. Война, дипломатические отношения, поиск союзников — всё это могло однажды привести к предложениям, которые невозможно будет рассматривать как обычное семейное сватовство.

Но Прасковья прежде всего видела лица дочерей.

Екатерина могла рассмеяться человеку в лицо, если его слова показались ей смешными. Анна сперва промолчала бы, а потом целый вечер спрашивала, не обидела ли кого-нибудь. Младшая Прасковья обижалась, когда её оставляли дома, но через час уже забывала о ссоре, если ей позволяли возиться с красками.

Представить любую из них возле незнакомого мужа было трудно.

— Допустим, — сказала она наконец, — найдётся князь из чужой земли. Чего нам прежде спрашивать?

Наталья задумалась.

— Какой он веры. Каково его положение. Что принадлежит ему самому, а что лишь обещано роднёй. Кто правит в его доме и не окажется ли жена совершенно чужой среди людей, которым она мешает.

— А сам князь какой?

— И это нужно узнавать.

— Тогда с этого и начинай. Потому что государственное положение можно изменить, а дурного мужа иной раз и сам государь не исправит.

Наталья признала, что согласна.

Прасковья посмотрела на неё искоса.

— Ты слишком быстро согласилась.

— А ты слишком хорошо спросила.

— Вот и не спорь со мной о книгах, пока я не пойму, к чему их ведёшь.

Они рассмеялись, но разговор продолжался уже иначе.

Наталья предложила не выбирать сейчас будущие брачные партии, а постепенно готовить девочек к тому, что когда-нибудь их могут обсуждать. Для этого пригодятся языки, знание других стран и умение вести себя среди незнакомых людей.

Прасковья согласилась прибавить занятия, однако потребовала, чтобы учителей выбирала сама и чтобы никто не навязывал дочерям чужих обычаев как единственно правильных.

— Пусть узнают, как люди живут, — сказала она. — Но не надо учить их стыдиться своего дома.

Наталья не возражала против такого условия.

Спор возник, когда речь зашла о возможном отъезде.

— Если одна из девочек выйдет замуж за иностранного принца, — сказала Наталья, — ей, вероятно, придётся жить при его дворе.

Прасковья покачала головой.

— Не обязательно навсегда.

— Это зависит от брачного договора и положения мужа.

— Вот я и говорю: нельзя соглашаться на то, что отрежет дочь от родни.

— Не каждый двор позволит жене государя свободно ездить домой.

— А я и не прошу ездить каждую неделю. Но если дочь заболеет или окажется несчастлива, разве мне только молитвы за неё останутся?

Наталья опустила глаза.

Она знала достаточно примеров, когда положение женщины при чужом дворе зависело от обстоятельств, на которые её родня почти не могла повлиять. В этом Прасковья не преувеличивала.

— Надо предусматривать возможность переписки, собственных служителей, духовника, — сказала она. — И не соглашаться на перемену веры без понимания последствий.

— Вот видишь. Мы ещё жениха не нашли, а уже надо решать, кто поедет с дочерью, где она будет молиться и кому станет жаловаться.

— Поэтому и стоит думать заранее.

Прасковья медленно кивнула.

— Думать — стоит. Только я не позволю, чтобы их учили готовиться к отъезду прежде, чем они сами узнают, что значит уехать.

За дверью что-то грохнуло.

Прасковья Фёдоровна поднялась прежде, чем служанка успела сообщить, что произошло.

В соседней комнате младшая Прасковья стояла возле перевёрнутой коробки с красками. На полу лежали деревянные палочки, куски бумаги, несколько мелких кистей. Екатерина пыталась собрать их, одновременно сердясь на сестру, которая утверждала, будто ничего страшного не произошло.

Анна стояла возле стола, держа в руках лист.

— Она хотела сама нарисовать город, — объяснила Анна.

— И нарисую! — заявила младшая.

— Для этого не обязательно опрокидывать всю коробку, — заметила мать.

Екатерина подняла одну из картинок.

— Она решила, что если здесь мост нарисован, то можно такой же сделать из бумаги. Я сказала, что он развалится, а она не поверила.

— Потому что ты мне не помогла!

— Я не обязана всё за тебя делать.

Прасковья Фёдоровна посмотрела на Наталью.

— Вот тебе и будущие иностранные дворы.

Наталья не удержалась от смеха.

Младшая Прасковья, заметив, что взрослые не сердятся слишком сильно, немедленно попросила помочь ей сделать мост.

Наталья присела возле разложенных листов.

— Покажи, что задумала.

Девочка объяснила, что хочет соединить два нарисованных берега полоской бумаги, но та всякий раз провисает посередине. Екатерина уже успела предложить подложить деревянную палочку, однако сестра отказалась: на картинке никаких палочек под мостом не было.

Наталья взяла бумагу, согнула её вдоль и показала, что после этого полоска держится лучше.

Младшая попробовала сама.

— Вот теперь похоже!

Екатерина заглянула через плечо.

— Только на той картинке мост каменный.

— А мой бумажный, — ответила Прасковья. — Мне камня не дали.

Прасковья Фёдоровна велела собрать краски и разрешила девочкам закончить работу на другом столе, где меньше опасности испортить ткани.

Анна всё ещё держала свой лист.

Наталья заметила это и спросила, что она написала.

— Я переписывала слова, — ответила Анна. — Про город.

— Прочитай.

Анна нерешительно посмотрела на мать, затем на сестёр.

Екатерина уже собиралась что-то сказать, но мать остановила её взглядом.

Анна начала читать. Слова давались ей медленно; несколько раз она запнулась на незнакомых названиях и один раз пропустила целую строку. Однако содержание оказалось понятным: она переписала из книги небольшой рассказ о городе, где люди торговали и путешествовали по воде.

Когда Анна закончила, Наталья похвалила её за терпение.

— А ты бы хотела там побывать?

Анна осторожно сложила лист.

— Хотела бы посмотреть.

— И пожить?

— Не знаю.

Прасковья Фёдоровна подошла ближе.

— Почему не знаешь?

Анна помолчала.

— Я не понимаю, как там жить, если никто не говорит по-нашему.

— Можно научиться их языку, — сказала Наталья.

— А если я неправильно скажу?

— Тебя поправят.

— Не все станут поправлять.

Наталья улыбнулась, собираясь ответить, что в любом новом деле приходится ошибаться. Но Анна продолжила:

— А если я не пойму, что мне обещали? Или не пойму, что я сама пообещала?

Прасковья Фёдоровна посмотрела на Наталью.

Та уже не улыбалась.

Вопрос был слишком серьёзен для обычной беседы о книжках и картинках. Анна не знала ничего о династических переговорах и не рассуждала о государственных союзах. Она просто представила себя среди людей, чьи слова не понимает, и обнаружила в этом опасность.

Наталья придвинула к ней стул.

— Вот потому язык и стоит учить хорошо. Чтобы тебе не приходилось соглашаться с тем, чего ты не понимаешь.

Анна кивнула.

— А если я всё равно не пойму?

— Тогда спросишь ещё раз.

— И можно будет не отвечать сразу?

Прасковья Фёдоровна ответила раньше Натальи:

— Пока ты у меня в доме, никто не заставит тебя отвечать прежде, чем разберёшься.

Анна опустила глаза на лист.

— Хорошо.

Екатерина, слушавшая разговор от стола с красками, неожиданно спросила:

— А если не у вас в доме?

Мать повернулась к ней.

— Что?

— Вы сказали: пока Анна у вас в доме. А если она уедет, кто ей разрешит не отвечать сразу?

На этот раз Прасковья Фёдоровна не нашлась с ответом.

Служанка принесла чистое полотно для стола, и разговор оборвался. Девочки вновь занялись мостом, но Екатерина ещё несколько раз оглядывалась на мать.

Наталья подняла с пола оставшуюся кисть и положила её в коробку.

Ей уже не хотелось продолжать спор об иностранных языках так, словно речь шла только о полезном занятии.

Когда девочек позвали переодеваться к вечернему столу, Прасковья Фёдоровна попросила Наталью задержаться.

В соседней комнате служанки уже помогали Екатерине выбирать платье. Младшая Прасковья требовала оставить ей ленту, которую старшая считала своей, а Анна пыталась выяснить, кто первой взял её из сундука.

Прасковья закрыла дверь.

— Слышала, что Катя спросила?

— Слышала.

— Я ведь могла сказать, что у царской дочери всегда найдётся защита. Что государь не допустит обиды, что родственники вступятся. Только сама знаю, чего стоят такие обещания, когда женщина оказывается далеко от дома.

Наталья не стала её успокаивать.

Прасковья подошла к небольшому сундуку и достала свёрток с письмами покойного мужа. Разворачивать не стала, лишь поправила край ткани.

— Когда Ивана Алексеевича не стало, ко мне многие с советами приходили. Одни хотели, чтобы я при дворе чаще бывала. Другие говорили, с дочерьми тише жить надобно. Нашлись и такие, кто за меня собирался решать, кого в дом пускать и кто девочек учить станет.

— Помню, — сказала Наталья.

— А ведь все почтительно разговаривали. Государыней называли, кланялись. Иным послушать — будто только о моём благе заботились. А стоило мне возразить, удивлялись: отчего я не согласна?

Прасковья положила письма обратно.

— Я уже один раз осталась без мужа, а чужих распорядителей возле меня только прибавилось. Теперь мне предлагают заранее привыкнуть, что дочерей однажды увезут. И опять все уверяют, будто знают, как будет лучше.

— Я не хочу распоряжаться твоими дочерьми, — ответила Наталья.

— Знаю. Но если завтра при дворе заговорят о женихе, ты меня известишь?

— Извещу.

— Прежде, чем всё решат?

Наталья помолчала.

Она могла пообещать Прасковье собственное участие, могла говорить с Евдокией и возражать против невыгодных условий. Однако ни одному человеку из царской семьи не принадлежало право единолично определять будущие династические союзы. В этом деле придётся считаться и с положением государства, и с военными обстоятельствами, и с теми, кто будет вести переговоры.

— От своего имени могу обещать, что не стану участвовать в решении за твоей спиной.

Прасковья Фёдоровна посмотрела на неё.

— Вот это уже обещание, которому я поверю.

Из соседней комнаты донёсся возмущённый голос Екатерины:

— Праша, отдай! Ты же свою взяла!

Младшая что-то ответила, и обе заговорили одновременно.

Наталья улыбнулась.

— Пока они из-за лент спорят, у нас есть время подумать.

— Есть, — согласилась Прасковья. — Только не такое большое, как кажется.

Она вернулась к столу и налила себе остывшего питья. Сделала глоток, поморщилась и позвала служанку, чтобы та принесла горячего.

— Книги мне пришли списком, — сказала она Наталье. — Хочу знать, что ты намерена давать девочкам. Учительниц тоже сначала сама увижу.

— Пришлю.

— И языки пусть учат. Если судьба приведёт к чужому двору, лучше понимать тамошнюю речь, чем каждое слово через другого человека узнавать.

Наталья кивнула.

Больше к бракам они за столом не возвращались.

К вечеру девочки успели поссориться и помириться ещё дважды.

Младшая Прасковья принесла к столу свой бумажный мост, но Екатерина потребовала убрать его подальше от угощения: после красок на бумаге оставались пятна, которые могли испортить скатерть.

Анна предложила положить мост на подоконник.

— Там до утра высохнет.

— А вдруг кто-нибудь уронит? — забеспокоилась младшая.

— Тогда завтра другой сделаем, — ответила Екатерина.

— Этот лучше.

— Ты ещё другого не делала.

Прасковья Фёдоровна велела оставить сооружение на сундуке и садиться ужинать.

Вскоре разговор перешёл к тому, какие пироги кому больше нравятся. Екатерина хотела получить ещё один с начинкой, младшая Прасковья объявила, что ей достался самый маленький, а Анна предложила разделить оставшийся пополам.

Наталья слушала их, изредка вступая в спор и смеясь вместе с девочками.

Когда пришло время уезжать, Екатерина напомнила ей о французской книге. Наталья обещала прислать объяснение нескольких трудных слов, но предложила сперва попробовать разобраться с помощью учительницы.

Анна попросила ещё бумаги для письма. Младшая Прасковья — новых красок, потому что прежние она почти истратила на мост.

— А целый город ими ещё не нарисовала, — заметила Екатерина.

— Нарисую, если ты мешать не станешь.

Наталья поцеловала девочек на прощание.

Прасковья Фёдоровна проводила её до перехода, где служительницы уже приготовили дорожную накидку.

— Наташа, об иностранных браках при девочках пока не говори.

— Не стану.

— И Евдокии передай: если возникнут настоящие переговоры, я желаю знать о них прежде, чем дело далеко зайдёт.

— Передам.

Прасковья задержала её руку.

— Пойми, я ведь не могу запретить государю думать о пользе России. Но и молчать, когда станут распоряжаться моими дочерьми, не собираюсь.

Наталья сжала её пальцы.

— Я поняла.

Они обнялись.

Уже у саней Наталья обернулась:

— Книги скоро пришлю.

— Сперва список! — напомнила Прасковья.

Наталья рассмеялась и села в сани.

Через несколько дней Прасковья получила от Натальи перечень книг и возможных учителей.

Список оказался длинным. Кроме французского чтения, Наталья предлагала немецкие слова, географические сведения, музыку и отдельные уроки, на которых девочки могли бы узнавать об обычаях других государств.

Прасковья Фёдоровна прочла его за завтраком, пока дочери ещё не пришли к столу.

Несколько названий показались ей незнакомыми. Возле них она поставила маленькие отметки, чтобы позднее расспросить Наталью. Одну из рекомендованных учительниц она уже слышала хвалить, о другой не знала ничего.

В комнату вошла Екатерина.

— Что читаете, матушка?

— Наталья Алексеевна предлагает вам новых учителей.

— А французский будет?

— Посмотрим.

— Вы опять говорите «посмотрим».

— Потому что ещё не посмотрела.

Екатерина хотела продолжить, но Прасковья протянула ей лист и попросила прочесть несколько названий. Дочь справилась с первыми двумя, запнулась на третьем и призналась, что такого слова прежде не встречала.

— Вот и мне оно неизвестно, — сказала мать. — Значит, будем узнавать вместе.

Позднее, когда девочки занялись уроками, Прасковья позвала человека, ведавшего её домашней перепиской.

Ответ Наталье составили быстро. Хозяйка благодарила за предложенные книги, соглашалась рассмотреть новые занятия и просила сообщить подробнее о наставницах. При этом отдельно оговаривала, что приглашать их станет по собственному решению.

Со вторым письмом дело пошло труднее.

Оно предназначалось Евдокии.

Прасковья не хотела начинать его с жалоб. Государыня недавно похоронила мужа, приняла на себя управление при сыне и ежедневно получала достаточно просьб. К тому же ни одной определённой брачной партии пока не существовало.

Но оставлять разговор с Натальей только разговором Прасковья тоже не собиралась.

Она продиктовала несколько строк о положении дочерей покойного Ивана Алексеевича, об их воспитании и о том, что со временем вопрос замужества может приобрести государственное значение.

Писец поднял голову, когда она остановилась.

— Дальше как изволите, государыня?

— Напиши: «Желала бы знать, если о замужестве дочерей моих начнутся переговоры».

Он записал.

Прасковья перечитала лист.

— Нет. Зачеркни.

Писец осторожно провёл пером по строке.

— Как теперь?

Она подошла к окну.

Во дворе Екатерина и младшая Прасковья стояли возле ступеней, стараясь не наступать в талую воду. Анна задержалась на крыльце и что-то говорила служанке, показывая на мокрый край сестриного платья.

Прасковья вернулась к столу.

— Пиши: «Прошу известить меня прежде дальнейших переговоров о замужестве дочерей моих, дабы могла я представить свои соображения и знать, какие условия для них предполагаются».

Писец записал новую фразу и прочёл вслух.

— Так оставим, государыня?

Прасковья ещё раз просмотрела письмо, велела изготовить чистовой список и дождалась, пока тот высохнет.

Затем поставила подпись.

— С ответом Наталье отправь. Только это письмо — Евдокии в руки передать.

Писец поклонился и вышел.

Прасковья Фёдоровна убрала черновик в сундук с домашними бумагами, закрыла его и пошла к дочерям.

Глава 8. Бумаги покойного

Весна 1703 года. Москва.

Фёдор Алексеевич Головин узнал о невыплаченном долге Петра по тому, как купец держал шапку.

Обычно просители мяли её, когда волновались, или прижимали к груди, стараясь выглядеть почтительнее. Этот держал обеими руками за края и всё время поворачивал, словно собирался надеть и уйти, но не решался.

— Говори, — предложил Головин. — Я уже прочёл твоё прошение.

Купец посмотрел на лежавший перед ним лист.

— Тогда сами видите, Фёдор Алексеевич. Товар мне велено было приобрести. Я приобрёл. Деньги заплатил. А теперь люди, которым товар нужен, говорят, что распоряжение покойного государя надобно подтвердить.

— Кто говорит?

Купец назвал служителя, ведавшего приёмкой иностранных инструментов.

— Он товар видел?

— Видел. Два ящика принял, третий велел придержать. Только денег ни за первые, ни за последний не выдал.

— Расписку дал?

— За два ящика. За третий сказал, что без нового указания не примет.

Головин развернул приложенную запись. В ней были перечислены чертёжные принадлежности, измерительные инструменты и несколько книг, заказанных ещё при Петре. Часть вещей предназначалась для обучения, часть — для людей, занятых техническими работами.

Два ящика уже находились в казённом хранении. Третий оставался на московском складе купца: привезти его успели, но в государево имущество не приняли. В нём лежали дополнительные книги и принадлежности, которые поставщик собрал по позднейшему запросу.

Купец оплатил все три ящика иностранному торговому дому из собственных и заёмных денег. Однако казённая расписка удостоверяла получение только первых двух, а условия закупки третьего подтверждались гораздо хуже.

— Кто велел добавить книги? — спросил Головин.

— Человек, который при государе иностранные поручения принимал.

— Имя.

Купец назвал посредника.

— А где он нынче?

— Сказывают, уехал из Москвы. Я искал его ещё после Рождества. Мне велели ждать, пока дела покойного государя разберут.

Головин перелистнул бумаги.

— Он дал тебе государево распоряжение?

— Показал письмо о книгах. Сказал, что всё пойдёт тем же порядком, каким прежде покупали.

— Ты сам письмо читал?

Купец замялся.

— Русскую выписку читал. Само письмо было на немецком.

— Значит, иностранный текст ты не видел.

— Не знаю я немецкой грамоты, Фёдор Алексеевич. Для того посредники и нужны.

Головин отложил выписку.

— Сколько ты внёс за третий ящик?

Купец назвал сумму. Ещё оставалось заплатить за хранение, поскольку товар лежал на его складе дольше условленного.

— А человек, у которого занял, когда потребует возврата?

— К лету. Он уже сказал: ежели не рассчитаюсь, товар заберёт. Хоть книги, хоть инструменты. Ему всё равно, что внутри.

Купец наконец отпустил край шапки, и стало видно, что на ладони у него натёрт след от грубой ткани.

— А в ящиках вещи государевы, — добавил он. — Я ведь не на собственную лавку их заказывал.

— Первые два приняты от имени государства. По ним будет расчёт после сверки. Третий пока твой товар, пока не установим, кто его заказал и на каких условиях.

— Но деньги-то за него уже отданы.

— Вижу.

— И что мне теперь делать?

Головин не стал предлагать ему ещё месяц ожидания без ответа.

— Птицын сверит приёмные записи с твоими счетами. Третий ящик пока не распродавай: сперва выясним, нужен ли он и кто вправе отвечать за заказ. А посредника будем разыскивать через тех, кому он писал.

Купец поклонился, но не ушёл.

— Фёдор Алексеевич, а если выяснится, что государь сам не велел третьего ящика брать?

Головин посмотрел на него.

— Тогда придётся разбираться, кто обещал тебе возместить покупку. Заранее ответа не дам.

Купец опустил голову. Вероятно, именно такой ответ он и ожидал услышать, только надеялся, что его не произнесут.

Когда он вышел, Головин положил прошение поверх ещё двух бумаг.

Одна касалась жалованья иностранному переводчику. Вторая — инструментов, полученных мастером для работы, которую после смерти Петра никто не поручался продолжать.

Государь велел. Исполнитель поверил. Деньги потратили или работу начали. А теперь единственного человека, способного сразу объяснить, чего именно он хотел, уже не было.

Фёдор Алексеевич достал письмо Петра, которое разбирали после его смерти.

Там упоминались иностранные мастера, книги, переводы и люди, через которых можно было находить нужные вещи. Пётр не оставил подробного счёта для каждого поручения; кое-что рассчитывал обсудить при следующей встрече.

Среди названных посредников была Анна Монс.

Короткая приписка на полях оказалась сделана знакомой неровной рукой. Пётр пропустил слово и вписал его сверху, так что чернила слились в тёмное пятно.

При жизни государя никто не осмелился бы требовать, чтобы тот переписал собственное распоряжение разборчивее.

Теперь это пятно могло стоить кому-нибудь нескольких месяцев труда.

Головин велел позвать Птицына.

Птицын явился со своей рабочей тетрадью.

Он уже успел ознакомиться с несколькими неоплаченными поручениями и принёс список людей, ожидавших денег. Вид у него был такой, словно он не спал полночи, пытаясь заставить чужие записи сойтись между собой.

— Сколько всего? — спросил Головин.

— Если считать все предъявленные требования, сумма выходит одна. Если только принятую работу — гораздо меньше. А денег для немедленной выдачи ещё меньше.

— Без сумм скажи, что за разница.

Птицын придвинул табурет, но не сел, пока Головин не предложил.

— Есть вещи, которые уже у нас. За них принимавшие расписались. Есть заказанное, но ещё не доставленное. А есть обещания людей, которые ссылаются на покойного государя, хотя подтверждения, кроме собственных слов, не представили.

Головин передал ему прошение купца.

Птицын просмотрел приложения, задержался на третьем ящике и попросил русскую выписку из иностранного письма.

— За первые два казна должна рассчитываться, если приёмка подтвердится, — сказал он. — По третьему надо узнать, кто дал купцу право считать заказ состоявшимся. Сам-то он уже перед иностранцем расплатился, но от этого ещё не ясно, обязана ли казна вернуть всю сумму.

— И если товар действительно нужен?

— Можно рассмотреть покупку теперь, на новых условиях. Только не следует притворяться, будто мы уже давно согласились с неизвестной ценой.

Головин передал ему письмо переводчика.

Тот просил выплатить за несколько месяцев работы над иностранными книгами. В приложении лежали переведённые листы, но не было ясного указания, кому поручалось принимать перевод и судить о его полноте.

Птицын нахмурился.

— Человек работал, спору нет. Только он мог перевести половину книги и требовать деньги за всю.

— Ты умеешь оценить перевод?

— Нет. Найдём того, кто умеет. Моё дело — установить, за что казна платит.

Он перевернул последний лист.

Там снова упоминалась Анна Монс. Через неё передавали сведения о книгах, переводчиках и купеческих людях, готовых доставлять иностранные товары.

— А эту кто назначил? — спросил Птицын.

— Пётр пользовался её знакомствами. Это известно.

— Пользовался — не значит, что она вправе теперь приказывать нам платить.

— Никто такого права ей не давал.

— Тогда хочу получить от неё письма, по которым купцы брали обязательства. Не по слухам. Пусть покажет, кто что заказывал и кому обещал деньги.

Головин согласился.

Птицын закрыл тетрадь.

— Только предупредить надо: если я потребую бумаги у всех сразу, часть людей перестанет привозить товары. Особенно иностранцы. Они привыкли, что при Петре вопрос решался быстро, иной раз одним словом.

— И что предлагаешь?

— Проверить уже принятое, не задерживая без нужды добросовестных поставщиков. По новому же сначала спрашивать цену и условия. А если окажется, что покойный государь велел приготовить вещь, которую теперь никто не намерен брать, придётся отдельно разбирать убыток того, кто поверил.

Головин некоторое время молчал.

Он помнил, как Пётр торопил людей, требовал привезти редкую книгу или иностранный инструмент и сердился, если ему начинали объяснять сложности доставки. Упрямство государя заставляло дело двигаться. Но после его смерти оно же оставило исполнителей с долгами, которые нельзя было закрыть одной царской волей.

— Начни с купца и переводчика, — сказал Головин. — А письма Анны Монс нужны нам не меньше счёта.

Птицын забрал бумаги.

Головин остался за столом и ещё раз взглянул на неразборчивую приписку Петра.

Анна Монс узнала о задержанном товаре раньше, чем получила приглашение к Головину.

Купец пришёл к ней домой вместе с переводчиком, которого она знала несколько лет. Оба держались так вежливо, что Анна сразу поняла: разговор предстоит неприятный.

Она велела подать стулья.

Купец отказался садиться, пока не объяснит дело.

— Анна Ивановна, простите за беспокойство. Два ящика приняли, за третий денег не обещают. А человек, у которого я занял, уже ждёт возврата.

— Какие именно вещи приняли?

Он развернул список.

Анна узнала заказ. Книги, чертёжные инструменты, принадлежности для работы с картами. Несколько позиций проходили через её знакомых, и она помогала переводить письма, чтобы поставщики понимали требования.

— За два ящика вам дали расписку, — сказала она. — Значит, есть подтверждение.

— Расписка есть. Денег нет.

Переводчик вмешался:

— И люди, которые должны отправить следующие книги, теперь спрашивают не о названиях, а о том, кто заплатит.

Анна посмотрела на него.

— Разве раньше не спрашивали?

— Раньше спрашивали, когда придут деньги. Теперь спрашивают, придут ли вообще.

Он вынул письмо на немецком языке.

В нём сообщалось, что иностранный поставщик уже получил от московского купца плату за три ящика, но подготовил по тому же запросу ещё несколько книг, которые пока оставались за границей. Отправлять их без нового согласия он не намеревался. Продавец также напоминал о расходах на поиск редких изданий и требовал определить, кому предъявлять эти затраты.

Анна перечитала письмо.

— Значит, три ящика в Москве, а дополнительные книги ещё там?

— Именно так, — ответил переводчик. — Иностранец рассчитывал, что заказ продолжится. Теперь требует ответа.

— Тогда прежде всего напишите ему, чтобы ничего больше не отправлял.

Купец поднял голову.

— А мой третий ящик?

— Его уже привезли, и за него вы заплатили. Это отдельное дело.

Анна подошла к столу, где хранила переписку.

После смерти Петра она несколько раз разбирала эти бумаги. Прежде каждый такой лист означал возможность обратиться к человеку, который мог потребовать нужную книгу, мастера или переводчика, даже если никто другой не понимал, зачем они понадобились.

Теперь письма оставались, а прежняя уверенность исчезла.

Она нашла запись об отправке первой партии.

— Я могу подтвердить, что просьба о товарах действительно поступила, — сказала Анна. — И что я передала её вам без изменений. Но не могу обязать казну платить за то, чего ещё не приняли.

Купец наконец сел.

— Вы прежде говорили иначе.

Анна повернулась к нему.

— Прежде государь был жив.

Тишина после этих слов оказалась неловкой.

Переводчик отвёл взгляд. Купец уставился на собственные руки. Ни один из них не собирался напоминать Анне о её близости к Петру, но именно она прежде делала её обещания весомее обычной посреднической записи.

— Вы можете поговорить с Головиным? — спросил переводчик.

— Могу попросить встречи.

— А с государыней?

Анна не ответила сразу.

Евдокия никогда не была ей другом. Между ними существовало слишком много такого, о чём посторонние могли только догадываться. Сама Анна когда-то считала, что привычное расположение Петра надёжнее любых условий и объяснений.

Теперь она уже не могла позволить себе этой ошибки.

— Если потребуется, поговорю, — сказала она. — Только вы должны принести точные счета. Иначе нас всех развернут с порога.

Купец покачал головой.

— Счета я принесу. А вот новые письма без гарантии не отправлю.

— Тогда не отправляйте. Пока не получим ответ, никто не должен увеличивать долг.

Анна произнесла это спокойно, но переводчик посмотрел на неё с удивлением.

Раньше она скорее предложила бы найти обходной путь: написать знакомому человеку, попросить отсрочку, обещать скорое распоряжение. Теперь сама остановила работу.

Она заметила его взгляд.

— Мне нужен купец, который сможет привезти товар через год. Не нужен человек, разорившийся ради обещания, которого я не вправе давать.

Купец молча сложил бумаги.

Уже у двери он обернулся:

— Анна Ивановна, а вы сами теперь станете вести такие дела?

— Если найдётся кому платить за работу, стану.

— И за вашу тоже?

Она улыбнулась без веселья.

— И за мою тоже.

Когда гости ушли, Анна вернулась к столу.

Среди писем лежали несколько листов с петровскими пометами. На одном он исправил немецкое слово, написав рядом русское объяснение. На другом подчеркнул название книги и добавил, что её следует непременно достать.

Анна провела пальцем вдоль подчеркнутой строки.

Пётр нередко просил вещи, стоимость которых представлял лишь приблизительно. С людьми, недовольными ценой, он мог спорить, ругаться, требовать скидки. Но если считал товар необходимым, обычно добивался его приобретения.

Анна больше не могла ссылаться на такое упрямство.

Она выбрала письма, по которым имелись подтверждения уже отправленного товара, отложила остальные и позвала человека готовить ей дорогу.

Птицын ожидал увидеть Анну Монс с просьбой подтвердить все прежние распоряжения.

Вместо этого она принесла две связки бумаг.

Одну положила перед ним, вторую оставила возле себя.

— Здесь то, что купцы уже отправили или передали, — объяснила она. — А здесь будущие заказы и письма с предложениями. Я не прошу платить за второе.

Птицын развязал первую связку.

В ней лежали письма, копии купеческих росписей, несколько расписок и список людей, через которых велась переписка. В отличие от многих принесённых прежде прошений, доку-

менты не были сложены по датам. Анна расположила их по поставщикам, чтобы можно было проследить, кто именно отвечал за каждую партию.

— Вы сами составляли? — спросил Птицын.

— С переводчиком. Он помогает мне проверять немецкие письма.

— А русские записи?

— Их я понимаю без переводчика.

Он поднял глаза и обнаружил, что Анна смотрит на него без улыбки.

— Не сомневался, — ответил он.

Птицын вытащил из связки письмо с указанием цены. В нём не совпадала сумма, названная в купеческой росписи, и стоимость, указанная в позднейшем подтверждении.

— Отчего разница?

Анна попросила показать дату.

Письма отправили с промежутком в несколько недель. За это время изменились условия доставки, и поставщик прибавил плату за перевозку.

— Кто согласился на увеличение?

— Никто из русской стороны, насколько мне известно.

— Тогда эту прибавку нельзя считать утверждённым расходом.

— Согласна.

Птицын посмотрел на неё с новым интересом.

— Вы понимаете, что купец потребует её с вас?

— Уже требует. Но по каким именно словам и кого считает обязанным платить, придётся выяснять. Я не собираюсь признавать за собой чужое обещание лишь потому, что передавала письма.

Птицын отложил документ.

Анна вынула другой лист.

— А вот здесь не так просто. Переводчик получил книгу, разобрал часть текста и передал листы для школы. Его работу приняли. Теперь он не может получить оставшуюся плату, потому что человек, которому поручали проверку, умер или уехал. Ему предлагают доказывать заново, что он вообще работал.

— Есть переведённые листы?

— Есть. Часть в школе. Часть при переписке.

— Кто подтвердит, что они пригодны?

— Найдутся люди, способные прочесть и подлинник, и перевод. Вы ведь не станете оценивать их сами?

Птицын прищурился.

— Не стану. Но найду того, кто сможет.

— Тогда переводчика следует известить. Он уже собирается предложить услуги другому покупателю.

— Имеет право.

— Имеет. Только следующий переводчик возьмёт работу дороже, потому что узнает, как долго здесь платят за первую.

Птицын помолчал.

В тоне Анны не было угрозы. Она просто назвала обстоятельство, которое нельзя было исправить приказом. Иностранный мастер или переводчик мог найти другое место, особенно если не имел постоянного обязательства перед русским двором.

— До конца следующей недели соберём свидетельства о выполненной работе, — сказал он. — Тогда смогу назвать, что принято. Срок выплаты пока обещать не стану.

— Это уже ответ.

Она придвинула вторую связку.

— По этим письмам новых распоряжений пока нет. Я предупредила поставщиков, чтобы не отправляли товар без согласия.

Птицын раскрыл один из листов.

Там значился предварительный запрос нескольких книг и карт, которые могли пригодиться при обучении и государственных работах. Поставщик сообщал, что часть названий труднодоступна, а за некоторые придётся платить заранее.

— Вы хотите, чтобы государство содержало вашу торговую сеть? — спросил Птицын.

Анна не отвела взгляда.

— Я хочу, чтобы государство понимало, сколько стоит пользоваться ею. Если она больше не нужна, так и скажите. Тогда ни купцы, ни переводчики не будут ждать денег от людей, которые уже не намерены ничего покупать.

Птицын некоторое время рассматривал её.

Впервые за разговор он увидел не прежнюю приближённую Петра, которой будто бы всё ещё хотелось распоряжаться по старой привычке, а посредницу, прекрасно понимающую, что её возможности уменьшаются с каждым задержанным платежом.

— Об этом решит правительница, — сказал он. — Я могу определить, что подтверждено по счёту.

Анна собрала вторую связку.

— Тогда прошу представить ей первую. И передать, что я готова объяснить каждую запись.

Василиса увидела имя Анны Монс на полях проверенной росписи.

Неожиданности в этом не было. Она знала, что Головин продолжает разбирать прежние поручения Петра и что среди них встречаются дела, в которых участвовали иностранные купцы. Но одно дело — знать об Анне как о посреднице, другое — снова увидеть её имя среди бумаг, требовавших личного решения.

Головин принёс документы вместе с заключением Птицына.

— Что подтверждено? — спросила Евдокия.

— Два ящика инструментов и книг приняты. По ним надо платить после окончательной сверки. Третий находится у купца, но казна его не принимала. Переводы частично сделаны; кто-нибудь знающий должен проверить качество. По будущим заказам Анна сама велела ждать новых условий.

— Она распорядилась?

— Своим посредникам. Не приказным людям.

Василиса положила лист на стол.

— Я понимаю разницу.

Головин заметил резкость ответа, но не стал её обсуждать.

— Есть ещё затруднение. Некоторым купцам она помогала получать иностранные книги в кредит. После смерти Петра они просят подтвердить заказы, иначе поставщики перестанут работать с ними. Это затронет и школьные дела.

Евдокия посмотрела на роспись переводов.

Школе действительно требовались книги, а некоторым наставникам — переведённые тексты. При Петре многое доставали через знакомых и покупали по мере необходимости. Отказаться теперь от всего лишь потому, что путь заказа оказался неофициальным, значило оставить без работы людей, уже занятых обучением.

— По тем книгам, что школе передали, есть записи?

— Есть. Не по всем полные.

— Тогда пусть выяснят, что действительно у нас. За полученное и принятое рассчитываться придётся.

— А новое?

— Новое отдельно. Никаких закупок только потому, что кто-то привык получать через Анну письма.

Головин кивнул.

— Она просит разговора с вами.

Василиса подняла голову.

Ей вспомнилась молодая женщина, которую когда-то слишком часто называли рядом с именем мужа. Она помнила собственную злость и то, как долго приходилось терпеть чужие насмешки, произнесённые вполголоса, словно от этого они становились менее унизительными.

После смерти Петра отношения между ними изменились, но прошлое не исчезло.

Анна оставалась живой, свободной и достаточно деятельной, чтобы искать место в новом порядке. Евдокия не собиралась преследовать её лишь за прежнюю близость к мужу. Однако и сохранять преимущества, которые та получала благодаря Петру, не намеревалась.

— Пусть приезжает, — сказала Василиса.

Головин не скрыл облегчения.

— Когда?

— Завтра, после утренних дел. И вы присутствуйте. Хочу, чтобы мы говорили о поставках, а не вспоминали то, чего уже не изменить.

Анна Монс приехала без роскошной свиты.

Она понимала, что любое стремление показать прежнее положение теперь будет выглядеть неуместно. Взяла только необходимые бумаги и служанку, которая помогла снять дорожную одежду.

В приёмной её заставили подождать.

Не слишком долго, но достаточно, чтобы Анна вспомнила, как прежде приезжала по приглашению, не задаваясь вопросом, откроют ли перед ней нужную дверь.

Служитель вежливо осведомился, по какому делу она явилась. Услышав ответ, попросил передать бумаги для предварительного просмотра.

— Они понадобятся мне при разговоре, — сказала Анна.

— Тогда внесём вместе с вами.

Тон служителя был почтительным, но он не собирался нарушать порядок.

Анна подчинилась.

Евдокия приняла её в небольшой палате. Головин уже находился там, возле стола лежали проверенные документы. В комнате было светло, окно приоткрыли, чтобы выпустить запах недавно погасших свечей.

Анна поклонилась.

Василиса предложила ей сесть.

Несколько мгновений обе молчали. Головин раскрыл первую роспись, но не торопился начинать разговор вместо них.

— Вы просили встречи, — сказала Евдокия.

— Да, государыня. Я хотела объяснить, какие обязательства были приняты через моих знакомых и что можно сохранить без новых обещаний казны.

— Головин уже изложил дело.

— Тогда, может быть, мне удастся ответить на вопросы, оставшиеся без ясности.

Евдокия кивнула.

Анна развернула список.

Прежде всего речь шла о книгах и инструментах, полученных до смерти Петра. Купцы ожидали расчёта, но в некоторых случаях не располагали приказной записью на всю сумму. По другим заказам условия изменились ещё в дороге. Анна не пыталась скрыть этого и прямо указала, где подтверждения неполные.

— Почему же вы прежде принимали на себя такие поручения? — спросила Василиса.

— Потому что при государе была возможность узнать его волю и исправить ошибку прежде, чем люди терпели большой убыток.

— А теперь?

— Теперь такой возможности нет.

Евдокия посмотрела на неё.

— Но люди продолжают приходить к вам.

— Продолжают. И я уже не всем могу помочь.

— Они считали, что вы говорите от имени Петра.

Анна не стала отрицать очевидного.

— Иногда я передавала его слова. Иногда помогала найти человека, который мог исполнить просьбу. Это разные вещи, и я не всегда достаточно строго их разделяла.

Головин сделал помету на полях.

Василиса вспомнила, сколько раз ей самой приходилось искать подтверждения устных распоряжений мужа. Пётр привык требовать быстрых действий, а окружающие потом разбирались, кто именно должен платить, доставлять и отвечать за результат.

— Вы понимаете, что я не стану принимать все прежние обещания на веру, — сказала она.

— Понимаю.

— И не собираюсь восстанавливать ваше придворное положение.

Анна выдержала паузу.

— Я его не прошу.

Василиса посмотрела прямо на неё.

— Прежде просили.

Анна не отвела взгляда.

— Прежде был жив Пётр Алексеевич.

Имя прозвучало спокойно, без попытки сделать его оружием против собеседницы.

Евдокия почувствовала, как неприятно сжалось горло. Она не хотела слышать от Анны воспоминаний о Петре. Не хотела узнавать, что он обещал ей лично, что дарил или о чём говорил, когда не возвращался домой. Но сейчас перед ней лежали документы о книгах, а не чужие любовные письма.

— Тогда будем говорить о том, что существует теперь, — произнесла она.

Анна наклонила голову.

— Согласна.

— Какую пользу ваши знакомые могут принести без прежнего покровительства?

Вопрос был жёстким, но не оскорбительным.

Анна раскрыла другой список.

Она назвала несколько направлений, по которым её посредники действительно умели находить необходимые товары. Одни занимались книгами, другие — инструментами и чертежами, третьи помогали с переводами и перепиской. У каждого имелись собственные условия, сроки и люди, которые принимали на себя перевозку.

Анна не стала уверять, будто любой заказ исполнят быстро.

— Книгу, которая есть в лавке, получить проще, чем такую, которую ещё приходится разыскивать. Некоторые издания требуют особых разрешений на вывоз. За некоторые продавцы просят деньги вперёд. А если переводчик плохо знает предмет, платим дважды — сперва ему, потом человеку, который исправляет ошибки.

— Значит, нельзя просто прислать список и требовать всё перечисленное, — заметил Головин.

— Можно прислать. Только половина списка останется обещанием.

Евдокия указала на одно из названий.

— А по этому уже есть поставщик?

— Есть человек, который знает, где искать. Но я не назову цену, пока он не подтвердит, что книга действительно доступна.

Василиса вспомнила просьбу Натальи о расширении занятий царевен и другие школьные дела, требовавшие иностранных пособий. Польза такой сети была очевидной. Не менее очевидной оставалась опасность: если Анна вновь станет единственным посредником, через которого проходят сведения и деньги, она постепенно восстановит влияние — только уже не при постели царя, а возле казённых расходов.

— Я не стану давать вам право самостоятельно заказывать товары за государственный счёт, — сказала Евдокия. — И никакой платы за одно ваше имя в переписке не положено.

Анна слегка побледнела.

— Я не просила платы за имя.

— Тогда назовите, за какую работу намерены получать деньги.

Анна на мгновение задержала руку над бумагой.

Это было впервые, когда ей предложили столь прямо отделить собственные услуги от прежнего положения. Она понимала, что ответ определит не только сегодняшний разговор, но и то, станут ли купцы вообще обращаться к ней дальше.

— За подготовку заказа, переговоры с поставщиком, перевод писем и проверку того, что отправлено именно требуемое, — сказала она. — Если поручение передано мне письменно и я его исполнила.

— А если не исполнили?

— За неисполненное требовать плату не стану. Но расходы, согласованные заранее, должны быть возмещены.

Головин поднял голову.

— Здесь потребуется точная запись условий. Иначе спор о прежних обещаниях повторится в новых заказах.

Анна согласилась.

Евдокия некоторое время смотрела на неё.

Перед ней сидела женщина, которую было слишком легко наказать личным отказом. Достаточно было сказать, что никакие прежние знакомства не принимаются, а новые дела следует вести через других людей. Анна потеряла бы положение, часть купцов — деньги, школа — нужные книги и переводчиков.

Решение принесло бы Василисе краткое удовлетворение.

И оказалось бы дорогим.

— Уже доставленное проверить, — сказала она Головину. — По принятому и годному — рассчитать, без произвольных удержаний. Не подтверждённые суммы отдельно. По будущим заказам пусть представляют предложения с ценой, сроками и тем, кто отвечает за доставку.

Затем повернулась к Анне:

— Вы можете участвовать как посредница, если получите определённое поручение. Но ни одного нового обязательства от имени государства без согласования не принимайте.

Анна выслушала, не перебивая.

— А прежние поставщики?

— Те, кто исполнил заказ, не должны терять деньги только потому, что Пётр умер. Но мы не станем платить за то, чего никто не получал и не обещал принимать по установленным условиям.

— Есть люди, которые сочтут это отказом от обязательств.

— Пусть представят доказательства.

Анна медленно сложила список.

— Представят, государыня.

Головин предложил передать Птицыну бумаги с обозначенными подтверждениями и назначить проверку уже выполненных переводов. Евдокия согласилась.

Когда всё необходимое было решено, Анна поднялась.

— Благодарю за приём.

Евдокия также встала.

Ей хотелось сказать что-нибудь о прошлом, расставить окончательные границы одним коротким замечанием. Но ни одно слово не могло изменить того, что уже случилось между ними.

— Анна Ивановна, — произнесла она вместо этого, — если люди будут требовать от вас распоряжения, которых вы не вправе давать, направляйте их к тем, кто ведёт дело. Не обещайте им моей милости.

— Не стану.

Они простились без объятий.

Анна вышла, забрав бумаги, которые ещё не имели казённого подтверждения.

Василиса осталась возле стола.

Головин некоторое время молчал, затем спросил:

— Проверку начнём с принятого товара?

— Да. И с переводчиков, которым уже должны за работу.

Он собрал листы и приготовился уйти.

— Фёдор Алексеевич, — остановила его Евдокия.

Головин обернулся.

— Впредь по этим делам принимайте Анну вместе с другими поставщиками. Не требуется каждый раз приводить её ко мне.

— Разумеется, государыня.

— И чтобы её письма шли через установленный порядок.

— Так и будет.

Головин поклонился.

Когда он ушёл, Василиса велела убрать со стола бумаги, оставленные Анной. Не выбросить, не вернуть без рассмотрения — просто унести для дальнейшей работы.

Потом попросила Мавру принести другие дела.

Через некоторое время служительница вернулась с новой связкой. Василиса раскрыла верхний лист, однако обнаружила, что читает одну и ту же строку уже третий раз. Пришлось отложить бумагу и попросить воды.

Ей не хотелось ни обсуждать состоявшийся разговор, ни слышать чужую похвалу собственной справедливости.

Достаточно было того, что назавтра купеческие дела продолжатся своим порядком.

Первые известия о принятом решении Анна получила от переводчика.

Он пришёл к ней на следующий день и сообщил, что Птицын распорядился сверить переведённые для школы листы. Купцу по двум первым ящикам сообщили о признанном после проверки долге, хотя самой выплаты ещё предстояло дождаться. Третий ящик по-прежнему находился на его складе.

— Значит, не отказали, — сказала Анна.

— Не отказали. Только теперь каждую бумагу хотят видеть.

— Лучше так, чем опять обещать деньги, которых никто не назначал.

Переводчик положил перед ней письмо, присланное из-за границы.

Анна узнала почерк одного из посредников. Он много лет находил нужные издания, сводил купцов с продавцами и передавал сведения о товарах, которых нельзя было быстро достать обычным заказом.

На этот раз письмо было написано поспешно. Посредник жаловался, что московский купец задерживает окончательное решение, и просил Анну повлиять на новую власть, пока иностранный торговый дом не отказался от дальнейшей работы.

Она прочла текст дважды.

— Он пишет, будто заказ третьего ящика был окончательным.

— Да.

— А я помню только просьбу узнать цену.

— У меня сохранилась русская выписка, — сказал переводчик. — В ней написано, что поставщик готов отправить вещи после подтверждения.

— Где немецкое письмо, с которого делали выписку?

— Прислали копию. Вот она.

Анна разложила листы рядом.

Первоначальное обращение действительно касалось цены и возможности доставить дополнительные книги. Но в следующем письме, отправленном иностранному торговому дому ещё в декабре 1702 года, при жизни Петра, посредник уже сообщал, что русский заказчик согласен принять три ящика. Государь тогда ещё не заболел, и посредник, привыкший к тому, что Пётр нередко одобрял уже начатые покупки, рассчитывал получить его согласие позднее.

На основании этих слов поставщик собрал третью партию, а московский купец, доверяя посреднику и прежнему порядку работы при Петре, выкупил её вместе с двумя первыми.

Анна подвинула к себе свечу, хотя день ещё не закончился.

— Здесь он написал, что согласие получено.

— Написал.

— От кого?

Переводчик не ответил.

На листе имелась ссылка на прежнее письмо Петра, но не было нового распоряжения, в котором государь утверждал бы дополнительную покупку. Посредник истолковал старые слова так, словно они позволяли продолжить заказ.

— Он мог думать, что государь всё равно одобрит, — сказал переводчик.

— Мог. Только государю уже нечего одобрять.

Анна говорила тише, чем прежде.

— А иностранный поставщик?

— Получил от московского купца деньги за три ящика. Теперь требует оплатить ещё поиск книг, которые оставил у себя, и подтверждения дальнейшей покупки. Говорит, что действовал по тому же договору.

Анна отложила бумаги.

Получалось, что поставщик считал продолжение заказа согласованным; посредник ссылался на прежнюю волю Петра; московский купец уже вложил деньги в третью партию и теперь требовал их от казны. При этом никто не мог предъявить новое государево распоряжение на спорную покупку.

— Иностранец ещё что-нибудь отправил?

— Нет. Дополнительные книги лежат у него.

— Хорошо. Пусть пока лежат.

— А посредник просит вашего письма. Если вы подтвердите, что он всегда вёл дела с вашего ведома, это поможет ему объясниться.

Анна посмотрела на него.

— С моего ведома он вёл переписку. Но я не разрешала ему обещать казённую оплату за третий ящик.

— Он скажет, что иначе никогда бы не смог собрать книги вовремя.

— Возможно, это правда. Но она не превращает его догадку в государев приказ.

Переводчик убрал немецкую копию обратно в папку.

— Что ему отвечать?

Анна не торопилась.

Этот человек помогал ей много лет. С его участием находили книги, принимали заказы, договаривались о доставке сложных товаров. Он знал иностранных продавцов и умел разговаривать с теми, кто не хотел связываться с далёким московским покупателем.

Если теперь Анна объявит, что он действовал без её согласия, посредник может счесть это предательством.

Если подтвердит его слова, казна получит ещё одно требование, основанное на поручении, которого она не давала.

— Оставьте письма, — сказала она. — Я отвечу сама.

К вечеру Анна нашла первоначальное письмо.

Оно лежало среди старой переписки, перевязанной выцветшей зелёной тесьмой. На обороте кто-то из писцов сделал отметку о получении, а внизу сохранилось несколько слов рукой Петра.

Анна перечитала их.

Он просил узнать, можно ли достать названные книги, и сообщить цену.

Не велел покупать. Не обещал заплатить. Даже не назвал человека, которому следовало передать окончательный ответ.

Анна разложила возле письма позднейшую переписку посредника.

Она помнила, как тот работал при Петре. Когда иностранный продавец требовал ясного распоряжения, посредник нередко отвечал, что русский государь приобретёт нужную вещь, едва увидит её. Обычно оказывался прав. И Анна сама не раз убеждала осторожных купцов, что с Петром можно договориться, если товар действительно стоит денег.

Тогда эта привычка помогала.

Теперь московский купец сидел с третьим ящиком, за который заплатил в долг. Иностранный торговый дом требовал возместить дополнительные расходы. Посредник ждал от Анны письма, которое подтвердило бы его прежние полномочия.

На столе лежала чистая бумага.

Анна взяла перо и начала писать Головину.

Первые строки дались легко: она подтверждала, что через её знакомых велась переписка о книгах и инструментах, перечисляла известные ей даты и называла людей, участвовавших в передаче писем.

На следующем листе пришлось остановиться.

Анна перечитала запись посредника, где предварительное согласование превратилось в состоявшийся заказ, затем вернулась к собственному письму.

Она могла написать, что не помнит подобного распоряжения. Такая формулировка оставляла возможность позднее заявить, будто его всё же передавали устно. Посредник не смог бы упрекнуть её в прямом отказе поддержать его слова.

Но тогда и Головин не получил бы ясного ответа.

Анна зачеркнула незаконченную фразу.

Вместо неё написала, что известные ей письма содержали просьбу выяснить цену и возможность приобретения дополнительных товаров. Поручения утверждать от имени Петра покупку третьего ящика она посреднику не передавала. Если он ссылался на иное распоряжение, следовало потребовать от него самого указать, когда и от кого оно было получено.

К письму Анна приложила копии документов.

Она не просила считать посредника единственным должником. Московский купец мог иметь с ним собственную договорённость; иностранный поставщик — рассчитывать на обе-

щания, которые действительно слышал. Кто и в какой мере отвечал за возникшие расходы, ещё предстояло выяснить.

Анна лишь отказалась удостоверить то, чего не знала.

Закончив, она отложила перо.

В соседней комнате служанка готовила ужин. Пахло горячим хлебом, слышалось, как переставляют посуду и спорят, куда убрать ещё влажные после мытья тарелки.

Анна позвала переводчика, который ожидал её ответа.

Он прочёл письмо и задержался на абзаце о третьем ящике.

— Вы прямо пишете, что не давали согласия.

— Потому что не давала.

— Он обидится.

— Вероятно.

Переводчик снова посмотрел на лист.

— Если он откажется дальше работать с вами, искать некоторые книги станет гораздо труднее.

Анна знала это лучше него.

— Напишите ему отдельно, что я готова представить любые письма, подтверждающие его действительные поручения. И что по прежним выполненным делам не собираюсь отказываться от нашего сотрудничества.

— А если он потребует убрать этот абзац?

Анна протянула руку за письмом.

Переводчик не сразу отдал его.

— Анна Ивановна, я ведь не уговариваю вас лгать. Только подумайте, сколько лет вы с ним работали.

— Я помню.

Она взяла лист и ещё раз просмотрела написанное. Затем протянула обратно.

— Передайте Головину как есть.

Переводчик поклонился и ушёл.

Анна принялась складывать переписку. Письма от посредника всегда лежали вместе: по ним было удобно находить старые заказы и вспоминать, кому отправляли деньги. Теперь одну часть пришлось вынуть для приложений к объяснению.

Тесьмы не хватило, чтобы снова перевязать оставшиеся листы прежним узлом.

Анна поискала другую, не нашла и оставила письма на столе.

Глава 9. Нева

1–7 мая 1703 года. Нева, Ниеншанц, Москва. Даты по старому стилю.

Корнеев узнал о приближении шведских судов прежде, чем увидел их.

Сначала с нижнего течения Невы донёсся пушечный выстрел. Далеко, за островами, и потому глухо, словно ударили по пустой бочке. Затем ответил другой, и люди, работавшие возле лодки, одновременно повернули головы к реке.

Корнеев стоял по колено в воде, придерживая перевёрнутую лодку, пока двое солдат вытаскивали из разошедшегося шва старую паклю. Третий держал деревянное ведро со смолой. После ночного дождя берег размяк, ноги скользили по глине, а между корнями прибрежного кустарника застряли прошлогодние листья, принесённые высокой весенней водой.

— Наши? — спросил один из солдат, когда стихло эхо второго выстрела.

Корнеев выпрямился, стряхнул воду с рукава и прислушался. Со стороны устья больше не стреляли, зато на другом берегу кто-то уже кричал, требуя подать лодку.

— Отсюда не разберёшь. Шов заканчивайте, а ты, Федька, сходи узнай, кто пришёл с нижних караулов.

Солдат побежал вдоль берега, перепрыгивая через сложенные для починки доски.

Корнеев поднялся на невысокий пригорок.

Отсюда открывался изгиб реки. Дальше начинались низкие, поросшие лесом острова, за которыми Нева расходилась на рукава и уходила к морю. Весенняя вода стояла высоко, несла ветки, куски коры и целые деревца, вырванные из размытого берега. На противоположной стороне виднелись люди, устраивавшие временный причал; у самого уреза воды стояли подводы с досками, а несколько солдат пытались вытащить из грязи колесо, увязшее почти до ступицы.

После взятия Ниеншанца вокруг прежних шведских укреплений всё переменилось. Сюда приходили русские обозы, свозили припасы, размещали караулы и искали места, удобные для переправы. Дороги ещё не успели просохнуть, погреба крепости требовали осмотра, а старые шведские записи приходилось сверять с тем, что действительно осталось после сдачи.

Осенью предыдущего года, когда русские войска взяли Нотебург, Корнеев впервые услышал от офицеров, что теперь откроется дорога к морю. Крепость у выхода из Ладоги с 11 октября 1702 года находилась в русских руках. Однако между нею и Финским заливом лежала Нева, а у её устья сохранялись шведские позиции.

Теперь сухопутное препятствие устранили. Ниеншанц пал в первых числах мая, но шведские корабли по-прежнему могли подходить со стороны залива.

Пока у русских не было сил, способных встретить их на открытой воде.

Корнеев спустился к лодке и потребовал проверить шов ещё раз. Солдаты перевернули судно, спустили его на мелководье и положили внутрь несколько камней, чтобы проверить, не проступает ли вода. Результат оказался лучше прежнего, хотя возле кормовой доски всё ещё собирались капли.

— Здесь добавишь пакли, — велел Корнеев плотнику. — И пока не просмолишь, к нижним островам на ней не ходить.

Плотник недовольно провёл пальцем по мокрому дереву, но спорить не стал.

Вернувшийся Федька сообщил, что с дозора пришли люди. Они видели за островами шведские паруса и слышали сигнальные выстрелы.

Корнеев оставил починку старшему солдату и отправился за подробностями.

К вечеру сведения стали определённее.

Со стороны залива появилась неприятельская эскадра. Наблюдатели различили несколько крупных судов, державшихся дальше от берега, где глубина позволяла свободнее

распоряжаться парусами. Два меньших корабля отделились от остальных и приблизились к невскому устью.

Оба стали на якорь.

Корнеев расспросил людей, ходивших к нижним береговым постам, и велел повторить ему всё по порядку. Один утверждал, что передовые суда находились совсем близко от островов; другой говорил, что видел только верхушки мачт и мог ошибиться в расстоянии. О числе пушек никто пока не знал достоверно.

К командованию Корнеев отправился с этими сведениями, не прибавляя к ним собственных догадок.

Борис Петрович Шереметев принял донесение в комнате, из которой ещё недавно управляли шведским гарнизоном Ниеншанца.

Обстановка сохранилась почти целиком. У стены стоял тяжёлый стол, в углу — резной шкаф, на окнах висели влажные от сырости занавеси. Из коридора доносились шаги людей, переносивших захваченные документы. На другом конце комнаты писарь разбирал бумаги с шведскими заголовками и откладывал в сторону те, для которых требовался переводчик.

Меншиков стоял возле стола, рассматривая составленную по прежним сведениям схему устья.

— Два корабля отделились от остальных, — сказал он, когда Корнеев закончил доклад. — Стало быть, захотели узнать, что у нас делается возле крепости.

— А может, посланы принять прежний гарнизонный сигнал, — заметил Шереметев. — О сдаче Ниеншанца на эскадре могли ещё не знать.

Корнеев подтвердил, что наблюдатели слышали сигнальные выстрелы. Ответные сигналы русские уже подавали, пользуясь сведениями, полученными от пленных, но сколько времени подобный обман сохранит силу, никто поручиться не мог.

К вечеру выяснили и состав неприятельского отряда.

Основная шведская эскадра состояла из девяти судов и находилась под начальством Нумерса. Вперёд вышли десятипушечный «Гедан» — небольшое судно, которое в разных ведомостях называли ботом или галиотом, — и восьмипушечная шнява «Астрильд». Они имели меньшую осадку, чем крупные корабли эскадры, и потому могли подойти ближе к речному устью.

— Восемнадцать пушек на двоих, — произнёс Меншиков, рассматривая отметки возле названий. — Против них у нас пока одни вёсла.

Шереметев поднял голову.

— И солдаты. Только не следует считать, будто ружьё на лодке равно пушке на корабле.

Он попросил Корнеева показать место стоянки.

Тот придвинулся к столу, положил ладонь на край схемы и указал нижние острова.

— Корабли стали там, где могут держаться на якорях и иметь выход к морю. Со стороны верхнего течения к ним можно пройти вдоль закрытых берегом проток, но дальше открывается вода. Если поднимется ветер с залива, уровень изменится, особенно в мелких проходах. А течение и без того здесь неровное: на главном рукаве тянет сильнее, за островами встречаются обратные струи.

— Значит, проход, который годился вчера, завтра может стать опаснее?

— Может, Борис Петрович. Поднимется вода — легче миновать некоторые мели, зато у тесных мест потянет сильнее. При восточном ветре вода, наоборот, уходит из мелких проток. Но обычным морским приливом этого не объяснишь: здесь ветер куда больше значит.

Меншиков посмотрел на схему.

— А если шведы снимутся с якорей?

— К морю пойдут тем же ходом, которым пришли. Большому судну там тесно, но этим двум пройти можно, если успеют поставить паруса и выбраться на свободную воду.

Шереметев задумался.

После смерти Петра вся тяжесть походных решений на этом направлении легла на людей, которым прежде приходилось исполнять его распоряжения. Армия сохраняла свои полки, офицеров и установленную службу, но привычный государев надзор уже нельзя было ожидать ни в осадном лагере, ни у речного устья.

Меншиков находился при действующей армии и выполнял поручения, связанные с гвардейскими частями, снабжением и устройством войск на занятой территории. Он был предприимчив, быстро находил людей и охотно брался за дело, от которого другие предпочитали отказаться. Шереметев ценил эти качества, но хорошо знал, что поспешность Александра Даниловича порой заставляет остальных расплачиваться за его уверенность.

— Предлагаешь нападать? — спросил он.

— Пока эти двое стоят отдельно от остальных. Если дать им время, они разведают наше положение и вернутся к Нумерсу. А потом придут уже с ясным известием о крепости.

— Чем возьмёшь?

— Лодками. Гвардейцев посадим, ночью подойдём, а у самого борта пушки их будут уже не так страшны.

Шереметев не спешил соглашаться.

— Пока до борта дойдёшь, они могут половину людей перестрелять. И лодок у нас исправных немного.

— Значит, выбирать придётся тщательно.

Меншиков повернулся к Корнееву.

— Сколько на воде держится?

— Двенадцать готовы без большой починки. Другие смолят, уключины меняют. Есть ещё рыбацкие, но их нужно осматривать. Если станем брать всякую только ради числа, первые же потеряем по дороге.

— До тридцати наберём?

— Если выберем годные. И гребцов под них найдём.

Шереметев попросил назвать людей, знавших нижние рукава, и выяснить, сколько гвардейцев можно посадить без опасного ослабления караулов.

— Готовьте лодки, — распорядился он после обсуждения. — Разведку не прекращать. Решение об ударе примем, когда будет ясно, как выйти к неприятелю и перекрыть ему дорогу к своим.

Меншиков поклонился.

За дверью уже ожидали офицеры, которым он поручил осмотреть береговые суда.

До темноты Корнеев вместе с плотниками перебрал почти все лодки, которые удалось собрать.

Они отличались одна от другой настолько, что поручать каждой одинаковую работу было бы бессмысленно. Длинные рыбацкие суда хорошо шли на вёслах, но легко принимали воду, когда солдаты начинали двигаться в полный рост. Широкие грузовые лодки были устойчивее, зато требовали большего числа гребцов и поворачивались медленнее. Несколько лёгких судёнышек годились для скрытного прохода, но из-за низких бортов не могли принять много людей с оружием.

Меншиков шёл рядом, осматривая выбранные лодки.

— Эту не бери, — сказал Корнеев, указывая на судно с высоким носом. — На боковом ветру разворачивает, пока люди справятся.

— А эту?

— Устойчивее. Только тяжёлая.

— Нам не гонку выигрывать.

— Если посадить в неё слишком много солдат, и до боя не доберёмся.

Меншиков присел на край борта и проверил прочность досок.

— Ты мне хоть одну хорошую покажешь?

— Покажу, когда хорошую увижу.

Александр Данилович рассмеялся. Ему нравились люди, которые не соглашались из одной почтительности, но времени на бесконечный отбор не было, и он велел отделить лучшие суда для самого близкого подхода, а остальные распределить так, чтобы они могли прикрывать товарищей и не мешали друг другу.

Солдаты грели смолу, подносили доски, сколачивали запасные уключины. Кому-то пришлось укорачивать весло, иначе оно задевало соседнее в тесной лодке. Несколько швов конопатили повторно, а на двух судах заменили повреждённые доски.

Один из плотников, закончив с днищем, велел людям спустить лодку на воду. В неё посадили гребцов и двух солдат с оружием, после чего заставили пройти вдоль берега и повернуть против течения.

Лодка выдержала испытание.

С другой пришлось начинать заново: при повороте она так сильно накренилась, что солдат едва не выронил ружьё.

В окончательный отряд отобрали около тридцати лодок.

Его основу составили гвардейцы Преображенского и Семёновского полков. Среди них находились люди, способные уверенно стрелять из мушкетов, действовать холодным оружием и применять ручные гранаты. Однако далеко не каждый умел грести, особенно на весенней реке, и потому на передние суда назначили опытных лодочников, в том числе людей, знавших местные протоки.

Корнеев распределял гребцов с большей тщательностью, чем солдат для абордажа.

Один высокий преображенец возмутился, что его не поставили к веслу.

— Я в строю первым хожу, а здесь меня усадили, будто на перевозе.

Корнеев велел ему сесть к уключине и сделать несколько гребков возле берега. Солдат с первого движения едва не ударил соседа рукоятью в лицо, а на третьем так резко потянул весло, что лодку повело боком.

— Вот и сиди с ружьём, — сказал Корнеев, помогая гребцам выправить судно. — У неприятеля ещё будет время узнать, какой ты храбрый. А мне до неприятеля сначала людей довезти надо.

Товарищи засмеялись, и преображенец, сердито сплюнув в воду, больше не спорил.

Вечером Меншиков собрал офицеров, назначенных к двум ротам. У каждого требовалось выяснить, сколько человек действительно готовы к делу, сколько мушкетов исправны и где находится запас гранат. Порох и затравку велели беречь от сырости; тяжёлые ящики и лишнее имущество оставляли на берегу.

Лодки получили разные задачи.

Часть предназначалась для непосредственного подхода к неприятельским бортам, другие должны были удерживать проход к морю, прикрывать фланги, подхватывать людей с повреждённых судов и, если понадобится, доставлять подкрепление. Меншиков не собирался гнать все тридцать к двум небольшим кораблям: они помешали бы друг другу, и шведским артиллеристам досталась бы скученная цель.

Наиболее сильные абордажные команды сосредоточили в восьми лодках. Их распределили между двумя направлениями нападения, оставляя возможность по обстановке подтянуть ближайшие резервные суда.

Корнеев проверил, чтобы гребцы знали не только место выхода, но и порядок отхода. Если лодку разобьют, соседнее судно должно было подобрать людей, когда сможет сделать это, не подставив под удар остальные. Если неприятель увидит русский отряд слишком рано, старший группы получал право вернуться под прикрытие островов.

Никто не обещал, что выполнить всё это удастся в темноте.

Но теперь хотя бы можно было назвать, чего именно ждут от каждого человека.

Решающее совещание состоялось перед ночью с шестого на седьмое мая.

Шереметеву принесли свежие известия о шведских судах. Оба по-прежнему стояли на якорях, отдельные сигнальные выстрелы продолжались, а основная эскадра Нумерса оставалась мористее, за пределами непосредственного нападения на лодках.

Не все сведения совпадали. Один дозорный утверждал, что со шведского корабля спускали малую шлюпку; другой видел лишь движение возле кормы. Зато наблюдатели сходились в главном: крупные суда не вошли вслед за передовыми, а «Гедан» и «Астрильд» сохраняли положение, в котором их можно было попытаться охватить.

На столе лежала схема невского устья. Шереметев поставил возле двух отмеченных шведских судов небольшие деревянные кусочки, а Меншиков разложил рядом свернутые полоски бумаги, обозначавшие лодочные группы.

— Показывай, — велел Борис Петрович.

Меншиков указал на закрытые островами участки нижней Невы.

— Из-под крепости пойдём вниз в темноте, под берегами, которые прикрывают от морских кораблей. Потом разделимся. Один отряд уйдёт дальше к нижнему проходу, чтобы оказаться у шведов со стороны моря. Второй останется выше, под прикрытием острова. Когда неприятель заметит движение и захочет уходить, путь у него должен быть закрыт с обеих сторон.

Шереметев придвинул к себе схему.

— К морю первыми пошлёшь людей, которым труднее всего будет вернуться, если шведы начнут стрелять.

— Потому поведу их сам, — ответил Меншиков. — Мне надобно знать, успели ли занять нижний выход.

Корнеев, стоявший возле двери, поднял глаза от приготовленной им записи.

— Только идти к нижнему выходу придётся не по главному плёсу. Если там покажемся с целой вереницей лодок, шведы успеют нас заметить ещё до разворота.

— Как поведёшь?

Корнеев подошёл к столу и указал протоку за длинным островом.

— Здесь вода закрыта деревьями. При высокой воде пройдём, но в узком месте вёсла придётся убрать ближе к борту. Потом выйдем ниже шведской стоянки и повернём обратно. Главное — не дать течению вынести нас слишком далеко на открытую воду.

Шереметев обратился ко второму гвардейскому офицеру.

Тот был поручиком Семёновского полка, человеком опытным в сухопутной службе, но не притворялся знатоком местного судоходства. Для этого варианта операции его назначили начальником верхней группы и придали ему нескольких лодочников, знавших боковые протоки.

Офицер показал, где станет ждать сигнала.

— Мои люди удержатся за островом, пока нижняя группа проходит. Если шведы откроют огонь прежде назначенного времени, будем действовать по обстоятельствам. Однако прежде, чем выйти, хотелось бы знать, сколько между нами останется воды.

Корнеев объяснил расстояние по последним наблюдениям. Оно не было столь большим, чтобы невозможным оказался быстрый рывок, но течение и темнота могли внести поправки. Приходилось рассчитывать, что обе группы окажутся на исходных местах почти одновременно, хотя видеть друг друга будут лишь на последнем участке.

— А если шведы заметят нижний отряд и станут уходить к эскадре? — спросил Шереметев.

Меншиков придвинул одну из бумажных полосок к выходу.

— Тогда нижние лодки принимают их на себя. Верхние ударят вслед, и у неприятеля не останется спокойного пути, чтобы поднять паруса и выйти из рукава. Но если они откроют стрельбу на дальнем расстоянии, отрядам придётся отойти: подставлять все лодки под пушки до сближения я не намерен.

Шереметев выслушал ответы, затем потребовал отдельно объяснить, где будут находиться резервные лодки.

Меншиков показал две группы: одни должны были оставаться у нижнего выхода, чтобы при необходимости подбирать людей и не пропускать шведские шлюпки с известиями; другие — за верхним островом, где могли поддержать абордаж, если первому броску не удастся закрепиться на палубе.

— Сколько непосредственно полезут на корабли? — спросил Борис Петрович.

— Восемь лодок назначены первыми. Остальные не стану загонять в тесноту без причины. Если понадобится, подойдут следом.

Шереметев некоторое время смотрел на схему.

Обойти два вооружённых корабля на маленьких лодках означало рисковать людьми ещё до первого выстрела. Он знал, что неприятель может повернуть суда на якорных канатах, использовать отдельные пушки, открыть мушкетный огонь с палуб и разбить несколько лодок прежде, чем те достигнут борта.

Но знал и другое: как только шведы убедятся, что Ниеншанц занят русскими, нынешней неожиданности больше не будет.

— Нападать, — сказал он наконец.

Меншиков выпрямился.

— Общее решение принято, — продолжил Шереметев, обращаясь ко всем присутствующим. — Лодочным отрядом начальствует Александр Данилович. Верхняя группа действует по установленному с ним уговору, при сближении с неприятелем самостоятельного приказа не ожидает. Ни одного корабля зря не жечь, коли удастся взять. Пленные нам нужны для расспросов, а раненых людей бросать запрещаю.

Он посмотрел на Меншикова.

— И не говори мне прежде времени, что оба корабля уже наши.

— Не скажу, Борис Петрович.

— Скажи лучше, что все знают, куда идти.

— Знают.

Когда совещание закончилось, Корнеев задержался на крыльце.

Меншиков вышел следом и остановился возле него.

— Ты не ошибся с нижним проходом?

— Не ошибся. Только вода сегодня не такая, какой была утром.

— Об этом ты мне второй день рассказываешь.

— Потому что второй день спрашиваете.

Меншиков посмотрел на него и усмехнулся.

— Тогда веди так, чтобы третий раз спрашивать не пришлось.

Дождь начался после заката.

Сначала редкий, почти незаметный, затем холодный и настойчивый. Он прибивал дым к земле, стекал с ветвей и наполнял водой следы на дороге. Над рекой легла плотная темнота, в которой дальние острова исчезали прежде, чем к ним успевали приблизиться.

Корнеев проверял переднюю лодку при свете прикрытого фонаря.

В ней должны были сидеть опытные гребцы и гвардейцы, которым поручили участвовать в первом абордаже. Вместе с ружьями брали тесаки, багры и несколько ручных гранат. Порох берегли в плотно закрытых сумках; лишнее оружие и тяжёлые припасы оставляли на берегу, потому что от перегрузки низкая лодка могла принять воду ещё до боя.

Один из гребцов привязывал к уключине полоску ткани.

— Чтоб не скрипело, — объяснил он, когда Корнеев проверил крепление.

— Следи только, чтобы весло свободно ходило. Нам ещё грести.

Рядом молодой преображенец пытался спрятать мушкет под кафтан. Дождь всё равно попадал на замок, и солдат с досадой протирал его сухой частью рукава.

Корнеев велел проверить крышку полки и беречь затравку. При таком дожде стрелять будет трудно даже человеку, привыкшему к оружию, а шведы смогут встретить лодки мушкетами с более высокой палубы.

Меншиков проходил вдоль берега, останавливаясь возле каждой лодки.

В одной потребовал переменить рассадку: четверо тяжёлых солдат оказались по одному борту, из-за чего судно сразу накренилось. В другой обнаружил лишний ящик с порохом и велел оставить его. Возле третьей выслушал жалобу гребца, который поменялся местом с товарищем, потому что привык работать левой рукой.

— А с кем ты вчера грёб? — спросил Меншиков.

— С Фомой, ваше благородие.

— Вот рядом с Фомой и сиди. Сегодня не время учиться новой паре вёсел.

Когда он подошёл к Корнееву, лодки уже стояли у самой воды.

— До прохода ты впереди. За ним поведёшь нас ниже шведской стоянки, после чего станешь при передних лодках. За второй группой, если услышишь стрельбу, не гоняться: их начальник знает свой уговор.

Корнеев подтвердил, что понял.

Он собирался спросить о порядке сообщения, если нижняя группа не сможет вовремя выйти к устью, но Меншиков сам показал на стоявшего неподалёку гребца.

— У него условлено возвращаться к верхнему острову с известием, коли проход окажется закрыт. Однако до самого моря его не посылать: хватит и того, что там шведы.

Корнеев одобрительно кивнул.

Перед полуночью передали приказ садиться.

Лодки отходили по одной, чтобы не столкнуться в тесном месте. Гребцы отталкивались длинными шестами от илистого берега, выводили суда на течение и только потом брались за вёсла.

Корнеев сидел ближе к корме.

Когда берег остался позади, он оглянулся. Огни лагеря уже скрылись за деревьями, а в темноте виднелись лишь мокрые силуэты соседних лодок и слабые блики на воде.

Один из солдат перекрестился.

Другой попытался сделать то же самое, но лодку качнуло, и он задел товарища локтем.

— Сиди смирно, — прошептал гребец. — Господь и так услышит.

Никто не засмеялся.

Впереди шумела река.

Первый узкий проход Корнеев узнал по низким ветвям, нависавшим над водой.

Вёсла пришлось подбирать почти к самому борту. Несколько лодок проходили на шестах, осторожно отталкиваясь от мягкого дна и отводя нос от корней деревьев.

Вода шла быстрее, чем днём. Накануне ветер с залива нагнал её в мелкие места, а теперь порывы переменились и поверхность начала опускаться. Там, где ещё утром можно было свободно пройти, гребцы чувствовали шестами близкое дно; возле главного рукава течение, напротив, цепко тянуло лодки наружу.

Корнеев велел придержать правые вёсла.

Передняя лодка медленно повернула, уходя под прикрытие острова. Позади последовали остальные; в темноте доносились осторожные всплески и едва слышные команды, которые передавали от судна к судну.

У одной лодки весло зацепилось за корень.

Гребец потянул его слишком резко, и судно ударилось о соседнюю корму. Несколько человек невольно вскочили, от чего оба борта опасно накренились.

— Сесть! — прошипел Корнеев, удерживая свою лодку поперёк прохода. — Весло из уключины вынь, не ломай!

Когда застрявшее дерево освободили, пришлось ещё немного подождать, пока задние лодки займут прежний порядок. Меншиков, приблизившись к Корнееву, спросил, долго ли они намерены стоять.

— Если подгонять, здесь все тридцать сцепятся, — ответил тот. — Дальше шире будет.

— Тогда веди. Время идёт.

Корнеев прекрасно это понимал, но предпочёл потерять несколько минут, чем услышать треск пробитого днища.

После выхода из теснины передний отряд ускорил греблю.

Дождь всё ещё лил, и за деревьями постепенно угадывалось более широкое пространство. Ночная вода отличалась от береговой: на ней появилась короткая, неприятная волна, которая ударяла в нос лодки и бросала брызги в лица солдат.

Корнеев увидел вдали тёмные мачты.

Сперва принял их за деревья, но затем различил неподвижные снасти и часть паруса, тускло выступавшую из дождевой мглы.

Они подошли к неприятельской стоянке.

Меншиков подал условленный знак.

Часть русских лодок осталась выше, за прикрытием острова, а передовые суда нижней группы, воспользовавшись тёмной полосой берега, продолжили движение в сторону выхода к заливу.

Корнеев находился среди них.

До этого момента он мог видеть только соседние лодки. Теперь впереди открылась вода, которую уже нельзя было считать безопасной: за островами находились шведские суда, а дальше — основная эскадра Нумерса.

С открытого места было слышно, как ветер бьёт по снастям.

Лодки шли без огней.

Затем один из гребцов показал на темнеющий справа корпус. Над ним виднелась мачта, а ниже проступала длинная линия борта.

Корнеев узнал положение «Гедана» по сведениям наблюдателей.

Нижняя группа успела выйти мористее его стоянки.

Теперь шведский бот находился между русскими лодками, скрывавшимися ниже по течению, и верхним отрядом, ожидавшим за островом.

Корнеев передал знак Меншикову.

Тот велел передним судам остановиться за последним прикрытием, чтобы дать остальным подтянуться. Затем коротко переговорил со старшими лодок.

Прежний план предусматривал охват обоих судов с двух направлений. Верхняя группа должна была ударить из реки, заставив шведов встретить нападение носовыми и бортовыми пушками. Нижняя — приблизиться со стороны выхода к морю, где противнику пришлось бы либо принимать бой на якорях, либо пытаться уходить прямо навстречу русским лодкам.

Шведы ещё не заметили, что вода вокруг них занята.

По крайней мере, пока на палубах не поднимали тревоги.

Корнеев смотрел на тёмный борт «Гедана» и пытался определить расстояние. В обычный день он назвал бы его без труда, но ночью, под дождём, вода обманывала взгляд. Судно казалось то совсем близким, то снова уходило в темноту.

Вскоре со стороны верхнего течения донёсся приглушённый звук.

Несколько человек одновременно повернули головы.

Там, за островом, тоже начинали движение.

Меншиков поднял руку.

Нижние лодки пошли вперёд.

Первый шведский окрик раздался, когда между лодками и «Геданом» оставалось уже немного воды.

С палубы требовали ответа.

Никто не заговорил.

Корнеев слышал плеск собственных вёсел, сиплое дыхание гребца впереди и стук дождевых капель по мушкетному стволу, который солдат прижимал к груди. На корабле закричали снова, теперь громче. Почти одновременно где-то выше по реке донёсся другой окрик, а за ним грохнул выстрел.

Неприятель обнаружил лодки с двух сторон.

На «Гедане» заметались огни. Корнеев видел, как возле борта появились люди, кто-то побежал к корме, а другой, держась за снасть, начал подниматься на надстройку, чтобы лучше рассмотреть воду.

Меншиков приказал грести быстрее.

Верхняя группа уже приближалась из речного рукава. Её появление заставило шведов разделить внимание: часть пушек смотрела в сторону верхнего течения, тогда как лодки Меншикова шли с нижнего направления, постепенно заходя под кормовые сектора.

Первый пушечный выстрел ударил с «Гедана» по лодкам, которые оставались выше.

Над водой пронеслось ядро и с сильным всплеском вошло в реку. Со стороны острова донеслись крики, но Корнеев не видел, попало ли оно в кого-нибудь.

Второе орудие выстрелило уже по нижнему отряду.

В темноте блеснула вспышка, а следом над лодками прошёл тяжёлый грохот. Корнеев почувствовал, как люди невольно пригнулись. В нескольких саженях впереди вода поднялась столбом, брызги ударили по лицу, и гребец рядом с ним едва не выпустил весло.

Шведский бот начал изменять положение на якорном канате.

Под действием ветра и течения его корпус и без того слегка разворачивался, но теперь с палубы пытались использовать снасти и рулевое управление, чтобы получить более удобное направление для стрельбы. Дело шло медленно: якорь удерживал нос, паруса ещё не были поставлены, а русские подходили с разных сторон.

Корнеев увидел, что один из пушечных портов оказался обращён к ним.

— Под корму! — передал он ближайшему гребцу. — Держись правее!

Лодку повели ближе к оконечности корабля, стараясь не оказаться прямо перед орудием. Соседние суда меняли направление так же, но не все успели.

Раздался новый выстрел.

На этот раз шведы применили картечь.

Корнеев услышал, как по воде и по деревянным бортам застучали железные куски. Сидевший впереди гребец откинулся назад, словно кто-то резко дёрнул его за плечо. Весло выскользнуло из уключины, ударило по борту и осталось болтаться в воде.

Человек попытался выпрямиться, но не смог.

Товарищ удержал его за ворот, не позволив упасть за борт.

Лодку немедленно повело боком.

— Подхвати весло! — велел Корнеев солдату, сидевшему рядом с раненым. — И не вставай во весь рост!

Тот пересел ниже, упираясь коленом в лавку, и после нескольких неловких гребков сумел подхватить работу. Второй гребец придержал противоположное весло, пока судно не выровнялось.

Корнеев наклонился к раненому.

Тот лежал между лавками, прижимая ладонь к боку. Кровь быстро темнела на мокрой одежде, смешиваясь с водой, собиравшейся у днища.

— Держи ткань здесь, — велел Корнеев ближайшему солдату, показывая место ранения. — Крепче прижми. Перевяжем, как доберёмся.

Раненый попытался заговорить, но только стиснул зубы.

От верхнего направления донеслась частая мушкетная стрельба.

Корнеев не мог рассмотреть, что там происходит. Сквозь дождевую пелену иногда выступали вспышки, а за ними слышались крики людей, но различить свои лодки было уже невозможно.

Приказ Меншикова оставался прежним: идти к своему борту.

Впереди «Гедан» вырос в темноте тяжёлой деревянной стеной.

Издали десятипушечный бот не казался большим кораблём, но рядом с низко сидящей лодкой его борт поднимался достаточно высоко, чтобы абордаж превратился в трудную работу. Над головой нависали выступы корпуса, вдоль которых стекала вода, а выше слышались торопливые шаги шведских моряков.

С палубы стреляли из мушкетов.

Один русский солдат поднял ружьё и выстрелил вверх; другой попытался последовать за ним, но отсыревшая затравка дала осечку. Он бросил мушкет на дно лодки и вытащил тесак.

— Багор! — крикнул Корнеев, когда до борта осталось совсем немного.

Первый солдат поднял его слишком рано. Железный конец скользнул по мокрой обшивке, не найдя опоры. Второй сумел зацепиться за выступ, но течение тотчас потянуло лодку вниз, и длинную рукоять едва не вырвало из рук.

Двое гребцов придержали ход, работая вёслами против струи, пока солдаты подтягивали судно к борту.

Рядом уже цеплялась другая лодка.

Откуда-то сверху упал тяжёлый предмет, ударился о край борта и ушёл в воду. Корнеев не успел понять, был ли это камень или деревянный обломок. Почти сразу выстрелили сверху, и солдат, державший багор, рухнул на товарища.

Лодка накренилась.

Корнеев схватил человека за пояс, не давая ему перевалиться через борт, а затем приказал гребцам удерживать судно как можно ближе к корпусу.

Теперь важнее всего было не позволить течению сорвать лодку с места, пока гвардейцы поднимаются наверх.

Соседняя лодка уже держалась за «Гедан» двумя баграми. Один преображенец ухватился за свисающую снасть, упёрся ногой в выступ борта и попытался подтянуться. Швед сверху ударил по его руке, заставив сорваться обратно, но следующий солдат, прикрытый товарищеским выстрелом, сумел ухватиться выше.

На палубе раздался крик.

С нижней стороны приближались ещё две русские лодки.

Меншиков находился среди первых, кому удалось взобраться на борт. Корнеев увидел его лишь на мгновение: тёмный мокрый кафтан, обнажённое оружие, резкое движение рукой к солдатам, которые ещё цеплялись за снасти.

— За мной! — донеслось сверху.

Корнеев дождался, пока гребцы закрепят лодку за надёжную снасть, и полез следом.

Когда его пальцы ухватились за край борта, кто-то ударил сверху по руке. Он едва не сорвался, но соседний солдат подставил плечо, и Корнеев сумел подтянуться достаточно высоко, чтобы перебросить ногу через край.

На мокрой палубе он оказался почти под ногами дерущихся.

Швед с коротким клинком бросился на него, едва он успел встать. Корнеев оттолкнул противника плечом, выхватил тесак и ударил снизу, чувствуя, как сапоги скользят по дереву.

Здесь нельзя было построить солдат так, как на суше. За спиной находился борт и чёрная вода под ним, впереди теснились защитники корабля. Русские один за другим перелезали с лодок, мешая товарищам развернуться, а шведы старались не дать им освободить достаточно палубы для дальнейшего наступления.

Возле грот-мачты разорвалась ручная граната.

Короткая задержка между броском и взрывом показалась Корнееву мучительно долгой. Затем вспыхнул огонь, ударил глухой хлопок, и доски осыпало мелкими обломками. Дым смешался с дождём; несколько шведов отступили, прикрывая лица, но один остался стоять возле мачты и продолжал стрелять из пистолета.

Гренадеры не бросали гранаты без разбора: в тесноте можно было ранить своих, а деревянный корабль, который приказано взять целым, загорелся бы от неосторожного обращения с огнём.

Меншиков, уже пробившийся к середине палубы, потребовал оттеснить шведов от борта, чтобы облегчить подъём остальным.

Корнеев с несколькими солдатами двинулся вдоль фальшборта.

Возле одной из пушек находился шведский артиллерийский расчёт. Орудие стояло на тяжёлом деревянном станке у порта; теперь пушкари пытались откатить его после выстрела, привести в порядок принадлежности и снова зарядить, но русские уже оказались на палубе. Развернуть такую пушку поперёк корабля, как маленькое ружьё, было невозможно. Для нового направления стрельбы потребовалось бы перемещать тяжёлый станок, а свободного места и времени у расчёта не оставалось.

Один швед схватился за банник, намереваясь ударить им ближайшего преображенца. Другой потянулся к пистолету.

Корнеев бросился вперёд вместе с двумя солдатами.

Приклад мушкета ударил шведа по плечу, банник выскользнул у того из рук, и люди сошлись вплотную возле станка, где ни одна сторона уже не могла пользоваться длинным оружием как следует.

Через несколько мгновений расчёт оттеснили.

На палубе становилось тесно от раненых и убитых.

Корнеев видел человека с рассечённым лицом, пытавшегося подняться возле мачты, и другого, неподвижно лежавшего у борта. Из-за дождя доски оставались скользкими; кровь смешивалась с водой, и люди несколько раз падали, пытаясь быстро переменить направление.

С противоположного борта поднялись ещё русские.

Их появление заставило защитников отступать к корме, но сопротивление не прекратилось. Шведы хорошо знали собственный корабль, могли укрываться за надстройками и спускаться в нижние помещения, откуда продолжали стрелять.

Меншиков направил часть людей к люкам, приказав не спускаться туда по одному. Остальным велел удерживать палубу и не позволять неприятелю вновь занять пушки.

Корнеев услышал крик человека, которого поначалу принял за русского солдата.

Тот стоял возле кормы и что-то повторял по-шведски, подняв одну руку. В другой оставалась шпага.

Ближайшие преображенцы не поняли его намерения.

Кто-то закричал, чтобы он бросил оружие. Из нижнего люка почти одновременно выскочил ещё один швед и выстрелил, отчего русские снова бросились вперёд.

Несколько защитников попытались сложить оружие, но остальные продолжали сопротивление.

Сдача не произошла одним общим приказом.

Возле кормы ещё дрались, когда первые уцелевшие начали просить пощады; в носовой части раздавались выстрелы уже после того, как часть шведов бросила оружие. Шум, дым и теснота мешали понять, кто сдался, а кто только пытается выиграть время для нового удара.

Корнеев увидел, как один из русских солдат замахнулся на безоружного шведа, стоявшего возле мачты.

— Стой! — крикнул он, перехватывая его за рукав. — Этот оружие бросил!

Солдат вырвался, но ударить не успел: рядом появился офицер, требовавший немедленно очистить проход к корме.

Швед опустился на колени.

Корнеев передал его двум гвардейцам, которым поручили собрать уцелевших пленных.

На «Гедане» ещё продолжалась короткая схватка у нижнего люка. Затем оттуда донёсся приказ Меншикова и голоса людей, поднимавших оружие наверх.

Когда сопротивление наконец прекратилось, Корнеев обнаружил, что всё это время сжимал тесак настолько сильно, что пальцы почти не разгибались.

Он опёрся о мокрый борт.

Внизу плавала перевёрнутая русская лодка. Двое людей держались за её киль; третий пытался ухватиться за обломок весла, который течение уже выносило прочь.

— Верёвку сюда! Люди в воде!

Солдаты, способные помочь, бросились к борту.

Со стороны «Астрильд» ещё доносились выстрелы.

Корнеев не видел, как начался бой за второе судно.

Ещё на подходе обе русские группы разошлись так, чтобы охватить неприятельскую стоянку с разных направлений. Часть верхних лодок действовала возле «Астрильд», а резервные суда поддерживали подход, стараясь не позволить шведской шняве свободно уйти к морю. Но Корнеев находился у «Гедана», и между ним и вторым кораблём тянулись дождь, снасти и полосы тёмной воды.

Он мог судить о происходящем лишь по выстрелам.

Некоторое время на «Астрильд» стреляли часто, затем наступила короткая тишина, после которой снова послышались мушкетные залпы.

Меншиков, оставив на «Гедане» назначенный караул, велел проверить орудия, собрать оружие пленных и осмотреть нижние помещения. Никто не должен был считать корабль безопасным, пока не убедятся, что там не осталось вооружённых защитников.

Затем он подошёл к борту, откуда было слышно вторую схватку.

— Надобно узнать, как они там, — сказал он офицеру. — А то окажется, что первый взяли, а второй у нас людей топит.

Для связи отправили одну из исправных лодок, не снимая людей, занятых охраной «Гедана».

Корнеев хотел было идти с ней, но Меншиков остановил его.

— У тебя раненые и лодка повреждена. Своих прежде собери.

Он показал на лежавшего у мачты гребца.

Того уже подняли на палубу. Товарищ пытался затянуть повязку, но кровь продолжала проступать через мокрую ткань.

Корнеев опустился рядом.

— Жив?

— Пока жив, — ответил раненый, с трудом выговаривая слова. — Только весло больше не удержу.

— И не надо. Лежи спокойно.

Корнеев помог перевязать рану плотнее. Человек застонал, попытался оттолкнуть его руку, но потом сам велел крепче затянуть ткань.

— А лодка наша?

— Держится.

— Весло моё кто взял?

— Другой сел.

Раненый закрыл глаза.

— Значит, дошли.

Корнеев не нашёлся с ответом.

Он поднялся и подошёл к борту, где уже вытаскивали из воды ещё одного русского солдата. Человек держался за верёвку, но почти не помогал руками; пришлось вдвоём подхватить его и перевалить через край.

На палубе его положили рядом с другими ранеными.

Лекарского помощника ещё не было, поэтому люди пользовались тем, что умели делать сами: останавливали кровь, старались не двигать переломанные конечности и укрывали продрогших сухими кусками ткани, если такие находились.

Возле кормы собирали шведских пленных.

Их оказалось немного по сравнению с тем количеством людей, которое должно было находиться на обоих судах. Часть экипажа погибла на палубе, часть — при попытке сопротивляться в нижних помещениях, некоторые упали или прыгнули в воду. Корнеев слышал, как русские офицеры требовали ещё раз проверить трюм: сведения о числе живых не сходились, и никто не мог сказать, все ли раненые обнаружены.

Со стороны «Астрильд» вновь раздалось несколько выстрелов, затем шум стал слабее.

На воде появились лодки, возвращавшиеся от второго судна.

Одна шла неровно, заметно отставая от остальных. В другой люди держали длинное весло поперёк борта, заменяя им повреждённую уключину.

Ближайшая подошла к «Гедану».

— Что там? — спросил Корнеев.

Мокрый семёновец поднял голову.

— Взяли шняву!

Он попытался встать, чтобы передать известие Меншикову, но едва удержался на ногах. Левый рукав был разорван, а кисть обмотана окровавленной тканью.

Корнеев помог ему подняться на палубу.

Меншиков выслушал краткий доклад.

Верхняя группа сумела подойти к «Астрильд», когда шведы уже отвлеклись на лодки, перекрывавшие выход к морю. Неприятель встретил нападение мушкетным и пушечным огнём, повредил несколько русских судов и заставил первые лодки долго удерживаться у борта, прежде чем солдаты сумели подняться наверх.

Часть резервных лодок подошла позже и поддержала нападение. После этого русские закрепились на палубе, но шведы сопротивлялись ещё некоторое время, пользуясь теснотой и снастями.

Старший верхней группы получил ранение, однако продолжал распоряжаться людьми, пока сопротивление не было сломлено.

— Командир их жив? — спросил Меншиков.

Посланный объяснил, что шведский офицер ранен, а судьбу остальных ещё выясняют.

— Сколько пленных?

Семёновец назвал лишь предварительное число.

Меншиков не стал заставлять его гадать.

— Передай, чтобы корабль осмотрели, караул поставили и оружие собрали. Людей из воды доставать, пока возможно, а о потерях потом доложите отдельно. И пусть без нужды не снимаются с якоря: снасти сперва надобно проверить.

Когда посланный ушёл, Меншиков повернулся к Корнееву.

— Ну что, обеих птиц достали.

Корнеев посмотрел на людей, лежавших возле мачты.

— Достали, Александр Данилович. Только теперь бы своих пересчитать.

Меншиков ничего не ответил на это замечание, но сразу потребовал от офицера представить перечень лодок, вернувшихся к «Гедану» и оставшихся на воде.

Бой закончился.

Работы после него только начинались.

К тому времени, когда над Невой окончательно рассвело, стрельба давно стихла.

Дождь продолжал идти, но теперь вокруг захваченных судов можно было различать людей, лодки и обломки. От берега подходили новые суда с караулами и необходимыми принадлежностями. Одни искали раненых в воде, другие доставляли тех, кого уже удалось подобрать, третьи проверяли, какие лодки способны вернуться на берег самостоятельно.

Ни «Гедан», ни «Астрильд» не собирались немедленно вести вверх по Неве.

У обоих следовало осмотреть якорные канаты, такелаж, паруса и руль. Повреждённые снасти могли помешать управлению, а большая часть находившихся поблизости русских солдат не имела опыта работы с подобными судами. Для перемещения требовались люди, способные провести корабли через мелководные участки, и прежде всего следовало убедиться, что они не получат новых пробоин.

Корнеев искал своих гребцов.

Троих нашёл возле «Гедана». Один сидел, прислонившись к мачте, с перевязанной рукой, второй помогал переносить раненых, а третий лежал под куском парусины.

Корнеев приподнял край ткани.

Он узнал молодого преображенца, который ещё ночью жаловался на дождь и пытался прятать мушкет под кафтаном. Теперь лицо его было неподвижным, а на мокрой одежде темнело большое пятно.

— Когда? — спросил Корнеев у товарища, стоявшего рядом.

— На подходе. С корабля ударили. Он ещё в лодке был живой, а пока подняли — всё.

Корнеев опустил ткань.

Неподалёку кто-то громко спорил о количестве захваченных пушек. Другой солдат требовал не трогать найденные вещи до описи. Раненый просил воды.

Корнеев принёс ему кружку, а затем отправился проверить, сколько людей ещё отсутствует.

Сведения из двух групп расходились.

Один офицер записал нескольких солдат погибшими, потому что видел, как их лодка получила прямой удар и перевернулась. Другой напомнил, что часть людей добралась до соседнего судна вплавь и теперь находится там. Пока не составят общую ведомость, объявлять всех пропавших мёртвыми было рано.

Однако уже предварительный осмотр показывал, какой ценой досталась победа.

На шведских палубах лежало много убитых. Некоторые тела успели перенести в сторону, но большая часть ещё оставалась там, где закончилась схватка. Уцелевшие защитники не составляли большого строя пленных, спокойно сложивших оружие после общего сигнала. Их приходилось собирать по разным частям судов, отделять раненых от невредимых и расспрашивать, где могли остаться другие люди.

Один молодой швед с мокрыми светлыми волосами остановился возле лежавшего товарища. Он попытался что-то спросить у русского караульного, но тот не понял слов и велел идти дальше.

Корнеев позвал солдата, немного знавшего шведский язык.

Выяснилось, что пленный спрашивал, можно ли узнать, жив ли его товарищ.

Человек на палубе уже не дышал.

Молодой швед посмотрел на него ещё раз и молча пошёл туда, куда велели караульные.

Из нижнего помещения донёсся стон.

Там обнаружили ещё одного неприятельского матроса, раненного во время боя. Он лежал возле лестницы, прижимая руки к боку, а другой пленный настойчиво повторял несколько слов, которых никто из русских не понимал.

Корнеев помог поднять раненого наверх.

Когда позвали переводчика, оказалось, что швед просил не оставлять товарища без помощи.

Лекарскому помощнику пришлось сначала осмотреть русского солдата с тяжёлой раной ноги, после чего он занялся шведом. Чистого полотна было меньше, чем требовалось, и Корнеев отправил человека на берег за новыми перевязками.

Поблизости стоял гвардеец, смотревший на эту работу с явным недовольством.

— Своих ещё не всех нашли, а ты шведов перевязывать велишь.

Корнеев поднял голову.

— Своих ищут. Этого уже нашли.

— Он по нашим стрелял.

— Потому здесь и лежит. Коли бы мог дальше стрелять, перевязывать бы не пришлось.

Гвардеец промолчал.

Корнеев не стал продолжать спор. Он хорошо понимал, что после увиденного многие солдаты не склонны жалеть неприятеля, но приказ Шереметева о пленных был ясен, а оставлять человека умирать от раны только потому, что тот сражался на своём корабле, Корнеев не собирался.

К полудню появились первые более подробные ведомости.

На двух захваченных шведских судах осмотрели и учли пушки и оружие, назначили караулы для их охраны и начали разбирать повреждения. В списках пленных оставались пропуски, а среди русских несколько человек всё ещё числились не найденными.

Корнеев спустился в собственную лодку за оставленным оружием.

Она держалась на воде, хотя возле борта зияла пробоина, временно заткнутая обрывком ткани. На дне лежало весло раненого гребца. Корнеев поднял его и увидел, что рукоять расщеплена.

Он собирался отнести весло на берег вместе с другим повреждённым имуществом, когда один из солдат окликнул его.

— Нашли ещё одного!

От нижнего острова подходила лодка с людьми, которых отправляли искать пропавших. На дне лежал русский солдат, укрытый мокрым кафтаном. Он был жив, но так продрог, что не мог говорить.

Корнеев положил весло обратно и поспешил помогать.

Шереметев получил известие о взятии обоих судов раньше, чем увидел захваченные корабли.

Гонец прибыл верхом, мокрый после переправы, и едва успел спешиться, как сообщил, что «Гедан» и «Астрильд» находятся в русских руках.

Борис Петрович вышел на крыльцо.

— Меншиков жив?

— Жив, Борис Петрович.

— Суда держатся?

— Держатся. Повреждения есть, но оба на якорях.

— Потерь сколько?

Гонец не знал точного числа. Когда его отправляли, на кораблях ещё поднимали раненых, а несколько лодок искали людей в нижних протоках.

Шереметев нахмурился, однако не стал требовать от человека сведений, которых тот не мог получить.

— Хорошо. Передай, чтобы сначала разобрались с ранеными и пропавшими. Корабли осмотреть, без нужды с якорей не сниматься. И пленных отдельно держать, но лекарской помощи не лишать.

Гонец поклонился.

Позднее Меншиков прибыл с подробным докладом.

Он был в дорожной грязи, с повязкой на руке. Ещё накануне требовал от солдат не терять ни минуты, а теперь говорил хрипло, словно за короткий бой успел израсходовать весь голос.

Шереметев предложил ему сесть.

— Потом, Борис Петрович. Сначала доложу.

— Садись. Пока стоишь, лучше не расскажешь.

Меншиков подчинился.

Он разложил на столе схему устья и показал, как два русских отряда охватили неприятельскую стоянку. Один вышел ниже по реке, перекрывая путь к морю, второй приблизился с верхнего направления. После обнаружения русских лодок шведы пытались развернуть суда для стрельбы и подготовить паруса, но атакующие уже сократили расстояние.

— Все тридцать лодок у бортов были? — спросил Шереметев.

— Нет. Как назначили, первыми восемь пошли. Остальные прикрывали выходы и помогали тем, кого сносило или разбивало. Без них могли бы и вовсе не добраться, особенно на втором судне.

Борис Петрович попросил назвать, какие лодки получили повреждения и где погибло больше людей.

Меншиков рассказал о картечном выстреле по одной из передних лодок «Гедана», о трудном подъёме на высокий борт и о том, как у «Астрильд» первые солдаты не могли закрепиться до подхода подкрепления.

Шереметев прерывал его лишь тогда, когда требовалось отделить собственное наблюдение Меншикова от известий, полученных позднее.

— Сам видел, как шняву взяли?

— Не видел. Мы ещё на «Гедане» дрались. О втором узнал от посланных.

— Значит, в донесении так и напишем. Укажем, кто вёл верхнюю группу и что известно по её сообщению.

Меншиков согласился.

Разговор перешёл к потерям.

Предварительная роспись оказалась тяжёлой: среди русских было много убитых и раненых, несколько офицеров получили повреждения. Сведения о шведских экипажах ещё уточнялись, но уже становилось ясно, что сопротивление было упорным, а пленными осталась лишь часть людей, находившихся на двух кораблях перед боем.

— Коли напишем, что всех неприятелей взяли живыми, — заметил Шереметев, — завтра найдётся кто-нибудь, кто спросит, откуда тогда столько убитых на палубах.

Меншиков устало потёр переносицу.

— Они дрались до последнего. На «Гедане» у кормы ещё рубились, когда в носовой части уже оружие бросали.

— Вот это и запиши. Победу украшать не надо, она и без того дорогого стоит.

Затем Борис Петрович потребовал сведения о состоянии захваченных судов.

Часть пушек была исправна, но снасти получили повреждения. Для дальнейшего использования трофеев требовались опытные люди. Перевести корабли в безопасное место сразу

после боя было невозможно: сначала предстояло осмотреть корпус, проверить якоря и подготовить управление.

— А остальные корабли Нумерса? — спросил Шереметев.

— Остаются в заливе. К нам не подходили, пока дрались, но уйти им никто не мешает и вернуться тоже.

Борис Петрович кивнул.

— Значит, две шведские посудины взяли, а море от этого нашим не стало.

Меншиков развернул схему нижней Невы.

Теперь, когда неприятельские передовые суда удалось захватить, русским легче было наблюдать за речными проходами. Однако для прочного удержания устья требовалось больше, чем один удачный бой. Нужны были исправные переправы, постоянные караулы, запасы продовольствия и такие места для укреплений, которые не заливало бы высокой водой.

— Берега осмотрим, — предложил Меншиков. — Между островами есть места, откуда удобно следить за рукавами.

— Осмотреть велю, — ответил Шереметев. — Только не объявляй большого строительства прежде, чем узнаем, где можно стоять и как доставлять припасы. Нам нынче и так хватит новых расходов.

Он распорядился готовить донесение в Москву.

В нём следовало сообщить о решении командования напасть на неприятельские суда, о действиях лодочного отряда Меншикова, захвате десятипушечного «Гедана» и восьмипушечной «Астрильд». Потери требовалось представить по имеющимся сведениям, с оговоркой, что число пропавших и умерших от ран ещё может измениться.

Отдельно надлежало назвать потребность в караулах, припасах, плотниках и людях, умеющих управлять захваченными кораблями.

Меншиков поднялся.

— Я к людям вернусь.

Шереметев посмотрел на повязку у него на руке.

— Её лекарь видел?

— Видел.

— Тогда ступай. А коли промокла, перевяжи прежде, чем опять за лодки возьмёшься.

Меншиков усмехнулся.

— Вы меня, Борис Петрович, будто после первого боя встречаете.

— После первого или после двадцатого, а руку всё одно лечить надобно.

На этот раз Александр Данилович спорить не стал.

В Москве известие о захвате шведских судов получили через несколько дней.

Головин принёс донесение утром, когда Евдокия только закончила разговор о денежных выдачах и собиралась перейти к другим делам. Увидев знакомую руку на пакете, она попросила читать сразу.

Фёдор Алексеевич изложил главное: седьмого мая лодочный отряд под непосредственным начальством Меншикова атаковал у невского устья два неприятельских судна и после тяжёлого боя овладел обоими. Общее решение о нападении приняло командование Шереметева, воспользовавшись тем, что шведские корабли отделились от эскадры Нумерса.

— Оба взяты? — переспросила Евдокия.

— Оба. «Гедан» и «Астрильд». На первом десять пушек, на втором восемь.

Она поднялась и подошла к карте.

После осеннего взятия Нотебурга прошло всего несколько месяцев. Тогда известие о новой крепости на пути к Балтике казалось ей важным, но далёким от повседневной московской жизни. Теперь русские войска продвинулись по той же реке почти до моря.

Евдокия попросила прочесть сведения о потерях.

Головин назвал цифры из предварительной ведомости, указав, что часть раненых ещё находится у лекарей, а число пропавших уточняется по спискам лодок. Он не пытался представить победу бескровной: русские гвардейцы понесли тяжёлые потери, хотя оба корабля удалось захватить.

Евдокия вернулась к столу и раскрыла расходную роспись.

— Семьям погибших положенное выдать без задержки. Раненым обеспечить лекарей и содержание. Если людей оставят при захваченных судах, им понадобится пища и одежда не на одну неделю, а до тех пор, пока не установят постоянную службу.

Головин кивнул.

— Шереметев просит припасов для удержания района. Кроме того, нужны люди, способные управлять взятыми кораблями. И плотники для починки повреждённых лодок.

Она прочитала вторую часть донесения.

Там говорилось о берегах, которые предстояло осмотреть, о необходимости устраивать караулы и исправлять переправы. Захват судов облегчил положение, но не сделал устье безопасным: неприятельская эскадра оставалась поблизости, а с моря можно было ожидать новых попыток войти в реку.

— Место для укрепления уже выбрали?

— Пока нет. Военные осматривают берега. Шереметев окончательного предложения не присылал.

— И правильно. Из Москвы по одной карте такое не решить.

Евдокия поручила выяснить, какие припасы можно отправить немедленно, не задерживая существующие гарнизонные поставки. Отдельно велела составить расчёт расходов на дальнейшее удержание нижней Невы: сколько потребуется людей, подвод, хлеба и материалов, если командование предложит устроить там постоянный укреплённый пункт.

Она не намеревалась обещать деньги на большое строительство до получения осмотра местности.

— А шведы? — спросила Евдокия, когда Головин начал собирать бумаги.

— Вернуться могут.

— Тогда прежде всего к их возвращению готовиться. Поздравлять будем после того, как поймём, чем удерживать взятое.

Головин убрал донесение в папку, но Евдокия остановила его возле двери.

— Алексей, полагаю, захочет узнать о бое.

— Конечно.

— Передайте ему копию. Пусть видит, кто принял решение, как подошли, что людям пришлось сделать и чего стоила победа.

— Скажите ему сами?

— Скажу. Но сначала пусть прочитает.

Когда Фёдор Алексеевич ушёл, Евдокия осталась возле карты.

По течению Невы от Ладоги к морю тянулась тонкая линия, вдоль которой теперь находились русские крепости, караулы и переправы. На бумаге расстояния казались небольшими. В донесении Шереметева на те же расстояния приходились люди, лодки, обозы, артиллерия и припасы, которых уже начинало не хватать.

Она ещё раз посмотрела на обозначенное устье, затем велела передать ответ на оформление установленным порядком.

На Неве тем временем продолжали вытаскивать повреждённые лодки на берег.

Корнеев стоял возле одной из них. Плотник простукивал доски, определяя, что можно починить, а что придётся заменить. Внутри лежало сломанное весло, оставленное после боя. Его рукоять была испачкана засохшей кровью.

— Это ещё годное, — заметил плотник. — Укоротим, и пойдёт на малую лодку.

Корнеев посмотрел на весло.

— Укороти.

Плотник взял его, примерил длину и положил возле остальных.

Чуть дальше солдаты снимали с захваченного судна повреждённую снасть. На берегу сушили промокшие мешки, переносили бочки и ставили новый караульный пост. Раненого гребца, с которым Корнеев ходил к «Гедану», накануне отправили к лекарю. Бок у него оставался перевязанным, и никто пока не знал, сможет ли он снова взяться за весло.

Плотник закончил осматривать лодку.

— Эту к вечеру спустить можно. Если доску новую поставим.

— Ставь.

Корнеев поднял с земли короткое весло, которое уже успели подогнать для другого судна, и проверил его тяжесть.

Из-за нижнего берега раздался оклик наблюдателя:

— Паруса!

Корнеев обернулся.

За дальними островами белело что-то, похожее на парус. С такого расстояния невозможно было понять, неприятельское ли это судно или другое движение на воде.

Он подозвал старшего караула.

— Кто первый увидел?

— Люди с нижнего поста. Далеко ещё, Корнеев.

— Послать наблюдение по берегу. Пусть посмотрят, сколько судов и куда идут. Без сведений тревогу по всему лагерю не поднимать.

Караульный отправился выполнять поручение.

У воды двое гребцов уже спускали исправленную лодку. Один держал её за корму, другой проверял, не протекает ли новый шов. Внутри лежали запасное весло, шест и свёрнутая верёвка.

Корнеев подошёл к ним.

— Пойдёте до нижней протоки. Дальше без нужды не высовываться. Если увидите неприятеля, возвращайтесь с известием. Не затевайте геройства на трёх вёслах.

Один из гребцов поправил промокшую шапку.

— А вы?

— С вами.

Он сел ближе к корме и взял короткое весло. Гребцы оттолкнулись шестами от вязкого берега.

На новом шве выступила тонкая полоска воды, но внутрь она не пошла. Плотник, стоявший у берега, проводил лодку внимательным взглядом и только после нескольких гребков вернулся к работе.

Лодку вынесло на течение.

Корнеев повернул её носом к нижнему острову, а гребцы налегли на вёсла.

Глава 10. Первый город

Май – июнь 1703 года. Нева, Москва. Даты по старому стилю.

Земля под сапогом оказалась крепкой только с виду.

Меншиков сделал ещё шаг, и нога ушла в мокрый мох почти до щиколотки. Он выругался, ухватился за протянутую ему руку и выбрался на чуть более высокое место.

— Вот здесь и ставить крепость? — спросил он.

Инженер, шедший следом, посмотрел на испачканный сапог.

— Не на этом месте, Александр Данилович. Чуть дальше, где грунт выше.

— А там вместо земли вода по колено?

— Там тоже сыро.

Меншиков оглядел остров.

Невелик, низок, зарос кустарником и редкими деревцами. Со всех сторон вода. На первый взгляд — место, где летом трудно пройти, а осенью вовсе нечего делать. От берега до противоположного рукава было рукой подать, однако сухого прохода не нашлось даже между ближайшими деревьями.

Над рекой дул холодный ветер.

На дальнем берегу виднелись лодки, доставившие людей для осмотра. Оттуда время от времени доносился стук топоров: солдаты расчищали место для временной пристани.

Меншиков вытащил сапог из мха и остановился возле инженера.

— Показывай, отчего это болото лучше Ниеншанца.

Тот развернул схему, придерживая углы ладонями. Бумага отсырела, и чернильные линии возле сгибов расплывались.

— Ниеншанц выше по реке. Крепость взяли, но неприятельские корабли могут пройти к устью прежде, чем гарнизон узнает об их появлении. Здесь же можно держать под наблюдением речные ходы. Если поставить артиллерию на нужных выступах, неприятелю придётся считаться с огнём наших батарей.

— А если пройдут другим рукавом?

— Для того требуется смотреть берега напротив. Одна крепость всей воды не закроет.

Меншиков прищурился.

— Значит, предлагаешь строить крепость посреди воды, а потом ещё укреплять берега?

— Если хотим удержать устье, придётся сделать и то и другое. Только не за один день.

Они дошли до края острова.

Вода здесь подмывала берег и оставляла после себя мокрые обрывы. Небольшой кусок дёрна сорвался под ногой одного из солдат и упал в реку. Его тотчас подхватило течение.

Меншиков проследил взглядом, как дёрн уходит прочь.

— Стену на этом краю поставим — унесёт вместе с пушкой.

— Край надо укрепить. А сам вал поднимать на привозном грунте и дереве.

— Откуда грунт?

Инженер указал на соседний берег.

— Часть можно брать там. Но многое придётся доставлять на лодках. И лес тоже.

Меншиков посмотрел на воду, затем на солдат, пробиравшихся сквозь мокрые кусты.

Ещё несколько дней назад всё внимание было занято шведскими судами. После их захвата у русских появилась возможность работать ниже по течению свободнее, хотя шведские корабли по-прежнему оставались неподалёку. С моря могли прийти новые силы; Ниеншанц и Нотебург требовали гарнизонов; на переправах не хватало судов.

Война не остановилась ради будущего строительства.

— Сколько людей потребуется сначала?

Инженер назвал количество для расчистки острова, устройства временных пристаней и начала земляных работ. Затем добавил, что для быстрого возведения укреплений понадобится значительно больше.

Меншиков слушал, не перебивая.

— А кормить их где будем?

— На берегу следует поставить временные строения и склады. На острове пока можно держать только тех, кто работает.

— Пока?

— Если сырая погода продолжится, люди здесь ночевать не смогут.

Меншиков оглянулся на кустарник.

— Значит, раньше стены надо решить, где будут спать те, кто её поднимает.

Инженер кивнул.

— Иначе долго не проработают.

Шереметев выслушал доклад об острове в тот же вечер.

На стол положили схему Ниеншанца и рисунок предполагаемого укрепления у нижней Невы. Оба плана были испещрены пометками; между ними стояла свеча в тяжёлом медном подсвечнике.

Борис Петрович сперва сравнил расстояния.

— От новой крепости до старой сколько?

Инженер ответил, указав на речные изгибы.

— Получается два укрепления, — заметил Шереметев. — И оба придётся снабжать.

— Зато устье не останется без защиты, — сказал Меншиков.

— Это вижу. А людей откуда возьмём?

Меншиков назвал несколько подразделений, которые можно было временно использовать на работах, не оставляя основные позиции без караулов. Кроме того, потребуются мастеровые, плотники и работники для доставки земли.

— Солдатами всё не сделаешь, — сказал Шереметев.

— Потому прошу прислать людей из других мест. Пока начнём своими силами.

Борис Петрович посмотрел на инженера.

— Время до осенней непогоды сколько?

— Меньше, чем хотелось бы.

— Это я и без тебя знаю.

Инженер почтительно наклонил голову, но продолжил:

— Первые земляные укрепления можно поднять довольно быстро, если не задержатся люди и припасы. На полноценную крепость времени потребуется больше.

Шереметев провёл пальцем по очертаниям острова.

— Значит, придётся строить то, что позволит продержаться сейчас, а не мечтать о том, что хорошо будет через десять лет.

Меншиков усмехнулся.

— О десяти годах я пока и не заикался.

— Заикнёшься. Я тебя знаю.

Он отложил схему.

В отличие от взятия неприятельского судна, строительство нельзя было завершить одним удачным ударом. Начатое дело потребует постоянных подвозов, гарнизона, инструмента, жалованья и людей, которые станут работать на сырой земле в любую погоду.

Однако и отказаться от нового укрепления означало оставить приобретённый устьевой район уязвимым.

— Для ближайшей обороны крепость нужна, — сказал Шереметев. — Начальные работы разрешаю вести на месте, не оголяя действующие позиции. Большое строительство, постоянный гарнизон и дополнительные расходы представим в Москву отдельно.

Меншиков кивнул.

— Я распоряжусь расчисткой.

— И припасами для работающих. Не заставляй людей сначала ночевать в воде, а потом жаловаться, что у тебя никто не держится на ногах.

— Разберусь.

Шереметев задержал его, когда инженер вышел.

— Александр Данилович, место выбрали мы. Если окажется негодным, переделывать тоже нам. На покойного государя не сошлёмся.

Меншиков перестал улыбаться.

После смерти Петра он не раз ловил себя на привычном ожидании: вот сейчас придёт государь, посмотрит, выругается, поправит и велит делать. При жизни Петра этот способ работы казался естественным. Теперь окончательного ответа ждать было не от кого.

— Не сошлёмся, — сказал он.

Шестнадцатого мая на острове начали размечать первые линии укрепления.

Никакого каменного города здесь не было. Не стояли дворцы, не тянулись прямые улицы. За низкими кустами виднелась река, а под ногами чавкала земля, из которой рабочие пытались сделать основание для крепостного вала.

Меншиков приехал с людьми, отвечавшими за разные части работ.

Инженер показывал, где пройдут земляные выступы и соединяющие их линии. Солдаты вбивали деревянные колышки, натягивали шнуры, расчищали кустарник. Несколько человек с топорами уже валили тонкие деревья на площадке будущего укрепления.

На дальнем берегу готовили лодки для перевозки леса.

Меншиков осмотрел разметку и потребовал проверить её ещё раз. На одном участке колышки стояли слишком близко к обрывистому краю. После короткого спора инженер согласился перенести линию внутрь острова, чтобы при устройстве вала не пришлось опираться на подмываемую землю.

— А здесь? — спросил Меншиков.

— Здесь грунт лучше. Но придётся снять верхний слой.

— Снимайте. Только лес не сваливайте в воду. Нам каждая годная жердь пригодится.

Он прошёл вдоль размеченной линии.

На острове уже работали десятки людей, но издали всё ещё казалось, будто среди кустов копошится небольшая артель. Места для настоящих стен только обозначили. Там, где должен был подняться один из будущих бастионов, лежала куча выкорчеванных корней.

Меншиков остановился возле неё.

— С этой стороны начнёте?

Инженер подтвердил.

— Первую землю можно поднимать здесь. Заодно увидим, как поведёт себя основание под тяжестью.

— А если поплывёт?

— Придётся укреплять деревом.

Меншиков посмотрел на рабочих.

— Тогда лес готовьте заранее. Не будем ждать, пока готовый вал сядет в реку.

У ближайшего колышка солдат попытался забить его глубже, но тот ушёл в мягкую землю и наклонился.

Меншиков велел заменить его более длинным.

Солдат выдернул колышек. Снизу вместе с ним поднялся тяжёлый ком мокрой земли.

В это время к Меншикову подошёл писарь с небольшой книгой, в которой отмечали распоряжения по работам.

— Как записывать нынешний день, Александр Данилович? По осмотру или уже по строительству?

Меншиков посмотрел на размеченную землю. Возле первого будущего выступа несколько солдат снимали дёрн, а дальше другие укладывали брёвна, привезённые с берега.

— По началу крепости, — ответил он. — Шестнадцатого мая заложили. Запиши, кто разметку смотрел и где первую работу начали.

Писарь присел на принесённую доску, придержал страницу и стал выводить дату. Чернила плохо ложились на отсыревшую бумагу. Он подождал, пока запись высохнет, и убрал книгу под кафтан.

На острове продолжали рубить кусты.

Под сапогами и на ладонях оставалась чёрная грязь.

Так начиналась крепость, которую уже решили удерживать.

Кузьма попал на остров с первой большой партией работников.

На берегу ему выдали лопату, указали место, где собирались перевозить землю, и велели искать старшего над своей артелью. Тот стоял возле двух лодок и спорил с солдатом, требовавшим немедленно отправить людей за лесом.

— Лесу нет, — говорил солдат. — На острове шнуры натянули, а под них класть нечего.

— А у меня людей на лес не назначено. Мне землю велено возить.

— Так будешь возить землю на пустое место?

Кузьма поставил лопату возле ноги.

— Кто командует здесь?

Оба повернулись.

— А тебе чего? — спросил солдат.

— Чтобы два раза одно и то же не делать. Если земля нужна раньше леса, повезём землю. Если лес — скажите, куда идти.

Старший артели посмотрел на него с интересом.

— Ты из каких?

Кузьма назвал место, откуда пришёл с работниками, и объяснил, что его поставили помогать при перевозках.

— Тогда бери шестерых и ступай к лодке. Там брёвна лежат. Надобно перетащить на остров.

— А землю кто повезёт?

— Остальные.

Кузьма не стал продолжать спор.

Он собрал людей, велел снять верхнюю одежду, которая мешала двигаться, и пошёл к лодке.

Погрузка казалась нехитрым делом, пока первое бревно не попытались поднять с берега.

Дерево было мокрым и тяжёлым. Двое рабочих схватились за комель, ещё двое взялись посередине, но бревно покатилось, едва не придавив одному ногу.

— Стой! — крикнул Кузьма.

Люди отпустили дерево.

— По одному не хватайте. Подведём жерди, потом вместе поднимем.

Один из работников, худой парень по имени Федька, вытер мокрый лоб.

— С утра так возимся. Пока одно дотащим, другое уже ждёт.

— А если ногу сломаешь, вовсе ничего не дотащишь.

Они подложили жерди и перекатили бревно к лодке. Затем, действуя вместе, подняли один конец и осторожно столкнули на приготовленные поперечины. Лодка осела глубже, но ещё держалась на воде.

Кузьма велел не класть сверху больше, чем позволял борт.

Солдат, отвечавший за перевозку, возразил:

— За двумя брёвнами гонять лодку не стану. Тут ещё три лежат.

— Тогда бери другую.

— Другой нет.

— Значит, сделаем два рейса.

Солдат посмотрел на него с досадой.

— Ты время считаешь?

— Считаю, сколько людей в реку уйдёт, если нагрузим всё сразу.

В конце концов отправили два бревна.

Переправа заняла больше времени, чем ожидали. На середине реки лодку подхватило течение и стало сносить ниже назначенного места. Гребцы работали изо всех сил, пока не удалось выйти к берегу острова.

Там обнаружилась новая беда.

Причала ещё не было. Лодку приходилось удерживать шестами, пока люди вытаскивали дерево на мокрый берег. Глина обваливалась под ногами, бревно скользило, и каждый шаг требовал усилия.

Когда разгрузили второе, Федька опустился на землю.

— Передохнуть бы.

Кузьма посмотрел на него.

— Сколько с утра ел?

— Хлеба кусок.

— А больше?

— Вчера кашу давали.

— Вчера — это вчера. Сегодня тебе работать.

Федька пожал плечами.

— Работать велели, вот и работаю.

Кузьма оглядел берег.

Никто не приготовил для прибывших людей даже простого места, где можно было бы обсохнуть. Несколько солдат сидели под перевёрнутой лодкой. Другие разводили костёр, но сырые ветки только дымили. На острове не было ни сухого сарая, ни достаточного количества настилов. Приходилось ступать прямо по мокрой земле, перетаскивая доски и брёвна туда, где их собирались использовать для укрепления.

К вечеру Кузьма уже знал, что больше всего сил у людей отнимает не сама работа.

От одного места до другого приходилось пробираться по грязи. Инструменты терялись в мокрой земле. Для каждого рейса требовалось несколько лишних человек, чтобы удержать лодку у берега. Тех, кто ходил за водой и пищей, задерживали на переправе, а вернувшихся посылали таскать землю.

Когда артель наконец отпустили, выяснилось, что ночевать большинству негде.

Кузьма вместе с Федькой и ещё тремя работниками нашёл место на большом берегу, за сложенными брёвнами. Там было чуть суше. Они натянули над жердями кусок старой парусины и устроились под ним, положив одежду на сухие ветки.

Ночью пошёл дождь.

Вода потекла под парусиной, добралась до ног. Федька проснулся, попытался подложить ещё веток, но они уже намокли. Остальные спали, прижавшись друг к другу.

Кузьма лежал с открытыми глазами и слушал, как дождь барабанит по полотну.

Утром пришлось снова идти к лодкам.

На третий день Федька едва держался на ногах.

Он не жаловался, только всё чаще останавливался с лопатой, чтобы перевести дух. Кузьма заметил это ещё на берегу и велел ему заняться более лёгкой работой возле штабеля.

— Я могу возить, — возразил тот.

— Можешь. Только сегодня не будешь.

— Старший заругается.

— Со старшим я поговорю.

Федька ушёл к брёвнам.

Днём вода поднялась и затопила низкий проход, по которому рабочие носили землю на остров. Вместо того чтобы перегонять людей выше по берегу, старший велел им идти прежним путём: там было ближе к лодкам.

Рабочие ступали в воду по щиколотку, затем по колено. Носилки с землёй приходилось поднимать выше, иначе их захлёстывало. Кто-то снял обувь и пошёл босиком, чтобы не испортить её окончательно.

Кузьма остановился возле прохода.

— Здесь завтра совсем не пройти будет.

Старший артели посмотрел на него.

— А сегодня надо пройти.

— Доски положить бы.

— Все доски для крепости.

— Пока мы здесь ходим, половину земли в воду сыплем.

— Не мне их распределять.

Кузьма больше не спорил.

Он взял носилки с другим работником и пошёл через залитое место.

На обратном пути они увидели, как двое солдат помогают Федьке поднять длинную жердь. Парень стоял на краю берега, где земля уже начала осыпаться. Один конец жерди лежал на суше, второй свисал к воде.

— Федька, назад! — крикнул Кузьма.

Тот обернулся.

В этот момент край земли под его ногами отломился.

Парень исчез в воде вместе с концом жерди. Один из солдат бросился за ним и успел схватить за рукав, но сам едва удержался на берегу.

Кузьма бросил носилки.

Подбежал, лёг на живот и ухватил солдата за пояс. Другой работник помог удержать обоих, пока Федька пытался выбраться из воды.

Течение било ему в грудь.

Намокшая одежда тянула вниз. Он вцепился в корень, торчавший из берега, но тот начал вылезать из земли вместе с мокрым комом.

— Руку давай! — крикнул Кузьма.

Федька отпустил корень.

На одно мгновение его развернуло течением. Затем солдат ухватил его за предплечье, и общими усилиями они вытащили парня на берег.

Тот упал лицом в грязь и закашлялся.

Кузьма перевернул его на бок.

— Дышишь?

Федька закивал.

Он пытался что-то сказать, но вместо слов снова заходился кашлем.

Работники стояли вокруг, не зная, что делать дальше. Один предлагал отвести его к костру, другой говорил, что нужно снять мокрую одежду. Солдат, помогавший вытаскивать, сам промок и дрожал.

Кузьма велел отнести обоих к ближайшему укрытию.

Но укрытием оказалась та самая парусина, под которой они спали.

Там было почти так же сыро, как на берегу.

Меншиков узнал о происшествии после того, как осмотрел начатый земляной вал.

Работы продвигались хуже первоначального расчёта. Грунт подвозили, но часть его приходилось перекладывать несколько раз. Деревянное основание требовало больше леса, чем ожидали. Берега возле временных причалов осыпались, и лодки задерживались при разгрузке.

Инженер показывал, какие участки следует укрепить прежде всего, когда к ним подошёл Кузьма.

— Чего тебе? — спросил Меншиков.

— Человек сегодня в воду упал.

— Жив?

— Вытащили. Только он и прежде едва ходил, а теперь лежит мокрый под парусиной. И другой, что его держал, тоже промок.

Меншиков посмотрел на него внимательнее.

— Лекаря позвали?

— Позвали. Он сказал обсушить людей и не посылать пока на работу.

— Так обсушите.

Кузьма помолчал.

— Негде.

Меншиков нахмурился.

— Как негде?

— Костры разводим, да дождь их заливает. Под навесами земля мокрая. А на берегу, где суше, склады стоят. Работники ночуют возле брёвен.

Инженер вмешался:

— Для временных помещений лес ещё не назначили. Его весь требуют на крепостные работы.

— Кто требует?

— По прежней росписи.

Меншиков повернулся к Кузьме.

— И давно так живёте?

— С прибытия. У кого была своя крыша, тот устроился. Остальные где придётся.

— Почему раньше не сказали?

Кузьма посмотрел на него.

— Говорили старшим. Нам отвечали, что сначала крепость надобно ставить.

Меншиков выругался.

Он сам требовал не задерживать строительство. Первые дни казалось разумным направлять весь годный лес на укрепление, пока шведы не вернулись. Но теперь выяснялось, что люди, которым велели таскать землю и брёвна, проводят ночи без сухого места для сна.

Инженер развернул роспись материалов.

— Если часть досок отдать на настилы и навесы, один из участков вала задержится.

— На сколько?

Инженер назвал срок.

Меншиков некоторое время рассматривал разметку.

Отложить работу было неприятно. На другом берегу всё ещё не хватало укреплений, корабли шведов могли появиться вновь, а Шереметев требовал докладывать о готовности позиций. Но продолжать прежним способом тоже оказалось невозможно.

— Где проход затопило? — спросил он Кузьму.

Тот показал.

Меншиков пошёл смотреть сам.

У берега земля была разбита ногами и колёсами. Вода стояла в глубоких следах, носилки с грунтом оставляли за собой мокрые полосы. Там, где упал Федька, обрыв ещё больше осыпался; над ним торчал корень, за который парень пытался удержаться.

Меншиков присел, поднял с земли кусок влажной глины и растёр между пальцами.

— Сколько раз в день здесь люди проходят?

Кузьма назвал примерное число.

— И каждый раз по воде?

— Пока проход был сухой, ходили нормально. Теперь вода поднялась.

Меншиков выпрямился.

— Настил здесь сделать. Не из лучшего леса, но чтобы носилки можно было пронести, не ступая по колено в воду. Берег подпереть, пока совсем не обвалился.

Инженер напомнил, что доски уже распределены.

— Перепиши распределение, — ответил Меншиков. — На одном участке вала работу на время придержим. Дерево пойдёт сюда и на два укрытия на большом берегу. Не дворцы ставить — сухое место для людей и одежды.

— Под навесами всей артели не разместим.

— Всех сразу и не обещаю. Начните с тех, кто работает у воды. Потом добавим.

Кузьма слушал, не вмешиваясь.

Меншиков повернулся к нему.

— Ты людей своих знаешь?

— Кого из артели — знаю.

— Тогда возьмёшься за настил. Плотники покажут, как крепить. Но чтобы не вышло, будто мы ради одного утонувшего ещё десяток в воду отправили.

— Возьмусь.

— Работников не гони без отдыха. И Федьку этого пока не трогайте.

Кузьма кивнул.

Меншиков уже собирался уйти, но остановился.

— Как тебя зовут?

— Кузьма.

— Вот что, Кузьма. Если завтра настил начнёт уходить в воду, не жди, пока человек через него провалится. Иди к старшему, а если не слушает — ко мне передай.

— Передам.

— Только не за каждой лопатой бегай. Без тебя тоже дела хватает.

Кузьма впервые за разговор улыбнулся.

— За лопатой не побегу.

Кузьма выяснил, что назначенный лес ему не выдадут, едва Меншиков ушёл.

На ближайшем складе люди уже складывали доски для крепостного основания. Старший при них выслушал распоряжение о настиле, посмотрел на бумагу и сказал, что снять материал с готовой укладки нельзя: утром плотники должны были переправить его на остров.

— Меншиков велел, — напомнил Кузьма.

— Слышал. Только эти доски не мои. Они уже по участкам расписаны. Без человека, который ими ведает, хоть самого Меншикова приводи — я потом недостачу чем объясню?

Кузьма хотел возразить, но заметил возле штабеля приготовленные связки. Доски действительно распределили: на каждой куче лежала деревянная бирка с отметкой. Если разобрать одну из них, утром другая артель останется без работы.

Он пошёл разыскивать старшего плотников.

Нашёл не сразу. Тот находился на острове и руководил устройством деревянного основания под вал. Услышав о новом распоряжении, он выругался: нужные для навесов жерди ещё не заготовили, а часть людей уже отправили на другой участок.

— Сколько тебе плотников надо? — спросил он.

Кузьма назвал двоих.

— Одного дам. Второго не с кого снять.

— А когда второго дадите?

— Когда здесь закончим. Если закончим.

Кузьма оглядел работающих. Никто не стоял без дела. Один плотник тесал бревно, другой примерял соединение, третий держал тяжёлую жердь, пока её закрепляли.

— Тогда дайте одного и скажите, что он должен показать. Дальше попробуем сами.

К вечеру у Кузьмы были плотник, несколько рабочих и часть досок. Для настила их ещё хватало, но на оба укрытия материала не набралось. За оставшимся лесом обещали послать утром, когда снимут первые связки с задержанного участка вала.

Начали с затопленного прохода.

Плотник велел сначала подпереть рыхлый берег: иначе настил провалится вместе с людьми. Рабочие принесли короткие брёвна и попытались забить их в мокрый грунт. Одно ушло слишком глубоко, второе накренилось. Пришлось вытаскивать, подкладывать поперечины и снова закреплять.

Солнце уже село, когда они уложили первые доски.

Кузьма прошёл по ним без груза. Настил прогнулся, но выдержал.

— А теперь с носилками, — сказал плотник.

Двое работников взяли пустые носилки и осторожно прошли следом. Потом положили на них несколько лопат земли.

На середине настил заметно осел.

Плотник велел снять груз.

— Рано. Под эту доску ещё опору надо.

Работу пришлось остановить. Нужного бревна рядом не оказалось, а переправа уже готовилась к ночи.

— Завтра? — спросил Кузьма.

— Завтра, — ответил плотник.

Кузьма посмотрел на проход, по которому люди ещё утром носили землю, заходя в холодную воду.

Настил был начат, но пользоваться им с тяжёлыми носилками пока не разрешили.

С другой стороны берега работники уже пытались поставить первый навес. Парусину нашли, жерди тоже, однако для стен не осталось достаточного количества досок. Люди натянули полотно над небольшим участком суши и перенесли туда тех, кому после работы требовалось тепло.

Федьку доставили одним из первых.

Он всё ещё дрожал, хотя его успели переодеть. Лекарский помощник потребовал сухой соломы и горячего питья. За соломой пришлось отправлять к обозам; её принесли лишь после наступления темноты.

Кузьма помог уложить парня и проверил, не течёт ли вода под подстилку.

— Утром доделаем, — сказал он.

Федька слабо кивнул.

На следующий день настил укрепили, а ещё через день закончили первый из двух навесов. Второй оставался без крыши: для него ждали новую партию дерева.

Один участок крепостного вала в эти дни почти не поднялся.

Вечером Федька лежал под новым навесом.

Его ещё знобило. После падения в холодную воду он никак не мог согреться, и лекарский помощник велел оставить его в покое, дать сухую одежду и горячее питьё.

Места под крышей было мало. Несколько работников сидели у стены, вытянув ноги. На верёвке сушились мокрые рубахи. Возле входа стоял котёл, от которого шёл пар.

Федька приподнялся, когда вошёл Кузьма.

— Настил сделали?

— Закончили. Сегодня уже землю по нему носили.

— Меня к нему не ставили?

— Тебя пока к ногам своим не ставят. Лежи.

Федька слабо усмехнулся.

— А я думал, хоть здесь работу найдут.

Кузьма сел рядом и протянул ему кружку.

Парень взял её обеими руками.

Некоторое время они молчали.

— Я ведь слышал, как ты кричал, — сказал Федька. — Только повернуться не успел.

— В другой раз не стой у самого края.

— В другой раз буду знать.

Кузьма посмотрел на его бледное лицо.

— Лучше бы другого раза не было.

Федька сделал несколько глотков и снова лёг.

На улице стучали молотки. Рабочие заканчивали укреплять навес, пока ещё оставался свет. Ветер шевелил парусину у входа, но вода уже не текла под ноги лежавшим.

Кузьма поднялся.

У дверей его остановил старший артели.

— Меншиков велел на острове часть работы придержать, пока настил не закончим. Завтра людей меньше выйдет.

— Знаю.

— А с нас потом за задержку спросят.

— Спросят.

— Что скажем?

Кузьма посмотрел на навес, где сидели рабочие.

— Скажем, куда лес пошёл.

Старший ничего не ответил.

Он и сам видел, что люди теперь хотя бы могли обсохнуть после работы. Но задержанный участок вала от этого никуда не исчезал, а неприятель с моря мог прийти в любую погоду.

На следующий день они снова вышли к воде.

Из Москвы ответ пришёл уже после того, как первые земляные работы начались.

Донесение Шереметева и Меншикова доставили раньше. В нём сообщалось о выбранном острове, необходимости нового укрепления и расходах, которые требовались сверх обычного содержания войск.

Теперь на столе Евдокии лежали две росписи.

Одна касалась людей и припасов, необходимых для ближайшей обороны. Другая — продолжения работ: доставки леса, устройства пристаней, содержания мастеровых и обеспечения гарнизона.

Василиса велела позвать Головина и Птицына.

Оба пришли с собственными бумагами, но разговор начался не с денег.

— Объясните мне одно, — сказала она, указав на схему устья. — Почему укрепление нельзя оставить там, где уже стоит Ниеншанц?

Головин передал объяснение военного командования. Прежняя шведская крепость находилась выше по реке и не позволяла надёжно наблюдать все подходы с моря. Если неприятельские суда снова появятся в устье, русским потребуются позиции ниже по течению.

— Значит, новая крепость нужна для обороны, — сказала Евдокия. — А город?

Головин посмотрел на вторую роспись.

— Пока речь идёт прежде всего о крепости, государыня. Однако для постоянного гарнизона понадобятся жилища, склады, причалы и люди, которые будут всё это содержать. Без них укрепление надолго не удержать.

— И всё это на острове, где земля под ногами уходит?

— Само место выбрали военные и инженеры. С острова можно прикрывать нужные речные ходы. Но строить там трудно.

Птицын, до того молчавший, разложил свои бумаги.

— Первоначальные расходы рассчитаны лишь на начало. По одному лесу уже видно: без новых поставок работы задержатся. Часть материала придётся везти водой, а рабочим ещё нужны пища, одежда и кров.

— Сколько людей уже там?

Птицын назвал число по последним сведениям, оговорив, что новые партии продолжают прибывать.

— И все они где-то размещены?

— По донесению, места не хватает. Меншиков распорядился устраивать временные укрытия и настилы.

Василиса подняла глаза.

— Почему об этом пишут после начала работ?

— Потому что на месте рассчитывали обойтись имеющимся, — ответил Головин. — Когда увидели, как трудно перевозить лес и землю, понадобилось больше.

— А если завтра выяснится, что требуется вдвое больше?

Птицын не стал уверять, будто такого не случится.

— Тогда придётся выбирать, какие расходы отложить. Или искать новые средства. Но сейчас военные просят не всё сразу. Они разделили ближайшую оборону и дальнейшее устройство крепости.

Василиса посмотрела на схему.

Ей уже случалось слышать от Петра, что начатое дело обойдётся недорого. Потом появлялись новые мастера, новые обозы и новые требования. Муж сердился на тех, кто напоминал ему о прежних расчётах, но редко останавливался из-за этого.

Теперь расплачиваться за ошибки предстояло ей.

— Если прикажем прекратить работы до полного расчёта, что произойдёт? — спросила она.

Головин ответил:

— Останемся с занятым устьем, которое не успели укрепить. Шведы знают эти места и могут вернуться.

— А если продолжим без ограничения?

— Начнут требовать всё подряд, — сказал Птицын. — И однажды нам предъявят две законные росписи, на которые не будет денег одновременно.

Василиса посмотрела на него.

— Значит, нужны пределы.

— Нужны. Только такие, чтобы военным не приходилось ожидать московского согласия на каждую лодку с лесом.

Она кивнула.

Решение не могло состоять ни в полном отказе, ни в разрешении тратить без счёта.

— Ближайшие укрепления продолжать, — сказала Евдокия. — Шереметеву подтвердить право распоряжаться обороной на месте. Меншикову — вести работы по утверждённой военным командованием очередности. Дополнительных людей направлять по мере возможности, не снимая их самовольно с других необходимых служб.

Птицын приготовился записывать.

— А новые расходы?

— Представить отдельно то, что нужно для обороны нынешним летом, и то, что может подождать. По жилью для работников и их снабжению не откладывать всё до осени. Мне не нужна крепость, где земляной вал поднимается быстрее, чем люди успевают оправиться от болезни.

Головин склонил голову.

— Значит, постоянное укрепление у нижней Невы утверждаем?

Василиса ещё раз посмотрела на рисунок.

За неровными линиями на бумаге скрывались мокрый остров, привозной лес, солдаты, которых могли вновь послать в бой, и люди, которым предстояло таскать землю изо дня в день.

— Да. Но не стройте в донесениях готового города раньше, чем там появится хоть одна улица.

Головин едва заметно улыбнулся.

— Передам.

— И попросите подробности о том, как устроен подвоз. Если весь лес идёт на остров, кто укрепляет береговые переправы?

Птицын сделал пометку.

Василиса взяла следующую бумагу.

Это было первое крупное новое строительство, которое приходилось утверждать уже после смерти Петра. Не продолжение начатой им стены, не расчёт по старому заказу, а новое место, выбранное людьми, оставшимися без его непосредственного руководства.

Они могли ошибиться.

Но если не рискнуть, шведы получали возможность снова оттеснить русских от моря.

Василиса подписала решение и передала его Головину для оформления установленным порядком.

Алексей увидел рисунок нового укрепления вечером.

Мать оставила на столе копию схемы, полученной из войска, и он остановился возле неё, возвращаясь с занятий.

— Это на Неве?

— Да.

Он подвинул лист ближе к свече.

На рисунке остров был показан несколько крупнее, чем на общей карте, с обозначенными берегами и линиями будущего вала. Алексей долго рассматривал выступы, пытаясь понять, откуда удобнее вести огонь по неприятельским судам.

— Почему столько углов?

— Инженеры считают, что так можно защищать подступы с разных сторон.

— А если шведы обойдут другой стороной острова?

— Потому укрепляют и берега напротив.

Алексей наклонился над схемой.

— Отец бы захотел туда поехать.

Василиса не ответила сразу.

— Наверное.

— Он бы сам землю смотрел. И с инженерами спорил.

— С ними уже спорят. Меншиков пишет, что пришлось менять разметку на одном участке: берег осыпается.

Алексей поднял голову.

— Меншиков выбрал место?

— Он участвовал в осмотре. Военное командование сочло укрепление необходимым, Шереметев разрешил начать ближайшие работы. Я подтвердила дальнейшее строительство и расходы.

Сын снова посмотрел на схему.

— Значит, это новая крепость. Совсем новая?

— Пока её только начинают строить.

— А как называется?

— Окончательного имени ещё не объявляли. В бумагах называют крепостью у невского устья, на острове.

Алексей задумался.

— Когда отец брал Нотебург, он говорил, что России нужен путь к морю. Теперь путь есть?

— Мы к нему вышли.

— Но шведы могут прийти снова.

— Могут.

— Значит, пока не наш?

Василиса придвинула стул.

— Наш настолько, насколько сможем его удержать.

Алексей сел напротив.

Ему хотелось, чтобы после взятия двух кораблей и новой крепости дело оказалось решённым. Но в донесениях постоянно появлялось то, чего прежде не хватало: солдаты, лодки, порох, лес, деньги.

— А город там будет? — спросил он.

— Может быть. Сначала возле крепости поселятся люди, которым придётся её содержать. Поставят дома, склады, пристани. Потом, если место удержим, будут приезжать другие.

— И как его назовут?

Василиса посмотрела на лист.

При дворе уже называли разные варианты. Кто-то счёл бы уместным имя нового государя; люди, служившие Петру, скорее захотели бы связать новую крепость с его прежними замыслами. Военные пока обходились обозначением острова или невского укрепления.

— Ещё не решили.

Алексей помолчал.

— А можно назвать в честь батюшки?

Василиса ощутила знакомую тяжесть под рёбрами.

— Почему ты хочешь именно так?

— Он ведь хотел выйти к морю.

— Хотел.

— И Нотебург взяли ещё при нём. Если бы он не умер, сам бы сюда приехал.

Она могла напомнить сыну, сколько людей боялось Петра и сколько распоряжений покойного царя теперь приходилось исправлять. Могла сказать, что новая крепость строится не его руками и даже не по его окончательному решению.

Но Алексей говорил об отце.

О человеке, который однажды спорил с ним над маленькой подъёмной моделью, смеялся, когда сын ошибался, и обещал показать настоящие крепостные работы.

— Ты хочешь, чтобы его помнили, — сказала Василиса.

— Его и так будут помнить.

— Тогда чего ты хочешь?

Алексей не сразу ответил.

— Чтобы было видно, что мы не всё после него бросили.

Василиса посмотрела на сына.

В последние месяцы он стал чаще расспрашивать о делах Петра. Иногда его интересовало, почему продолжают прежнюю работу, а иногда — отчего отказываются от распоряжения, которое отец считал нужным. Он не всегда понимал ответы и сердился, когда выяснялось, что одного государева слова недостаточно.

Сейчас он говорил проще.

Ему хотелось оставить отцу место в жизни, которая продолжалась без него.

— Есть имя, о котором уже говорят, — сказала Василиса. — Санкт-Питербурх.

Алексей произнёс его медленно.

— От Петра?

— От апостола Петра. Но имя твоего отца тоже будут в нём слышать.

— Он любил такие названия.

— Любил.

Алексей снова взглянул на рисунок.

— Хорошее.

Василиса помнила Петербург из своей прежней жизни — город, чьё имя давно срослось с историей Петра. От этого воспоминания было непросто отделить нынешний мокрый остров с незавершёнными земляными валами. Но решать приходилось здесь, среди людей, которые ещё не знали, будет ли у новой крепости будущее.

— Название ещё надо согласовать, — сказала она. — И не забыть, что место выбрали нынешние военные, а строят его при тебе.

Алексей кивнул, хотя его внимание всё ещё оставалось на имени.

— Если назовём так, батюшку будут вспоминать?

— Будут.

Он некоторое время молчал.

— Тогда я за это имя.

Василиса не стала просить его приводить государственные доводы. Он уже сказал главное.

Алексей развернул схему к себе и внимательно осмотрел маленькие прямоугольники, обозначавшие предполагаемые пристани.

— А зимой что с людьми будет?

— К зиме придётся построить им жильё получше.

— Там ведь очень мокро.

— Да.

— Я бы хотел увидеть, как они строят.

— Когда будет возможно, поедешь.

— Вы обещаете?

Василиса посмотрела на него строго.

— Обещаю рассмотреть поездку, когда военные сочтут место достаточно безопасным.

Алексей вздохнул.

— Вы всегда так говорите.

— Потому что пока шведы ещё рядом.

Он не стал спорить.

Перед уходом Алексей попросил разрешения оставить себе копию схемы. Василиса согласилась, и он бережно свернул лист, стараясь не помять изображённые на нём бастионы.

Когда дверь за сыном закрылась, она некоторое время сидела, глядя на освободившееся место на столе.

Затем позвала человека, ведавшего перепиской с военными, и попросила подготовить ответ: правительство согласилось продолжать укрепление на выбранном острове, а предложенное наименование следовало рассмотреть при окончательном оформлении крепости.

Самого имени в обязательных для войска распоряжениях пока не было.

Кузьма увидел название новой крепости на доске, которую привезли вместе с очередной партией припасов.

Доска лежала у штабеля леса. На ней были выведены непривычные буквы, а рядом карандашом сделали русскую запись, чтобы люди, не знавшие иностранного письма, могли разобрать слово.

— Что там написано? — спросил Федька.

Он уже вернулся к работе, хотя после падения в воду быстро уставал и старался не носить тяжёлого. Кузьма поставил его возле склада, где требовалось разбирать привезённые инструменты и считать лопаты.

— Санкт-Питербурх, — прочёл один из грамотных солдат.

Федька присвистнул.

— Это ж как выговорить-то?

— Выговаривай как написано.

— А зачем?

Солдат пожал плечами.

— Крепость так именовать предлагают. На днях писарь пробовал, как в росписях название вывести. Говорят, имя от апостола Петра.

Кузьма подошёл ближе.

— А разве уже решили?

— Нет ещё. Из Москвы окончательного слова не было. Одни по-прежнему пишут «крепость у невского устья», другие — по имени острова. Вот и пробуют, как новое название выглядеть будет.

Федька долго разглядывал доску.

— Санкт-Питербурх, — повторил он осторожно. — Всё одно язык сломаешь.

— Привыкнешь, коли утвердят, — ответил солдат.

Кузьма не стал участвовать в споре.

Он развернул очередную ведомость материалов, проверил число привезённых лопат и заметил, что в одном из ящиков вместо требуемых гвоздей лежат крепёжные скобы другого размера. Пришлось искать человека, который принимал груз, и выяснять, можно ли использовать их на текущих работах.

К полудню снова пошёл дождь.

Теперь у рабочих хотя бы имелись настилы на самых грязных проходах и несколько навесов на берегу. Но новые люди прибывали быстрее, чем для них устраивали места. В одном укрытии уже лежали тесно, в другом не хватало сухой соломы. За пристанью выросла ещё одна куча брёвен, которые не успели переправить.

Кузьма помогал разгружать лодку, когда к нему подошёл Федька.

— Я тебе сколько лопат велел сосчитать?

— Все сосчитал. Двух недостаёт.

— Куда делись?

— Одну сломали, другую унесли к дальнему валу. Я спрашивал.

— Тогда запиши.

Федька посмотрел на него с сомнением.

— А если вернут?

— И это запишешь.

Парень ушёл.

Кузьма поднял голову.

Впереди, за мокрыми кучами земли, уже угадывался один из будущих выступов крепости. Он поднимался неровно, местами ещё не укреплённый деревом. На нём работали солдаты, передавая друг другу лопаты и носилки.

С другого берега донёсся удар колокола.

Люди ненадолго остановились, некоторые перекрестились. Затем старший крикнул, чтобы продолжали: лодку с землёй следовало разгрузить до смены течения.

Кузьма вернулся к работе.

В конце июня Меншиков получил из Москвы ответ о дальнейшем устройстве укрепления.

В письме подтверждались расходы, необходимые для ближайшей обороны, и разрешалось продолжать работы по представленным военными расчётам. Новое название, предложенное в память апостола Петра, также получило согласие государева правительства. Отныне в официальных росписях и переписке следовало употреблять его единообразно.

Меншиков прочёл этот пункт дважды.

— Санкт-Питербурх, — произнёс он.

Инженер, стоявший рядом, кивнул.

— Теперь можно и в книгах так писать.

— Можно, — согласился Меншиков. — Только смотри, чтобы под новым именем старые недостачи не потерялись.

Он передал письмо писарю и спросил о ходе работ.

На береговых проходах стало легче перевозить грунт и лес. Там, где прежде носилки вязли в воде, люди теперь проходили по доскам. Часть рабочих получила укрытия, но новые артели прибывали быстрее, чем удавалось их размещать. У одного из участков вала всё ещё не хватало дерева для укрепления основания.

Меншиков вышел посмотреть на него.

Вал поднимался, хотя медленнее, чем рассчитывали первоначально. Возле него стояли люди с лопатами; за их спинами дожидались разгрузки лодки с лесом.

— Когда брёвна подойдут, продолжать, — сказал Меншиков инженеру. — Пока пусть землю готовят на другом участке. И проверь, чтобы у пристани снова проход не размыло.

На этом разговор закончился.

Инженер пошёл к работникам, а Меншиков вернулся к остальным делам. Название уже разрешили употреблять в бумагах. Строителям от этого не прибавилось ни людей, ни сухого леса.

Федька впервые произнёс название крепости без запинки, когда ставил отметку на мешке с инструментами.

— Санкт-Питербурх, — прочитал он с новой деревянной дощечки, прибитой возле склада. — Вот ведь слово придумали.

Кузьма стоял рядом, проверяя выдачу.

— Привыкнешь.

— А если крепость достроят, нас домой отпустят?

— Не знаю.

Федька с сомнением посмотрел на него.

— Ты ж всё знаешь.

— Я знаю, сколько у нас лопат и сколько людей завтра выйдет. Когда тебя домой отпустят, мне не говорили.

Федька вздохнул.

— Тогда я лучше про лопаты спрашивать буду.

Он взял со стола список, поставил возле последней записи неровную отметку и отнёс бумагу старшему.

Кузьма вышел из склада.

Над островом поднимались земляные валы. Там, где недавно росли кусты, теперь лежали брёвна, стояли временные ограждения и двигались люди с носилками. По воде шли лодки, перевозившие лес, землю, продовольствие и инструменты.

Ни один вал ещё не выглядел законченным.

На ближайшем участке двое рабочих пытались вытащить из грязи застрявшую тачку. Колесо глубоко ушло в мокрый грунт; чем сильнее они тянули, тем больше оно погружалось.

Кузьма подошёл, велел принести короткую доску и подложил её под колесо.

Рабочие снова взялись за ручки.

Тачка сдвинулась.

Её вытолкнули на настил и повезли дальше, к месту, где поднимали очередной участок крепостного вала.

Глава 11. Чужие деньги

Июль 1703 года. Старая Ладога. Москва. Нева.
Даты — по старому стилю.

Ефим Панкратов узнал, что его возчики больше не повезут лес, когда на пристани уже грузили последние брёвна.

Его склады стояли ниже Старой Ладоги, на берегу Волхова. Отсюда груз можно было отправить к Ладожскому озеру, а затем, при благоприятной погоде, провести вдоль южного берега к истоку Невы. Дальнейший путь шёл вниз по реке, к новым русским укреплениям.

Сам Панкратов на озеро не выходил. Для перевозок он нанимал людей с подходящими судами, а лес свозил к пристани с окрестных делянок сухим путём. Именно этой частью дела шестой год заведовал Савелий.

Теперь он стоял возле помоста и требовал остановить погрузку.

Среди людей у помоста были и его возчики: закончив подвоз леса, они помогали грузить брёвна на суда.

— Я сказал, стойте!

Двое работников придержали толстую сосну, которую уже подкатили к краю. Третий, стоявший по колено в воде, упёрся багром в борт грузовой лодки. Дерево осталось лежать поперёк жердей, оставляя на них светлые полосы содранной коры.

— Чего орёшь? — спросил Панкратов.

Савелий снял шапку, встряхнул её и снова надел.

— Расчёт нужен, Ефим Данилыч.

— Вчера разговаривали.

— Вчера ты обещал к утру.

— Обещал, если деньги придут.

— Значит, обещал.

Панкратов спустился с крыльца амбара.

— Идём в контору.

— Я сюда за деньгами пришёл, не в конторе сидеть.

— Савелий.

Возчик посмотрел на него, потом на людей, оставшихся возле лодки.

— Ладно. Только бревно пусть назад скатят. Не надо его на половине пути оставлять.

Панкратов велел работникам освободить помост и пошёл к амбару. Савелий последовал за ним.

В конторе было прохладнее. Узкое окно выходило во двор, где лежали штабеля леса. На столе стояли счёты, чернильница и кружка, в которую ещё с утра никто не наливал воды. Под потолком висели высушенные образцы древесины: сосновые плашки разной толщины. Отец Ефима когда-то пользовался ими, показывая покупателям, за что берёт деньги.

Панкратов открыл книгу.

— За прошлые подводы тебе причитается столько-то. Верно?

Он назвал сумму.

— Верно.

— Часть получил?

— Получил.

— Остальное дам, когда казна рассчитается.

— А если она к зиме рассчитается?

— Не к зиме.

— Ты мне это ещё на Троицу говорил.

Панкратов поднял голову.

— Я тебе хоть однажды деньги присвоил?

— Нет.

— Обманул в счёте?

— Тоже нет.

— Тогда отчего стоишь, будто я тебя обокрал?

Савелий потёр ладонью шею.

— У меня две лошади за весну пали. За третью хозяину должен. Людям моим есть надо. Они же не государевы солдаты, чтоб казённый хлеб получать.

Панкратов закрыл книгу.

Савелий служил ему шестой год. Прежде они договаривались почти без споров: возчик знал лесные дороги, умел собрать людей и не бросал груз среди пути. Даже после неудачного весеннего рейса, когда телега ушла в размокшую колею и пришлось разгружать её прямо в лесу, он не стал требовать лишнего.

Теперь стоял напротив и смотрел так, будто давно решил уйти, но ещё надеялся услышать что-нибудь другое.

— Могу сегодня дать треть остатка, — предложил Панкратов. — Остальное после расчёта.

— За эти деньги я людей до следующей делянки доведу. А назад они пешком пойдут?

— Новые подводы отдельно оплатим.

— Чем?

Панкратов сжал губы.

На столе лежали расписки о принятом государевыми людьми лесе, записи перевозок и два других листа.

Один касался специально приготовленных брёвен. Их размеры были оговорены заранее, и купец обязался держать эту партию за казённым заказчиком. Отправка через Ладогу предусматривалась после выдачи условленного задатка на перевозку.

Второй лист содержал перечень обычного соснового леса, который Панкратов предлагал продать для дальнейших невских работ. По нему ещё не согласовали ни окончательного количества, ни цены, ни срока доставки.

Разница между бумагами была существенной, но для Савелия всё выглядело проще: лошади, люди и заработанные деньги.

— Дай мне неделю, — сказал Панкратов.

Савелий покачал головой.

— Не могу.

— Сколько тебе нужно сейчас, чтоб людей удержать?

Возчик назвал сумму.

Она оказалась почти вдвое больше той, которую Ефим мог безболезненно вынуть из оборота.

— Я не отказываюсь от дороги, — сказал Савелий. — Ты хороший хозяин, Ефим Данилыч. Только я тоже не один живу.

— Понимаю.

— Тогда прости. Пока не рассчитаемся, новых подвод не поведу.

Панкратов некоторое время смотрел на него. Хотел напомнить, как выручал Савелия после пожара, когда у того сгорел двор. Как помогал купить лошадей, как не потребовал обратно долг в неурожайный год.

Всё это было правдой.

Но теперь Савелий просил не подарка, а заработанного.

— Забирай треть, — сказал Ефим. — Остальное за мной. За старые подводы отвечаю.

Савелий поклонился.

— Благодарствую.

— И людей не переманивай от меня назло.

Возчик даже обиделся.

— Да я за новой работой пришёл бы, коли заплатишь. Чего мне тебя менять? Дорогу новую узнавать, с другим хозяином торговаться?

Он вышел, оставив дверь приоткрытой.

Панкратов досчитал деньги, положил их в полотняный мешочек и передал приказчику.

— Савелию отдай. По книге проведи. И пусть распишется.

— А лес?

— Тот, что уже у воды, погрузим, коли перевозчик согласится. На особый заказ пока не трогать. Задатка нет.

— А обычный?

— Подождёт.

Приказчик посмотрел в окно.

— На Неве лес срочно нужен. Из войска третьего дня человек приезжал, сказывал, взыщут за задержку.

— За какую задержку?

— Так говорил.

— По заказу с условленным задатком мы срок отправки не нарушили. А на обычный лес они ещё не согласились. Имя того человека записал?

— Нет.

— В следующий раз запиши. И спроси, по какой бумаге взыскивать намерен.

Приказчик невольно усмехнулся.

Панкратов усмешки не разделил.

На дворе лежал лес, на который он истратил почти всё, что заработал прошлой зимой. Часть брёвен уже обтесали по указанным размерам. Отдать их другому покупателю значило бы нарушить принятое обязательство, даже если казна задерживала задаток. Их следовало хранить и отдельно добиваться расчёта либо законного освобождения от дальнейшей поставки.

Но обычный торговый лес Ефим не обещал никому.

Он обошёл штабеля, проверил бирки и велел приказчику составить перечень свободного запаса.

К полудню решил ехать в Москву сам.

Путь предстоял неблизкий. Сначала нужно было добраться до Новгорода, затем идти большой дорогой через Тверь. Даже при исправных лошадях за день такое расстояние не одолеть.

Панкратов взял копии расписок, записи о задержанном задатке и торговую книгу. Управление складами оставил приказчику, особо предупредив, чтобы тот не смешивал приготовленный по заказу лес со свободным.

— И на Ладогу ничего нового без меня не отправляй, — добавил он. — Ветер там не наш приказчик. Платить за потерянный груз опять придётся нам.

Птицыну принесли две росписи одновременно.

Одну — на содержание людей, занятых военной службой и необходимыми работами. Другую — на подтверждённые поставки леса и перевозки к Неве. Часть сроков по обеим уже наступила, а часть наступала в ближайшие недели.

Он пересчитал свободный остаток, сравнил с предъявленными обязательствами и попросил подьячего ещё раз проверить, нет ли денег, записанных дважды.

Подьячий вернулся с тремя книгами.

— Нет, Иван Иванович. Всё верно.

— Тогда отчего в последней сводке остаток больше?

— Туда внесли деньги, назначенные на другие выдачи. Они в сохранении ещё лежат, вот их и посчитали.

Птицын отложил перо.

— Кто посчитал?

Подьячий назвал человека.

— Он считал то, что имеется, — добавил он. — Не то, чем распоряжаться можно.

Птицын подвинул к себе сводку.

— Перепиши, — сказал он. — И впредь назначенные деньги свободным остатком не показывать.

— Так сумма совсем мала выйдет.

— Она от твоей записи больше не станет.

Подьячий вздохнул и взял лист.

Через некоторое время пришёл служитель с сообщением, что прибывший из Старой Ладоги купец Панкратов просит приёма.

— Когда приехал?

— Вчера вечером. Сегодня с утра ждёт.

Птицын взглянул на приложенное прошение. В нём стояли знакомые суммы за уже принятый лес и отдельное требование задатка, без которого следующую подготовленную партию нельзя было отправить к Неве.

— Пусть войдёт.

Ефим Панкратов явился в добротном, но уже поношенном кафтане. Дорожная пыль ещё оставалась в складках одежды. Он поклонился и положил перед Птицыным пачку бумаг.

— Иван Иванович, я не за новой милостью пришёл.

— Вижу. Ваши прежние прошения у меня.

— Тогда ещё одного не понадобится, если сегодня ответ получу.

Птицын предложил сесть.

Панкратов остался стоять.

— Мне срок нужен.

— По принятому лесу долг подтверждён. Выплата будет по мере поступления средств.

— Это мне уже сказали.

— Другого ответа пока нет.

Панкратов достал ещё один лист.

— Я прошлые перевозки собственными деньгами вёл. Лес на Неве приняли, расписки при мне. Работники свою долю требуют. Возчики половину взяли, остальное ждать не могут. А особую партию я приготовил и держу за государевым заказчиком. Задатка на перевозку не дали. Мне ещё сколько её хранить?

Птицын раскрыл соглашение.

— Здесь сказано, что до выдачи задатка груз не отправляется.

— Так и есть. Я не отправил.

— Но и другому продать эту партию вы не вправе без разрешения дела.

— И не продаю.

Купец наконец сел. Под глазами у него виднелись тёмные полукружья.

— Иван Иванович, я ведь не спорю, что государству лес нужен. Видел, какие списки присылали. Там и сваи, и брёвна под настилы, и крепёжный лес. Только люди, которые на меня работают, тоже задаром не ходят.

— Понимаю.

— Вот я им и говорю: потерпите, государево дело. Они терпят. Потом приходит новый срок, а денег опять нет. Сколько раз мне это повторить?

— Я не могу назначить вам деньги, которых нет в свободной выдаче.

— Так скажите, что нет. Не велите ждать завтра.

Птицын внимательно посмотрел на него.

Тот говорил негромко. Не пытался напугать, не ссылался на знакомых в приказах. Ему нужна была определённость — хотя бы такая, после которой придётся признать, что прибыльная сделка не состоится.

— Завтра полного расчёта не будет, — сказал Птицын.

Панкратов коротко кивнул.

— Вот теперь ясно.

Он придвинул два листа.

— По первому прошу долг не снимать. По второму — либо дать задаток, либо письменно решить, что делать с приготовленным лесом. А новый обычный запас, на который вы только цены спрашивали, я буду продавать, коли найдётся покупатель.

— На Неве рассчитывают и на этот лес.

— Я рассчитывал, что государевы люди назовут цену и срок прежде, чем станут на него рассчитывать.

Птицын не возразил.

Он разделил бумаги на три стопки: уже принятое казной, приготовленное по определённому заказу и свободный запас.

— Первую передам к расчёту. По второй требуется решение об исполнении обязательства и задатке. По третьей казна пока не приобрела права требовать поставку. Сколько обычного леса у вас на складе?

Панкратов назвал приблизительное количество.

— Часть могу оставить для нового торга, — добавил он. — Но держать всё до осени не стану.

Птицын записал.

— Передам правительнице.

Панкратов поднялся.

— Не хочу, Иван Иванович, с казной ссориться. Но на чужие деньги работать у меня больше не выходит.

Когда он ушёл, Птицын вернулся к росписям.

Три стопки на столе требовали разных решений. Деньги за принятую древесину казна уже задолжала. Приготовленную партию следовало либо обеспечить оговорённым задатком, либо согласованно разрешить её дальнейшую судьбу. Свободный товар купец мог продать, не спрашивая никого.

Птицын велел принести чистый лист для доклада.

Панкратов задержался в Москве ещё на два дня.

Он рассчитывал получить ответ быстрее, но Птицын не обещал ему немедленного решения. За время ожидания Ефим успел встретиться с купцом, которому прошлой зимой продавал доски для амбаров. Тот стоял под навесом возле торгового ряда и проверял привезённое железо.

— Ефим Данилыч! — окликнул знакомый. — Живой ещё? А то тебя государева стройка, говорят, совсем проглотила.

— Не дождётся.

— Лесу много набрал?

— Хватает.

— Тогда отчего мрачный?

Панкратов рассказал лишь то, что счёл нужным: деньги за принятую поставку задерживают, следующую подготовленную партию без задатка отправить нельзя. Обычного же леса у него осталось достаточно, чтобы предложить другому покупателю.

Купец выслушал.

— Мне как раз на новые амбары требуется.

— Сосна прямая, — сказал Панкратов. — Есть длинные стволы. Но часть под особым заказом, её не продаю.

— А остальное?

Ефим назвал размеры и приблизительное количество.

Собеседник прикинул, на какие работы древесина годится. Весь объём он взять не мог.

— За треть заплачу сразу, — сказал он. — Остальное могу после осенних торгов.

— Мне сразу надо.

— Тогда цену уступай.

Панкратов назвал другую.

Купец рассмеялся.

— Ефим, да ты будто не продаёшь, а выручаешь меня из беды.

— Я хороший лес предлагаю.

— Хороший. Только он у тебя лежит, а деньги нужны тебе. Не мне.

Панкратов посмотрел на телеги.

Ни один из них не делал вид, будто не понимает положения другого.

— Давай товар посмотрим, — предложил он. — Если годится тебе, договоримся.

— А далеко смотреть?

— Ниже Старой Ладоги, на Волхове.

Покупатель поморщился.

— Это мне ехать, потом людей туда посылать, а после лес везти обратно к своим амбарам. За дорогу тоже платить.

— Лес у меня не на московской улице лежит, — заметил Ефим.

— Потому и цену называю такую.

Они договорились, что покупатель отправит доверенного плотника и приказчика для осмотра. Сам он поедет позже, если товар окажется подходящим.

— А государевы люди не потребуют лес обратно? — спросил он.

— Тот, что приготовлен по определённому заказу, я тебе и не предлагаю. Вот его пусть требуют по условиям. Остальной ещё никому не продан.

Покупатель кивнул.

— Тогда своих людей пошлю.

Они условились, как передать письмо, чтобы приказчик Панкратова знал, какие штабеля показывать.

Когда Ефим вышел на улицу, дождь уже перестал. Над крышами поднимался пар, телеги глубоко вязли в размокшей дороге. У торгового ряда двое работников вытаскивали колесо из колеи, а прохожие обходили их по самому краю настила.

Панкратов нашёл своего возницу.

— Завтра обратно собираемся.

— В приказе как?

— Пока никак.

Возница кивнул, не спрашивая больше.

Панкратов сел в телегу. Он несколько дней добирался до Москвы ради разговора, который занял меньше часа, и теперь предстояло проделать ту же дорогу обратно.

Евдокия принимала Птицына после обеда.

В комнату из сада проникал запах мокрой липы. После дождя окна открыли настежь, и ветер время от времени переворачивал край лежавшего возле чернильницы листа.

Василиса слушала сведения о денежных выдачах, почти не заглядывая в принесённые книги.

— Сколько Панкратову должны?

Птицын назвал сумму за уже принятый лес.

— Долг признан?

— Да. Приёмные записи имеются. По следующей подготовленной партии положение иное: купец обязался её приготовить, казна — выдать задаток перед отправкой через Ладогу. Лес у него на складе, задатка до сих пор не было.

— Может продать его другому?

— Самовольно не должен. И не намерен. Просит либо выполнить условие, либо отдельно решить, на каком основании освободить его от дальнейшей поставки.

— А прочий лес?

— Это свободный запас. По нему только узнавали количество и цену. Нового обязательства не заключали.

Евдокия прошлась от стола к окну.

— Если сейчас дадим задаток, он сможет отправить особую партию?

— При найме судов и подходящей погоде. Но прежний долг при этом останется, а купцу ещё придётся искать людей для доставки.

— И сколько недостаёт для расчёта по всем обязательствам?

Птицын показал сводку.

На первый взгляд сумма казалась небольшой по сравнению с общими военными расходами. Но стоило её прибавить к уже назначенным выплатам, как свободного остатка не хватало.

— Если полностью рассчитаемся с Панкратовым и обеспечим отправку подготовленного леса, задержим выдачи людям, которые уже находятся на службе, — сказал Птицын. — Там и продовольственные поставки, и часть денежного содержания. Не все получатели станут ждать, пока мы найдём новый доход.

— А если не рассчитаемся?

— Купец перестанет предлагать свободный лес на Неву. По подготовленной партии потребуется отдельная договорённость. Пока её нет, ни мы не получим древесину, ни он не сможет ею распорядиться. На строительстве задержатся работы.

— Иными словами, в обоих случаях казна потеряет.

— Да, государыня. Только потери будут разные.

Василиса вернулась к столу.

— Панкратов сколько лет поставляет?

— Несколько. Прежние расчёты проходили без тяжёлых споров.

— Надёжен?

— По товару больших претензий не было. Насколько знаю, купец дорожит добрым именем.

— Значит, такого терять особенно не хочется.

— Не хочется.

— Иван Иванович, вы сами что предлагаете?

— Не оставлять людей, уже служащих, без необходимого содержания. Панкратову выдать возможную часть долга и признать остаток. По подготовленному лесу предложить ему отсрочку с определённым сроком для нового решения. Если он не согласится, придётся договариваться об освобождении от поставки и о расходах на подготовку, которые действительно были предусмотрены условиями.

— А если он откажется ждать?

— Будем решать по письменному обязательству. Но насильно заставить его заключить ещё одну сделку по свободному лесу мы всё равно не сможем.

Евдокия взяла лист с перечнем выплат.

— Сначала обеспечить уже служащих и необходимые поставки продовольствия. По принятому лесу — частичный расчёт и письменное подтверждение остатка долга. По подготовленной партии — предложить купцу новый срок для задатка. Если не согласится, пусть Птицын с Головиным определят условия прекращения обязательства, не выдавая наш отказ платить за его вину.

— На Неве будет недовольство.

— Будет. И справедливо.

Она отложила бумагу.

— А свободный лес пусть продаёт, если найдёт покупателя. Мы ещё можем предложить ему цену, но требовать поставки без договора не вправе.

Птицын приготовился сделать запись.

— И не обещайте снова денег к завтрашнему дню, — добавила Василиса. — Назовём срок, когда будем знать, откуда их взять.

Он поклонился.

— Исполню.

— Передайте Головину, что потребуется искать других поставщиков. Но прежде пусть выяснят, что у Панкратова останется и на каких условиях он согласится продолжить торговлю.

Она ещё раз посмотрела на невскую роспись.

— И узнайте, на каких именно работах скажется непоставка. Не вообще «строительство задержится», а где не будет леса.

Птицын закрыл книгу.

— Потребуем сведения с места.

Когда он ушёл, Василиса вынула из общей стопки прежнее донесение о невских работах.

Его прислали до нынешнего разговора, когда ожидавшийся лес ещё числился среди ближайших поступлений.

На полях кто-то отметил место, где хотели закончить укрепление берега.

Василиса положила донесение рядом с новым распоряжением. Затем попросила Мавру принести свечу: стемнело раньше обычного, а ей ещё предстояло написать Шереметеву о задержке.

Ответ из Москвы дошёл до складов Панкратова уже после его возвращения.

Приказчик принёс письмо, когда Ефим вместе с плотником осматривал лес, отложенный для особой партии. Два ствола показались мастеру слишком кривыми для требуемого назначения, и их велели заменить, прежде чем окончательно закреплять перечень.

Панкратов снял перчатку, развернул бумагу и прочёл её прямо возле штабеля.

По принятому ранее лесу обещали частичный расчёт и признавали остаток долга. По приготовленной партии предлагали новый срок выдачи задатка. До его наступления лес следовало сохранить за казённым заказчиком, а возможность отказа одной из сторон от дальнейшего исполнения предполагалось определить отдельным соглашением.

— Значит, держать велят, — сказал приказчик.

— Предлагают держать.

— А мы?

Панкратов снова перечитал срок.

Он был позднее, чем Ефим рассчитывал, но теперь хотя бы существовал на бумаге.

— Заказную партию сохраним до указанного дня. Из неё ничего не продавать. По старому долгу требование остаётся. А обычный запас показывать покупателю.

— Ежели новый купец весь заберёт?

— Весь свободный не возьмёт. У него амбары строятся, не крепость.

Ефим вернулся к осмотру леса.

Через несколько дней прибыли доверенные люди московского покупателя. Они проверяли брёвна долго, придирчиво, дважды пересчитали лучшие стволы. Один из них забраковал несколько деревьев, на которых заметил сильную кривизну.

Панкратов спорил о цене, но не заставлял их брать негодное. Покупателю требовался определённый лес, и спорить с плотником о том, прямая ли сосна, было бессмысленно.

Затем приехал сам купец, осмотрел приготовленное и подтвердил готовность купить часть товара с немедленной платой.

— За остальное после осенних торгов дам, — предложил он.

— За остальное тогда и поговорим, — ответил Панкратов. — Сейчас продаю только то, что оплатишь.

Торг затянулся до вечера.

Первоначальную цену Ефим не удержал. Но когда покупатель потребовал уступить ещё, сказал, что лучше оставит лес лежать.

— Ты ведь за деньгами спешишь, — напомнил знакомый.

— Спешу. Не настолько, чтоб всякую цену принимать.

Договорились на меньшей партии и определённой сумме, которую выдали сразу, при свидетелях.

Панкратов пересчитал деньги и распорядился начать погрузку на нанятые покупателем суда. Для этого лес не требовалось вести к Неве: новая партия предназначалась для хозяйственных строений в другом месте, и покупатель сам отвечал за дальнейшую перевозку.

Приказчик принёс деревянные бирки, которыми помечали штабеля.

На части свободного леса ещё стоял старый знак, означавший предполагаемую отправку на невские работы. Панкратов велел использовать его весной, чтобы не путать партии, пока шли переговоры с казёнными заказчиками.

Теперь требовалось отделить действительно обещанное государству от того, что так и осталось торговым запасом.

— Эти не трогать, — сказал Ефим, указывая на обтёсанные брёвна особого заказа. — Там старые отметки оставляем. И принятого леса в списках продажи быть не должно — он давно отправлен, за него нам должны.

Приказчик кивнул.

Обычные стволы пересчитали по новой росписи. Панкратов прошёл вдоль ряда, проверил знаки и только тогда разрешил снять старые бирки.

— А Савелия звать? — спросил приказчик. — Он ведь дорогу от делянок знает.

— Савелию сперва остаток отдайте. После спросим, возьмётся ли за новые подводы.

— Он теперь, поди, цену поднимет.

— Имеет право.

Панкратов снял с ближайшего бревна последнюю старую бирку.

Дерево под ней осталось светлее остальной коры.

На Неве о задержке узнали прежде, чем туда могла прийти новая большая партия леса.

Сообщение отправили из Москвы отдельно от грузов. До невских укреплений его доставили через промежуточных гонцов; перевозка древесины требовала совсем другого времени. Брёвна с Волхова ещё предстояло провести к Ладоге, дождаться погоды для озёрного перехода и только потом спустить вниз по Неве. Ветер на озере мог задержать суда на несколько дней, а иногда заставлял перевозчиков искать укрытие у берега.

Кузьма получил известие от человека, ведавшего поставками.

Тот приехал на пристань, достал письмо и попросил показать, сколько древесины осталось на складе.

Они прошли вдоль штабеля.

После июньских работ запаса стало заметно меньше. Большую часть хорошего леса уже распределили: под укрепление основания, временные пристани и проходы, по которым доставляли землю. Оставшиеся брёвна не всякому делу подходили.

— А большая партия когда? — спросил Кузьма.

— Не знаю.

— Раньше к этим дням обещали.

— Теперь не обещают. Часть прежнего груза ещё в пути. А нового свободного леса купец не отправит без отдельного расчёта.

Кузьма взял выписку.

— Значит, придёт только то, что уже погрузили?

— Если Ладога пропустит.

— А дальше?

— Будут искать других поставщиков.

Кузьма сложил бумагу.

За его спиной люди выгружали мешки с известью. Возле другой лодки спорили, кому прежде получать железные скобы. На дальнем участке стучали топоры: там ещё оставался материал, заготовленный с прежней поставки.

Работа не остановилась.

Кузьма отправился к старшему мастеровому.

Тот выслушал и потребовал показать, какой лес имеется в действительности. Они вместе обошли склад, сверили отметки на штабелях и прикинули, сколько можно снять со вспомогательных работ.

— Если отсюда заберём, — сказал мастер, — проход к пристани не закончим.

— А если не заберём, участок вала останется без основания.

— Сам знаю.

Они стояли перед кучей коротких брёвен, пригодных для временного настила, но слишком слабых для другого назначения.

— С людей спросить будут, — сказал мастер. — Отчего работа не идёт.

— Скажем.

— Ты всё сказать собираешься. А чем строить?

Кузьма не ответил.

Мастер посмотрел на него и уже спокойнее добавил:

— Пойдём людей распределять. Пока есть чем заняться, пусть работают.

К вечеру выяснилось, что на одном участке можно продолжать, а на другом придётся ждать доставки.

Двое подёнщиков подошли к Кузьме после расчёта.

— Нас завтра сюда ставят? — спросил старший.

— Пока нет.

— А куда?

— К дальнему складу людей просят. Там разгружать будут.

— На сколько дней?

— Не знаю. Может, на несколько. Может, меньше.

Подёнщик выругался, но без особой злости. Он уже слышал о задержке.

— Я тогда к другой пристани пойду. Там купцы грузчиков нанимают.

— Ступай, коли работа есть.

— А если у вас лес придёт?

— Сообщу, если найду тебя.

Мужчина кивнул и ушёл собирать вещи.

Его товарищ остался. Он рассчитывал, что деньги за следующую неделю всё-таки заработает, пусть на другом участке. У него болела нога после давней травмы, и таскать тяжёлые мешки он мог не каждый день.

Кузьма отправил его к человеку, распределявшему более лёгкую работу при складе. Взять туда обещали только одного.

Через несколько дней пришёл остаток ранее отправленного леса.

Работники встретили его без особенной радости. По прежним сведениям ожидали гораздо больше. Сначала разгрузили брёвна, потом стали выяснять, куда их направить.

Мастер велел продолжать основание у ближайшего участка.

— А второй? — спросил Кузьма.

— Ждать будет.

— Там землю уже приготовили.

— Вот и прикройте, чтоб дождём не размыло.

Кузьма взял двоих работников и пошёл к оставленной насыпи.

Грунт лежал на частично подготовленном деревянном основании. Сверху его прикрывали досками и полотном, но ветер уже оторвал один край. Рабочие подтащили несколько коротких жердей, которые не подходили для укрепления вала.

— С этой стороны начнём? — спросил один.

— С той, что к реке. Там сильнее тянет.

Они натянули полотно и прижали его досками.

Пока закрепляли последний край, ветер поднял противоположный. Ткань вздулась, вырвалась из-под доски и обнажила мокрую землю.

Один из рабочих бросился наверх, но Кузьма остановил его:

— Не лезь! Откос уже размыло. Снизу подадим.

Они подперли покрытие жердью и снова прижали край. Полотно перестало хлопать.

Однако возле основания уже образовалась промоина. Куски мокрой земли сползали с откоса, оголяя место, где должны были уложить следующие брёвна.

Кузьма поставил жердь на место и позвал рабочих принести лопаты.

Глава 12. Без сухого места

Июль – август 1703 года. Нева.

Даты – по старому стилю.

Кузьма искал Андрея с самого утра.

Вчера они вместе разгружали лодку, а вечером Андрей обещал прийти пораньше: предстояло перетаскать мешки с известью, пока не началась обычная толкотня у пристани. Теперь мешки лежали под мокрой парусиной, старший ругался на недостаток людей, а Андрея нигде не было.

— Может, ушёл на другую работу? – предположил Федька.

— Вчера не собирался.

— Вчера он и не кашлял так.

Кузьма повернулся.

— Как?

— Всю ночь. Через два места от меня лежал, я слышал. Утром вставал, да снова лёг.

Федька показал на длинный навес возле берега. Его поставили ещё в начале строительства, когда рабочие ночевали прямо под открытым небом. Теперь там помещалось больше двадцати человек. По краям навеса земля была утоптана до твёрдости, а посередине после каждого дождя оставались лужи.

Кузьма отогнул полог.

Внутри пахло мокрой шерстью, немытыми телами и кислым хлебом. Свет проникал через щели между досками и отверстие у входа. Над лежанками висела одежда, которая за ночь не успела высохнуть.

Андрей лежал у дальней стены. Под голову он подложил сложенный кафтан, ноги укрыл старым мешком. Рядом стояла деревянная миска с недоеденной кашей.

— Ты чего не вышел? – спросил Кузьма.

Андрей открыл глаза.

— Сейчас выйду.

Он попытался приподняться, но тут же закашлялся. Кашель шёл глубоко, с усилием; после него человек долго лежал, ловя ртом воздух.

Кузьма присел рядом.

— Давно так?

— Ничего. Продуло малость.

— Сколько дней?

Андрей отвернулся.

— Почитай, с прошлой недели.

Кузьма тронул его за плечо и почувствовал жар даже сквозь рубаху.

— К Матвею пойдём.

— Не пойду.

— Почему?

— Он с работы снимет.

— Ты и так на неё не вышел.

Андрей раздражённо дёрнул мешок.

— Сегодня не вышел. Завтра могу.

— Ты сейчас подняться не можешь.

— Поднимусь.

Он упёрся локтем в лежанку. Кузьма придержал его, когда тот зашатался. Андрей сел, свесил ноги и несколько мгновений смотрел в пол. Потом попросил воды.

Кузьма подал кружку.

Руки у Андрея дрожали так сильно, что вода пролилась на рубаху.

— Ложись, – сказал Кузьма. – Я Матвея приведу.

— Старшему скажешь, что заболел?

— Скажу.

Андрей поднял голову.

— Тогда моё место другому отдадут.

Кузьма не ответил.

Он знал, что человек боится не напрасно. За последние дни часть работ остановилась из-за задержанного леса. Людей переводили с одного участка на другой, и не для каждого находилось место. Тому, кто не мог поднять носилки, никто не обещал платы за ожидание.

— Сначала разберёмся с твоим жаром, – сказал он.

Андрей закрыл глаза.

Кузьма вышел, попросил Федьку не уходить далеко и отправился искать Матвея.

Матвей осматривал рану на руке у солдата, когда Кузьма пришёл за ним.

Солдат сидел на перевёрнутой бочке и держал руку над тазом. Кожа возле пореза распухла, из-под повязки проступала мутная жидкость. Матвей осторожно снимал присохшее полотно, смачивая его тёплой водой.

— Жди, – сказал он Кузьме, не поднимая головы.

— Там человек горячий весь.

— Здесь тоже не холодный.

Кузьма отошёл к стене.

Матвей закончил перевязку, велел солдату не работать повреждённой рукой и потребовал явиться на следующий день. Тот спросил, можно ли хотя бы помогать при карауле.

— Пальцы сгибаются?

Солдат попробовал.

Лицо его перекосилось.

— Вот когда сможешь без такой рожи, тогда и поговорим.

Матвей вымыл руки, вытер их чистым полотном и взял небольшую сумку с необходимыми принадлежностями.

— Теперь показывай своего.

Кузьма рассказал по дороге, где лежит Андрей и как долго тот кашляет.

— Жар сильный?

— Я не мерил. Рукой тронул – горячий.

— А дышит?

— Тяжело.

Матвей ускорил шаг.

У навеса им пришлось пригнуться, чтобы пройти под низкой перекладиной. Андрей лежал на прежнем месте, но теперь рядом с ним сидел Федька, держа кружку.

Матвей опустился возле больного, расспросил, давно ли начался кашель, болит ли грудь, есть ли озноб и удаётся ли пить. Затем прислушался к дыханию, приблизив ухо к груди, проверил пульс и попросил Андрея немного повернуться.

Больной застонал.

— Глубже вдохни.

Андрей попытался, но закашлялся.

Матвей подождал, пока приступ утихнет.

— Кровь при кашле была?

— Нет.

— А ночью потеешь?

— Бывает.

— Есть можешь?

— Не хочется.

Матвей поднял край мешка, которым были укрыты ноги.

Под ним всё оказалось влажным.

— Кто здесь за подстилки отвечает?

Федька пожал плечами.

— Сами кладём, что найдём.

Матвей посмотрел на Кузьму.

— Увести надо. Здесь ему хуже будет.

— Куда?

— В сухое место.

Кузьма оглядел навес.

— Ежели найдёшь, покажи.

Матвей ничего не ответил.

Он обошёл остальных лежавших. Один работник жаловался на боль в животе, другой кашлял почти так же, как Андрей. У третьего была незажившая рана на ноге, и он не хотел снимать повязку, потому что запасной у него не имелось.

— Они все здесь ночуют? – спросил Матвей.

— Кто здесь, кто в соседнем навесе, – ответил Федька.

— А больных отдельно кладут?

— Где место найдётся.

Матвей открыл сумку, достал чистое полотно и велел Андрею пока оставаться в покое. Затем попросил Кузьму найти людей, которые помогут перенести больного.

— Куда понесём?

— Сперва посмотрим, что имеется. У меня ещё двое лежат возле лекарского помощника. Там места почти не осталось.

Матвей встал.

У выхода его остановил Андрей.

— Я долго лежать буду?

— Пока не сможешь дышать и ходить без такого труда.

— А сколько?

— Не знаю.

Больной отвернулся к стене.

Марфа встретила Матвея у помещения, которое они использовали для перевязок.

Это была тесная пристройка при одном из складов. Внутри стояли две лежанки, стол, несколько корзин с полотном и маленький очаг, у которого грели воду. Во время сильного дождя с крыши капало возле двери, но дальний угол оставался сухим.

Теперь обе лежанки были заняты.

На одной лежал солдат с воспалённой раной. На другой – работник, которого накануне принесли после тяжёлого приступа лихорадки. Марфа сидела возле него и осторожно подносила кружку к губам.

— Ещё одного нашли, – сказал Матвей.

Марфа посмотрела на Кузьму.

— Сколько их там?

— В одном навесе трое плохи. Остальные жалуются, да ходят пока.

— А здесь уже двое.

Она помогла больному выпить, поставила кружку и поднялась.

— Места нет.

— Знаю, – ответил Матвей.

— И полотна почти нет. Вчера последнее чистое на перевязки пустили. Остальное стирают, а сушить негде.

Матвей открыл корзину.

Несколько свёртков действительно оставались влажными.

— Это не годится.

— А другого нет.

Марфа говорила ровно, но Кузьма заметил, как она устало опёрлась ладонью о край стола.

Они знали друг друга давно. Марфа не любила жаловаться и редко просила помощи, пока могла справиться сама. Теперь она даже не пыталась делать вид, будто всё устроено удовлетворительно.

— Надо определить, кого сюда класть, – сказала она. – С ранами одних, с горячкой других. Иначе ни перевязать толком, ни напоить. У одного всю ночь кашель, второй из-за него не спит. А третий рядом стонет, потому что ногу повернуть боится.

Матвей подошёл к лежанке солдата.

— Рану снова посмотрим вечером.

— Посмотрим. Только куда нового принесут?

— Поищем место.

— И вчера искали.

Матвей взглянул на неё.

— Марфа.

— Что?

— Я слышу.

Она замолчала.

Кузьма стоял возле двери, чувствуя себя лишним. Ему хотелось предложить что-нибудь полезное: ещё одну лежанку, дрова, сухие рубахи. Но лежанку некуда было поставить, дрова горели плохо, а рубахи, которые люди приносили стирать, оставались мокрыми по два дня.

— Есть склад на высоком берегу, – сказал он.

Матвей обернулся.

— Какой?

— Где инструмент держат. Там крыша хорошая. И пол сухой.

Марфа посмотрела на него.

— Далеко?

— Отсюда через пристань, потом вверх.

— Корнеев там за имущество отвечает, – вспомнил Матвей.

— У него и спросим.

Матвей взял сумку.

— Пойдём.

Марфа задержала его у двери.

— Только не обещай мне весь склад. Хоть одну сухую комнату добудь.

Матвей кивнул.

Они с Кузьмой вышли наружу.

За пристройкой стояли люди с носилками. Один работник присел на землю и растирал ладонями виски. Старший окликнул его, велел вставать, но тот попросил минуту передышки.

Матвей остановился.

— Чего с тобой?

— Голова кружится.

— Ел сегодня?

— Хлеба кусок.

Матвей попросил его подняться.

Человек встал, сделал шаг и вдруг осел на колени. Носилки упали рядом, рассыпав сырую землю.

Кузьма подхватил его под мышки.

— Давно тебе худо?

Работник попытался ответить, но только сглотнул.

Матвей велел отнести его в тень и дать воды понемногу. Затем повернулся к старшему.

— Сегодня на работу не ставь.

— А кто носилки возьмёт?

— Другой.

— Другого нет.

Матвей посмотрел на лежавшего человека.

— Этого тоже нет.

Старший отвернулся.

Когда больного устроили под навесом, Матвей продолжил путь.

Он уже видел, что новое помещение потребуется не одному Андрею.

Корнеева нашли возле речного склада.

После майского боя ему поручили надзор за несколькими переправами, закреплёнными за ними лодками и запасом инструментов для их починки. Он по-прежнему выходил на реку, когда требовалось проверить подходы, но теперь отвечал также за то, чтобы лодки не простаивали из-за отсутствующей пилы или разбитой уключины. Склад на высоком берегу относился именно к этому хозяйству, а не ко всем строительным запасам на Неве.

В тот день Корнеев проверял имущество, которое собирались выдать для ремонта двух лодок и повреждённого помоста.

— Мне этот тесак не годится, – говорил плотник, показывая лезвие. – Им дерево рубить, так скорее руку отобьёшь.

Корнеев взял инструмент, осмотрел выбитую кромку.

— Другой дадим. Этот точить.

Он передал тесак кладовщику и только тогда заметил Матвея.

— Ты по делу?

— По больным.

— Что случилось?

Матвей объяснил, сколько людей уже нуждается в уходе и почему помещение для перевязок больше не вмещает новых.

— Есть у тебя пустое строение на высоком берегу?

Корнеев сразу понял, о каком складе речь.

— Не пустое. Там инструмент.

— Кузьма сказал, крыша хорошая.

— Хорошая. Потому и храним там то, что нельзя мочить.

— А людей можно?

Корнеев посмотрел на него.

— Матвей, ты ведь понимаешь, что спрашиваешь?

— Понимаю.

— У меня там пилы, топоры, свёрла, железо, часть запасного крепежа. Перенести всё под дождь – через неделю половину чинить придётся. Что не заржавеет, то потеряют.

— А у меня человек задыхается в сыром навесе.

— И если лодки останутся без починки, другой человек утонет на переправе.

Матвей не стал возражать сразу.

Он знал, что Корнеев не преувеличивает. На реке уже теряли лодки из-за плохого ремонта и неумелой погрузки. Но сейчас ему требовалось место, где больные могли лежать без воды под спиной.

— Покажи хотя бы, что там имеется, – попросил он.

Корнеев некоторое время смотрел на него, затем отдал кладовщику последние указания.

— Идём.

Склад стоял на небольшом возвышении, достаточно далеко от воды, чтобы весенний разлив не добрался до пола. Построили его из толстых брёвен, с плотной крышей и узкими окнами. Внутри пахло сухим деревом, смолой и железом.

Кузьма распахнул дверь.

Свет упал на аккуратно сложенные ящики, связки инструмента и несколько бочек с крепежом. Вдоль одной стены оставался проход, достаточно широкий, чтобы пронести длинную доску.

— Вот здесь лежанки поставить можно, – сказал Матвей.

Корнеев покачал головой.

— Здесь утром имущество выдают. И вечером принимают обратно.

— Тогда вдоль другой стены.

Там стояли ящики с металлическими принадлежностями. Перенести их было можно, но некуда.

— А дальняя половина? – спросил Кузьма.

Корнеев открыл внутреннюю дверь.

В небольшой комнате хранились запасные инструменты, которые редко выдавали одновременно. Место было сухим, хотя окно выходило почти под самый край крыши.

Матвей осмотрел пол, коснулся стены возле окна и попросил открыть ставню.

— Сюда хотя бы двоих можно перенести.

— Двоих, – подтвердил Корнеев. – Но остальное имущество придётся куда-то поставить. И проход между ящиками нельзя закрывать.

— Начнём с двоих.

Корнеев не ответил.

Снаружи стукнул гром.

Он посмотрел на потолочные балки, на сухой пол, потом на Матвея.

— До завтра могу дать дальнюю комнату, если уберёте ящики и оставите доступ к запасам. Дальше посмотрим.

— Спасибо.

— Пока не за что. Очагов внутри не устраивать. Воду грейте в другом месте.

— Будем приносить.

— И носилки через главный проход не таскать, когда люди имущество получают.

Матвей согласился.

Корнеев велел кладовщику выделить двух солдат для переноса ящиков. Кузьма вызвался помогать.

Через час дальняя комната была освобождена настолько, чтобы поставить две лежанки. Но теперь часть инструмента стояла в проходе между основными штабелями, а двери приходилось закрывать осторожно, чтобы не задевать выступающие рукояти.

Первым перенесли Андрея.

Дорога далась ему тяжело. После нескольких шагов он уже не мог идти, и работники уложили его на полотнище, закреплённое между двумя жердями. Когда носилки поднимали на берег, Андрей попросил остановиться. Кашель не давал ему вдохнуть, и Матвею пришлось ждать, пока приступ ослабнет.

В складе больного уложили возле стены.

Марфа принесла сухую подстилку, сменила ему рубаху и приоткрыла ставню, чтобы в помещении не застаивался тяжёлый запах.

— Здесь лучше, – прошептал Андрей.

Она поправила край одеяла.

— Не говори пока. Отдыхай.

На вторую лежанку уложили работника с горячкой, который уже несколько дней не мог подняться.

Остальным места не осталось.

К вечеру дождь усилился.

Вода с шумом стекала с крыш, по береговым тропам потянулись мутные ручьи. Дорогу к складу размыло так, что носилки приходилось поднимать выше, обходя глубокую колею.

Марфа провела там почти весь день.

Она поила больных, меняла подстилки, помогала Матвею при осмотре и следила за тем, чтобы люди не оставались в промокшей одежде. Кузьма раздобыл ещё несколько старых одеял. Одно пришлось вернуть: от него пахло плесенью, и Марфа отказалась класть его под больного.

Андрей почти не разговаривал.

К вечеру его дыхание стало чаще. Он беспокойно поворачивался, просил воды, затем отталкивал кружку, не сделав глотка. Матвей несколько раз приходил к нему, проверял пульс, прислушивался к дыханию и расспрашивал, где именно болит.

— Здесь.

Андрей с трудом приложил ладонь к правой стороне груди.

— Когда вдыхаешь?

Он кивнул.

Матвей помог ему лечь удобнее и велел Марфе следить, чтобы больной не оставался один.

Уходя, задержался возле двери.

— Если опять станет тяжело дышать, сразу зови.

Марфа посмотрела на него.

— Ты сам где будешь?

— У тех, кого ещё не перенесли.

Она кивнула.

Через некоторое время пришёл Кузьма.

Он помог отнести грязное полотно и принёс небольшой котёл горячей воды. В дальней комнате пахло влажной тканью и травами, которые Матвей приготовил для питья. На столе горела свеча, прикрытая от сквозняка.

— Как он? – спросил Кузьма, кивнув на Андрея.

— Плох, – ответила Марфа.

— Сказать старшему, чтоб завтра не ждали?

— Скажи.

Кузьма сел возле больного.

Андрей открыл глаза.

— Лес привезли?

Кузьма не сразу понял вопрос.

— Остаток прежнего. Новой партии пока нет.

— Значит, там всё стоит?

— Не всё. На другом участке работают.

Андрей попробовал улыбнуться.

— А я тут прохлаждаюсь.

— У тебя жар.

— Знаю.

Он потянулся к кружке, но пальцы не слушались. Кузьма подал воду.

— Много не надо, – попросил Андрей.

Он сделал два небольших глотка и откинулся на подстилку.

— Степана видел?

— Какого Степана?

— Брат мой. На нижней пристани. Обещал зайти.

— Не видел. Передам, если встречу.

Андрей закрыл глаза.

Кузьма ещё немного посидел, потом поднялся.

— Я пойду искать его брата.

Марфа не стала останавливать.

Уже возле двери он услышал за спиной новый приступ кашля. Вернулся, помог приподнять Андрея и подождал, пока тот сможет снова лечь.

На этот раз больной не попросил его остаться.

Ночью кладовщик отказался открыть основную часть склада.

Марфа разбудила его после того, как у Андрея начался очередной тяжёлый приступ. Ей требовалось переставить лежанку так, чтобы рядом мог поместиться Матвей, а узкий проход между ящиками не позволял пронести даже дополнительную скамью.

— Переставить хотите? – переспросил кладовщик.

— Да. И ещё одного больного скоро принесут. В навесе человек лежит, уже сам не встаёт.

— Куда вы его положите?

— Если освободить место у дальней стены, поставим ещё лежанку.

— Там инструменты.

— Вижу.

— Без Корнеева не могу.

Марфа посмотрела на него с усталой досадой.

— Тогда пошлите за Корнеевым.

Кладовщик замялся.

— Ночь ведь.

— У больного тоже ночь.

В конце концов он отправил солдата.

Корнеев пришёл не сразу. Его задержали у пристани: одна лодка вернулась повреждённой, и требовалось решить, как перевозить людей до утра.

Он вошёл в склад в мокром плаще, поставил фонарь на ящик и первым делом подошёл к Андрею.

Матвей уже находился рядом.

— Что с ним?

— Сильно ослаб, – ответил тот. – Дышать тяжело. Надо, чтобы возле него можно было свободно работать, а здесь едва повернёшься.

Корнеев посмотрел на лежанку.

Андрей лежал с открытыми глазами. Лицо его блестело от пота, губы были сухими. Он услышал чужой голос и попытался приподняться, но Матвей остановил его.

— Лежи.

Корнеев повернулся к кладовщику.

— Ящики из прохода убрать. Всё, что можно, перенести под навес возле конторы.

— Там крыша течёт.

— Сверху покрыть. Железо смазать, мелкий инструмент в закрытые ящики сложить. Что особенно боится воды – оставить здесь, но поднять на полки.

Кладовщик побледнел.

— У нас и полок столько нет.

— Тогда делай новые из того, что найдёшь.

Матвей собирался что-то сказать, но Корнеев остановил его.

— Ты больными занимайся. За имущество я отвечу.

Работа началась среди ночи.

Солдаты вытаскивали тяжёлые ящики, укладывали инструмент и спорили, что следует оставить внутри. Один из них уронил связку железных принадлежностей; те рассыпались по полу, и пришлось собирать их при свете фонаря.

Кузьма, вернувшийся с пристани, помогал переставлять стеллажи.

Марфа не участвовала в переносе.

Она оставалась возле Андрея.

Пока двигали ящики, он несколько раз просил остановить шум. Потом перестал обращать на него внимание.

Матвей пробовал облегчить ему дыхание, менял положение подушек, давал пить понемногу. Никаких средств, способных быстро устранить причину тяжёлого состояния, у него не было. Даже если бы удалось раньше перенести больного в сухую комнату, нельзя было знать, насколько это изменило бы течение болезни.

Ближе к рассвету Андрей попросил позвать брата.

— Ищут, – сказала Марфа.

— Он здесь?

— Ещё нет.

Андрей помолчал.

— Скажи ему, у меня деньги в мешке. За прошлую неделю. Не все.

Марфа наклонилась ближе.

— Где мешок?

— Под... под кафтаном.

Он закашлялся, не договорив.

Она взяла его за руку.

— Скажу.

Матвей пришёл к лежанке, и они вместе помогли больному повернуться. Андрей попытался вдохнуть глубже, но сил уже не хватало.

Через некоторое время он перестал отвечать на вопросы.

Марфа ещё долго держала его руку. Потом позвала Матвея.

Тот проверил дыхание и пульс, осторожно опустил руку больного на подстилку.

— Всё, – сказал он.

Марфа накрыла Андрея чистым полотном.

За стеной продолжали переносить ящики.

Степана нашли утром.

Он работал на нижней пристани и накануне не смог уйти: туда неожиданно подошли две лодки с припасами, а разгрузку велели закончить прежде, чем суда снова отправятся вверх по реке.

Когда Кузьма пришёл за ним, Степан сперва решил, что брату опять не хватило заработка.

— Денег просит?

Кузьма снял шапку.

Степан перестал сматывать верёвку, которую держал в руках.

— Умер?

— Ночью.

Они стояли возле штабеля мешков. За спиной кто-то ругался на порванную снасть, люди перекладывали груз, чтобы освободить лодку.

Степан положил верёвку на землю.

— Я вчера собирался к нему.

— Знаю. Он тебя ждал.

— Пойдём.

До склада они дошли молча.

Марфа приготовила умершего к погребению настолько, насколько позволяли имевшиеся средства. Она показала Степану вещи Андрея и передала небольшой мешок с деньгами.

— Просил вам отдать. Сказал, заработок за прошлую неделю, да не весь.

Степан развязал тесёмку, взглянул внутрь и снова затянул.

— Больше ничего не говорил?

Марфа покачала головой.

Она не стала повторять просьбы о воде, кашель и отдельные слова, которые Андрей произносил в жару.

Степан долго стоял возле брата, затем спросил, где договориться о погребении.

Кузьма пошёл вместе с ним. Они разыскали старшего артели, нашли прежнюю запись о заработке Андрея и выяснили, какая часть денег ещё оставалась за выполненную работу.

Степан попросил выдать причитающееся для погребения. Старший не стал обещать немедленного полного расчёта, но передал подтверждение уже записанной суммы и помог получить то, что было возможно выдать без нового ожидания.

Когда они вышли, Степан остановился возле крыльца.

— Я ведь с ним вчера поговорить хотел, – сказал он.

Кузьма не нашёл ответа.

Степан поправил узел с братниными вещами и пошёл устраивать погребение.

Корнеев встретил утро возле перенесённого инструмента.

Под навесом стояли ящики, которые ночью не успели расставить как следует. Несколько пил и топоров лежали на досках под промокшим покрытием. Кладовщик показывал железный инструмент, на котором уже появилась рыжая полоса возле крепления.

— Эти почему с вечера не убрали? – спросил Корнеев.

— Людей не хватило.

— Сегодня прежде остального займёшься ими.

— А держать где? Под навесом уже тесно.

Корнеев осмотрел оставшееся место. Возвращать всё в склад было нельзя: Матвей готовился перенести туда ещё больного, а Марфа уже поставила в освобождённом проходе воду и корзины с полотном. Приходилось выбирать, какое имущество необходимо оставить под надёжной крышей, а какое можно хранить менее удобно.

Он распорядился прежде всего убрать в сухое место мелкий инструмент и то, что особенно страдало от сырости. Остальное требовалось защитить покрытием и просушивать, когда позволит погода.

Кладовщик достал роспись.

— Спросят, отчего испортилось.

— Скажешь, когда и по чьему приказу склад освобождали.

— По вашему.

— Вот и запиши.

Корнеев пошёл к Матвею.

Тот стоял у входа в бывшую кладовую. За его спиной Марфа помогала больному напиться.

— Слышал, один умер, – сказал Корнеев.

— Андрей. Очень тяжело болел.

— Раньше перенести бы...

Матвей покачал головой.

— Не знаю, помогло бы. Он несколько дней скрывал болезнь. Когда Кузьма привёл меня, Андрей уже едва дышал.

Они некоторое время стояли молча.

— Сколько теперь здесь лежит? – спросил Корнеев.

Матвей назвал число и добавил, что ещё двоих собирается осмотреть после обеда.

— Значит, место надолго понадобится.

— Понадобится. Но одного помещения мало. Нужно, чтобы за людьми кто-то смотрел, когда я у других больных.

Марфа вышла к ним с пустой кружкой.

— И чтобы они не оставались без хлеба, – сказала она. – Вчера одному еду не дали. Из рабочей росписи вычеркнули, потому что он лежит. А куда записать теперь, никто не знает.

Корнеев спросил имя.

— Я велю разобраться. По больным составьте отдельную запись: кто лежит, кто может ходить и кому какое содержание требуется. Передам командованию.

— Запись сделаем, – ответила Марфа. – Только нам ещё помощница нужна хотя бы на день. Матвей между больными ходит, я одна не успеваю.

— Посмотрю, кого можно выделить.

— Снова обещание?

Он взглянул на неё.

— Пока только обещание. Другого человека сейчас перед вами не поставлю.

Марфа опустила глаза к кружке.

— Тогда я пойду. Там воды просят.

В последующие дни удалось привлечь двух женщин из обозного хозяйства, но лишь на часть времени: прежнюю работу с них не сняли. Матвей приходил осматривать заболевших, Марфа следила за перевязками, питьём и подстилками. Для людей, которых приносили из сырых навесов, теперь находилось несколько сухих лежанок, хотя мест по-прежнему не хватало.

Склад оставался складом лишь отчасти. Кладовщик ежедневно приходил за инструментом, и больным мешали шаги, удары ящиков и разговоры возле двери. Выдача имущества шла медленнее, часть вещей требовала починки после переноса. Корнеев не отменил своего распоряжения.

В начале августа Степан снова пришёл к Марфе.

На этот раз он принёс свёрток чистого полотна.

— У брата осталось, – объяснил он. – Дома в узле нашёл. Ему уже не понадобится.

Марфа взяла ткань.

— Благодарствую.

Степан посмотрел в сторону дальней стены.

На месте, где лежал Андрей, теперь находился другой человек.

— Я думал, пусто будет.

— Недолго пустовало.

Он подошёл на несколько шагов, но возле новой лежанки остановился.

— Здесь он?

— Здесь.

Степан кивнул.

За открытой ставней слышались голоса работников, разгружавших лодку. Кто-то звал товарища, требовал подать верёвку. Степан прислушался, будто собирался ответить, затем повернулся к выходу.

— Дров могу принести. Если надо.

— Надо, – сказала Марфа. – Воду греем в другом строении, а сухих дров мало.

— Принесу.

Он ушёл.

Марфа развернула свёрток. Полотно было чистое, крепкое, аккуратно подрубленное. Из него можно было приготовить несколько повязок. Она отложила ткань на полку и подошла к пожилому работнику, лежавшему у окна.

— Ну, показывай ногу.

Тот поморщился.

— Опять?

— Опять. Вчера ты говорил, что меньше болит. Посмотрим, правду ли сказал.

— Правду, – проворчал он.

Марфа осторожно сняла повязку, осмотрела рану и наложила чистое полотно.

В это время помощница закончила устраивать на свободной лежанке человека, принесённого утром. Он попытался приподняться, но тотчас лёг обратно.

— Не вставай пока, – сказала Марфа, подойдя к нему. – Попить хочешь?

Он кивнул.

Марфа взяла пустую кружку и пошла за водой.

Глава 13. Кому учиться

Август – сентябрь 1703 года. Москва. Преображенское.

Даты – по старому стилю.

Анна Зиберт остановилась возле стола и велела мальчику прочесть написанное ещё раз.

Он прочёл без запинки. Немецкие слова произносил старательно, даже с некоторой гордостью: другие ученики в комнате слушали, и ему хотелось показать, что неделя упражнений прошла не напрасно.

— Теперь скажи по-русски, что здесь написано.

Мальчик замялся.

— Про хозяина. И про работника.

— Что хозяин велел работнику?

Он снова посмотрел на лист.

— Отнести... куда-то.

— Куда?

Мальчик провёл пальцем по строке и назвал немецкое слово.

— Это я слышала, – сказала Анна. – А по-русски?

За соседним столом тихо засмеялись. Анна повернула голову, и смех оборвался.

— Дай ему договорить.

Мальчик побагровел. Прежде он охотно выходил к столу, потому что запоминал иностранные слова быстрее многих. Теперь оказалось, что выученное не слишком помогает.

— К мельнику, – произнёс он наконец.

— А что отнести?

С этим справиться не удалось.

Анна забрала лист и попросила садиться. Мальчик поспешил к своему месту, опустив голову.

Следующим она вызвала Гришку, сына дворового служителя. Он читал хуже первого, часто путал окончания и с трудом запоминал немецкие слова. Зато, когда Анна положила перед ним несколько деревянных дощечек и попросила определить, сколько потребуется для настила определённой длины, мальчик почти сразу принялся раскладывать их на столе.

— Можно не писать? – спросил он.

— Сначала покажи, как считаешь.

Гришка поставил дощечки в два ряда, одну передвинул поперёк, затем сообразил, что взял слишком длинную, и заменил другой.

— Вот здесь обрежут, – сказал он. – А если целую положить, конец пропадёт.

— Сколько останется лишнего?

Он назвал число, предварительно отсчитав деления на одной из дощечек.

Анна попросила записать ответ.

Гришка долго выводил цифры. В итоге число получилось верным, но последнюю цифру он написал задом наперёд.

Теперь засмеялся первый мальчик.

— У него буквы пляшут!

Гришка схватился за дощечку, собираясь стереть написанное рукавом.

— Оставь, – сказала Анна. – Счёт верный. Письмо поправим.

Она велела первому ученику подойти снова и объяснить, сколько материала потребуется для такого же настила, если его сделать длиннее на три деления.

Мальчик взглянул на разложенные дощечки и растерялся. Гришка хотел помочь, но Анна остановила его.

— Пусть сам подумает.

Остаток урока прошёл неспокойно. Первый мальчик обиделся, что его заставили заниматься счётом вместо иностранных слов. Гришка пытался объяснять товарищам собственный способ, но говорил сбивчиво и сердился, когда его не понимали.

Когда дети ушли, на столе остались учебные листы, мелкие деревянные обрезки и испорченная дощечка, на которой кто-то нарисовал коня с непомерно длинными ногами.

Анна подняла её, посмотрела и отложила в сторону.

В дверях стоял Истомин.

— Слышал, у вас сегодня спорили, – сказал он.

— Спорили. Один решил, что умеет переводить, потому что помнит каждое слово. Другой считает лучше всех, а записать ответ толком не может.

Истомин прошёл к столу и поднял лист первого ученика.

— Это не самая большая беда. Вчера он у меня целую строку пропустил, потому что спешил закончить прежде остальных.

— А Гришка?

— С ним труднее. Руки у него к делу привычные, а сидеть за письмом не любит. Стоит отвернуться – уже рисует на полях.

Анна показала дощечку с конём.

Истомин невольно улыбнулся.

— Вот видите.

— Только счёт у него вышел верный.

— Потому что дощечки можно двигать. А на бумаге тоже придётся научиться.

Анна подошла к окну.

Школьный двор был ещё мокрым после утреннего дождя. Возле сарая работники чинили скамью, и двое мальчишек, проходя мимо, остановились посмотреть, как плотник закрепляет ножку.

— Мне хотелось бы дать Гришке больше таких задач, – сказала она.

— А мне хотелось бы, чтобы он наконец научился писать своё имя без ошибки.

— Одно ведь другому не мешает.

Истомин разложил перед ней две работы одного ученика. Первая, сделанная весной, была аккуратнее. Во второй буквы стояли неровно, некоторые сливались, а конец строки уходил вниз.

— Мешает, когда времени на всё не хватает, – ответил он. – Вы их языкам учите, я письму и чтению, другие люди счёт спрашивают. А мальчик, которому домой к вечеру надо, не может у нас день прибавить по желанию.

Анна посмотрела на листы.

— Значит, выбирать придётся нам.

— Вот этого я и опасаюсь.

Он убрал работы в папку.

— К обеду Леонтий Филиппович обещал заглянуть. Не упустите случая расспросить его о задачах. Только новых уроков от него не требуйте. У него своих учеников достаточно.

Леонтий Магницкий приехал после полудня с большой папкой под мышкой и пятнами чернил на пальцах.

Он не собирался оставаться надолго.

В Навигацкой школе его ожидали собственные занятия. Кроме того, работа над «Арифметикой», вышедшей нынешним годом, не избавила его от прежних обязанностей: теперь приходилось ещё отвечать на вопросы людей, которым книга понадобилась для учения и службы.

— Если хотите нового наставника, – предупредил он Истомина, едва переступив порог, – напрасно меня звали. У меня и своих учеников девать некуда.

— Нам не наставник нужен, – ответил Истомин. – Посмотрите одну задачу.

— Одну?

— Для начала.

Магницкий посмотрел на Анну, затем на стол с деревянными обрезками.

— Боюсь, вы меня обманываете.

Анна улыбнулась.

— Если останетесь после первой, покажем вторую.

— Вот теперь верю.

Они собрались в небольшом помещении, где обычно хранили учебные книги. Истомин привёл четырёх старших учеников, которых считал достаточно подготовленными, чтобы не отнимать у гостя времени на объяснение простейшего счёта.

Магницкий не стал произносить речи. Он взял мел, обозначил на доске длину двух брусьев и спросил, сколько одинаковых частей можно получить, если каждый разделить определённым образом, а затем соединить остатки для другой работы.

Один ученик поспешно назвал ответ.

— Отчего столько? – спросил Магницкий.

— Я правило знаю.

— Правило спросил?

Мальчик смутился.

— Нет.

— Тогда покажи, как считал.

Тот начал объяснять и почти сразу запутался.

Другой принялся выводить цифры. Гришка, которого Анна привела по собственной просьбе, сначала молчал, но затем потянулся к деревянным обрезкам, лежавшим на столе.

— Можно ими?

Магницкий взглянул на него.

— Можно. Только после объяснишь, что сделал.

Гришка сложил два обрезка, прикинул оставшуюся длину и показал, где следует отрезать лишнее.

— А если дерево окажется короче? – спросил Магницкий.

Гришка задумался и переставил обрезки иначе.

Ответ опять вышел верный.

— Теперь напиши.

Мальчик вздохнул.

Магницкий дождался, пока тот закончит. На дощечке оказалось несколько перечёркнутых чисел и верный результат внизу.

— Почему перечеркнул?

— Не так сначала взял.

— А как узнал, что не так?

Гришка объяснил, показывая пальцем на деревянные части. Магницкий слушал внимательно, хотя мальчик путался в словах.

— Считать умеешь, – сказал он наконец. – Теперь надобно научиться не терять собственную мысль, пока пишешь. Иначе за тебя всякий другой запишет так, как ему удобно.

Гришка кивнул, не вполне поняв, почему это так важно.

Когда учеников отпустили, Магницкий остался возле доски.

— У вас двое из четырёх считают по памяти, – сказал он. – Как только задача повернётся другой стороной, правило перестаёт помогать. А этот, с обрезками, до счёта доходит своим путём. Только письма не хватает.

Истомин сложил руки за спиной.

— Я ему о том каждый день говорю.

— Говорить мало. Пусть объясняет письменно то, что руками уже сделал.

— Ему на это полурока потребуется.

— Значит, сперва меньше задач давать.

Анна подняла папку с учебными листами.

— А иностранный язык?

— Если мальчик ещё не может записать простую мысль по-русски, на каком языке вы хотите получить от него толковое объяснение? – спросил Магницкий.

Анна не обиделась.

— Вот об этом мы и спорим.

— Тогда спорьте не об уроках, а о детях. Одному нужно больше письма, другому – больше счёта. Третьему, может, ремесло ближе. Только не думайте, что всякого одарённого мальчика следует непременно за книгу усадить.

Истомин посмотрел на него с интересом.

— А вы в Навигацкой школе разве иначе поступаете?

Магницкий усмехнулся.

— Я как раз каждый день вижу, к чему приводит, когда от ученика требуют многое, а первоначального учения у него мало.

Он взял свою папку.

— Приходите ко мне, когда составите несколько задач и покажете работы. Посмотрю, что можно поправить. Но постоянные часы обещать не стану.

Анна проводила его до крыльца.

Во дворе Гришка стоял возле плотника и наблюдал, как тот размечает новую доску.

Магницкий заметил мальчика.

— Он у вас с утра занимается?

— С утра.

— А домой далеко?

— В соседний двор. Его отец здесь служит.

Магницкий некоторое время смотрел, как Гришка вслед за плотником примеряет линейку к доске.

— Не гоните его от этого, – сказал он. – Только заставьте потом написать, что намерил.

И ушёл к ожидавшей его повозке.

Василиса читала список учителей, когда Анна Зиберт попросила её принять.

Список оказался короче, чем хотелось.

Напротив одних имён стояли сведения о действующей службе, напротив других — суммы, без которых люди не соглашались оставить прежние занятия. Двое приглашённых наставников ещё весной объяснили, что не могут переехать в Москву без содержания для семьи. Один обещал ответить к осени, но так и не прислал письма.

В памяти всплывали имена учёных, чьи труды Василиса знала по другой жизни. Одни ещё не родились. Другие были детьми, о которых никто не мог заранее сказать, кем они станут. Кого-то отделяли от Москвы войны и государственные границы.

Она вспомнила Ломоносова — и почти рассердилась на себя. До его рождения оставалось ещё несколько лет.

С Ньютоном дело обстояло иначе. Он жил и пользовался признанием. Но Василиса представила, как предлагает пригласить английского учёного в Преображенское, чтобы тот занимался с несколькими детьми. Головин наверняка спросил бы, на каком основании она считает его согласие возможным.

Она взяла другой лист.

На нём стояли имена людей, которые действительно находились в России.

Истомин.

Магницкий.

Зиберт.

Несколько наставников, переписчиков и переводчиков, чьи способности были ей известны по сделанной работе.

Анна вошла с ученическими листами.

— Государыня, мне совет нужен.

— У нас нынче все за советом приходят, – заметила Василиса. – Садись.

Анна положила перед ней работу Юлии Борисовой.

Василиса узнала почерк. Юлия добивалась права получать плату за переписную работу и спрашивала, кто отвечает за ошибку в документах. Тогда ей не смогли обещать постоянного места.

— Юлия ещё занимается?

— Да. Помогает с перепиской там, где работу потом проверяют. Стала аккуратнее, только теперь иной лист три раза перечитывает и сердится, если её торопят.

— За это сердиться не стану.

— Вы — нет. А человек, которому бумага срочно нужна, может.

Анна переложила лист поверх остальных.

— Магницкий согласился посмотреть наши новые задачи, когда выберет время. Постоянных занятий у нас вести не станет.

— И правильно. Его из Навигацкой школы не отдадут, да и просить не стану.

— Я ещё о другом хотела спросить. Из лечебного двора просили перевести несколько объяснений по уходу за больными. Там иностранные слова, которые можно понять двояко. Я не хочу отдавать такой перевод ученицам прежде, чем его посмотрит опытная наставница.

— Марфа прежде этим занималась?

— Она обучала помощниц, пока была здесь. Две девушки уже выполняют определённую работу, за которую им положено содержание. После её отъезда на север за ними смотрит другая женщина. Теперь спрашивают, нельзя ли некоторым старшим школьным ученицам приходить и смотреть простые занятия.

Василиса отложила список учителей.

— Сколько хотят привести?

— Пока одну. Семья согласилась лишь на наблюдение.

— Тогда поедем посмотрим, что ей собираются показывать. И с матерью поговорим.

Анна забрала перевод. Остальные ученические работы остались на столе: Василиса собиралась вернуться к ним перед следующим разговором об устройстве школы.

Лечебный двор находился в нескольких строениях, приспособленных под палаты и хозяйственные помещения.

Василиса бывала здесь не раз. Она знала, как зимой требовали дров, как Марфа спорила с Птицыным из-за жалованья ученицам и как несколько подготовленных помощниц вели работу, которую нельзя было остановить даже в дни государственных потрясений.

Теперь во дворе сушилось выстиранное полотно. На скамье сидела женщина с ребёнком на руках, ожидавшая разрешения войти к лекарю. Возле двери помощница осторожно переносила таз с тёплой водой.

Наставница, ведавшая женскими помощницами, встретила Евдокию без приготовленной речи.

— Государыня, коли хотите новые занятия смотреть, надо сперва дождаться, пока женщины из палаты выйдут. Больные там лежат.

— Не станем им мешать. Показывай в отдельной комнате.

Женщина провела их к небольшому помещению, где стояли стол, скамья и корзина с полотном. На стол положили деревянную заготовку, обёрнутую тканью так, чтобы можно было упражняться в наложении повязки.

Возле стены ждали три девушки. Две давно помогали в лечебном дворе и уже получали содержание за определённые обязанности. Третья приходила из школы; пока ей разрешили лишь посмотреть, чем занимаются старшие. Рядом сидела её мать.

— Ты зачем с дочерью? – спросила Василиса.

Женщина поднялась.

— Я сама попросилась, государыня. Мне сказали, девочка будет только глядеть. Хотела убедиться, что так и есть.

— Правильно сделала.

Наставница предложила одной из опытных помощниц показать, как закреплять полотно на заготовке.

Та взяла бинт, обернула его вокруг деревянной формы и затянула так сильно, что край ткани врезался в мягкую подкладку.

— Ослабь, – сказала наставница. – Ты человеку боль причинить можешь.

Девушка поправила повязку.

— Теперь держится.

— Держится. А как узнаешь, что не перетянула?

Ученица задумалась.

Наставница объяснила, на что обращают внимание, когда перевязывают живого человека, и почему без опытного присмотра нельзя браться за серьёзную рану.

Девушка из школы следила за её руками с таким вниманием, что даже не замечала присутствия матери.

— А если на руке? – спросила она.

— Тогда положение другое. И сама без старшей не полезешь.

— Я только спросила.

— Спрашивать можно.

Анна показала наставнице принесённый перевод.

В одном месте речь шла о приготовлении полотна, и иностранное слово допускало два значения. Анна объяснила оба.

Наставница нахмурилась.

— Если напишешь первое, они решат, будто всякий раз надо полотно мочить. А оно не для всякой повязки годится.

— Вот я и не стала писать без вас.

Они склонились над листом. Анна подбирала слова, наставница объясняла последовательность действий. Спорили долго, потому что простые на вид вещи требовали точности.

Мать девочки слушала всё внимательнее.

Когда занятие закончилось, она подошла к Евдокии.

— Государыня, а чему их после этого учить станут?

— Пока речь о простом уходе под надзором опытных женщин.

— А лечить людей сами будут?

— Нет. И без разрешения семьи никуда их для такой работы не определят.

Женщина посмотрела на дочь.

— Мне говорили, она здесь читать станет да за больными смотреть научится. Я не думала, что и повязки делать будут.

Наставница хотела возразить, но Василиса остановила её.

— Вы ещё ничего не обещали сверх того, на что мать согласилась, – сказала она. – Пусть сама решит, желает ли дочь продолжать смотреть такие занятия. А прежде объясните ей всё, чему намерены учить.

Женщина поклонилась.

— Я с мужем поговорю.

Дочь недовольно прикусила губу, но промолчала.

После их ухода Василиса задержалась у стола.

— Сколько девушек вы сейчас можете обучать, не оставляя больных без ухода? – спросила она наставницу.

— Две у нас уже учатся и работают. Ещё одну только смотреть можно пустить, ежели мать согласна. Когда мне её учить-то? По ночам?

— Значит, большую группу пока не набирать.

— Я и не просила большую. Мне люди нужны, которые умеют подать воду, полотно приготовить, больную поддержать. Но если одна уйдёт учиться, другая за неё всю работу делать станет.

Василиса кивнула.

— Так и оставим. Действующих учениц не отрывать от работы без замены. Для школьных девушек — отдельные занятия только по согласию семей, с опытной наставницей. Никакого самостоятельного лечения.

Анна взяла перевод.

— А этот лист?

— Доведите до толка вместе. И прежде чем давать ученицам, покажите человеку, который за уход отвечает.

Выйдя во двор, Василиса услышала, как у ворот мать тихо выговаривает дочери:

— Я тебе смотреть позволила, а ты уж обо всём спрашиваешь.

— Так ведь спрашивать можно, – ответила девочка.

Мать не нашлась сразу, что возразить.

Через несколько дней из лечебного двора пришла жалоба.

Её принёс отец Дарьи, девушки, которую прежде отпускали помогать при переписке коротких записей для наставницы. Он разрешал дочери читать, переписывать и изредка наблюдать за уходом за больными женщинами, если рядом находилась опытная помощница. Самой снимать повязки или давать советы о лечении ей не позволяли.

Дома заболела старшая служанка. У неё была повреждена рука, и она жаловалась, что старая повязка причиняет боль. Дарья видела, как наставница снимала присохшую ткань, и решила, что знает, чем помочь. Принесла тёплой воды, попыталась размочить повязку и стала объяснять женщине, как следовало бы дальше ухаживать за рукой.

Служанка не дала ей закончить.

Позвала старшую хозяйку, а та — отца Дарьи.

Он явился в лечебный двор с таким выражением лица, что наставница сразу поняла: разговор будет неприятным.

— Я дочь сюда для письма отпускал, – сказал он. – Смотреть позволил, когда старшая при ней. А теперь она дома других лечить принимается.

— Она никого не лечила, – возразила наставница. – И разрешения на то не получала.

— Так отчего же считает, будто умеет?

— Потому что молодая. Увидела одно дело и решила, что может повторить.

— Вот я и хочу знать, чему вы их учите.

Наставница предложила ему посмотреть записи и поговорить с дочерью при ней. Мужчина отказался.

— Дочь я сам расспрошу. А вам скажу: пока не выясню, больше сюда её не пришлю.

Он ушёл, не дожидаясь обещания исправить положение.

Василиса получила известие на следующий день.

Анна Зиберт рассказала о случившемся без попытки скрыть неловкость.

— Дарья вреда не причинила. Служанка не дала ей трогать больную руку дальше. Но отец рассердился.

— И есть за что.

Анна подняла глаза.

— Вы считаете, занятия надо прекратить?

— Считаю, мы не объяснили достаточно ясно, где кончается наблюдение и начинается работа, которую девочка делать ещё не умеет.

— Наставница объясняла.

— Девочке?

— Да.

— А отцу?

Анна замолчала.

Василиса взяла принесённую запись.

— Сколько ей лет?

Анна назвала возраст.

— И она уже переписывает хозяйственные тексты?

— Короткие, под проверкой. Хорошо справляется.

— Значит, ей позволили одну работу и показали другую. А дома она решила, что способна сделать вторую сама.

— Похоже.

— Позовите наставницу и родителей тех, кто приходит на такие занятия. Пусть каждому объяснят, чему именно учат. Не общими словами о пользе, а что можно делать и чего нельзя.

Анна согласилась, но выглядела недовольной.

— Девочки начнут бояться даже подать больной воду.

— Не должны. Для того и нужны ясные объяснения. Но если отец не доверяет нашему порядку, одного моего желания недостаточно.

— А Дарью возвращать?

— Пока отец сам не согласится, не возвращать.

Василиса оставила запись на столе.

Ей хотелось отправить за мужчиной и объяснить всё лично. Возможно, он послушал бы внимательнее, окажись перед ним государыня. Но затем он вернулся бы домой и снова отвечал за дочь, её будущую жизнь и доброе имя.

— С остальными занятия не останавливайте, – сказала она. – Только новых учениц сверх согласованного числа пока не принимайте. И Анна, не называй это лекарским обучением. Мы учим ограниченной помощи и уходу под руководством опытных женщин. На большее ни людей, ни условий у нас сейчас нет.

Анна аккуратно сложила бумаги.

— А отец Дарьи?

— Получит письменное объяснение. Если пожелает, сможет сам осмотреть, что дочь делала. Но назад её не звать, пока не разрешит.

Зиберт ушла.

Из соседней комнаты донёсся голос Алексея. Он спорил с наставником о каком-то чертеже, и в голосе уже слышалась досада.

Василиса поднялась.

Алексей разложил на столе несколько чертежей и деревянную модель подъёмного устройства.

Гришка стоял рядом, смущённо переминаясь с ноги на ногу.

— Он неправильно нарисовал, – объяснил Алексей, когда вошла мать. – Но сам понял, отчего модель не поднимает груз.

— Не неправильно, – обиделся Гришка. – Только верёвку с другой стороны показал.

Алексей посмотрел на него.

— Значит, неправильно.

— А поднимает же!

Мальчик взялся за маленькую рукоять, повернул её и показал, как натягивается верёвка. На конце поднялась деревянная чурка.

Алексей невольно улыбнулся.

— Поднимает.

Василиса подошла ближе.

— Кто делал модель?

— Старую взяли, – ответил сын. – Только Гришка здесь поправил. Он ещё в школе счёт хорошо сделал.

— Письмо у меня плохое, – поспешил предупредить мальчик, будто ожидал взыскания.

— Знаю, – сказала Василиса. – Анна рассказывала.

Алексей положил ладонь на модель.

— Его бы к мастерам определить. Он за один урок понял, где ошибка, а мы вчера полчаса спорили.

— У него сейчас какая служба?

Гришка посмотрел на дверь.

— Отцу помогаю. При дворе. Ещё в школу хожу, когда отпускают.

— И отец согласен, чтобы тебя к мастерам отправили?

— Не спрашивали.

Алексей нетерпеливо повернулся к матери.

— Так спросим. Я велю, чтобы отпустили.

— Ты сначала узнай, у кого он на службе и кто вправе его отпустить.

— Он же не взрослый работник.

— За него отец отвечает. Если мальчика без разбора перевести к мастерам, с отца спросят за прежнюю службу. И с тебя тоже спросят, по какому праву ты его забрал.

Алексей нахмурился.

— Но я государь.

— Государь, – согласилась Василиса. – И потому твоё слово не должно оборачиваться для людей бедой. Гришка ведь не сам по себе ходит. При дворе служат по установленному порядку, а его ещё и отец к делу приставил. Сначала выясним, можно ли дать мальчику больше времени для учения, не оставив за него чужую работу невыполненной.

Она не любила, как легко здесь судьбу человека определяло его положение при чужом дворе или в чужом хозяйстве. Но одной царской воли было недостаточно, чтобы уничтожить эту зависимость без последствий для тех, кого будто бы хотели облагодетельствовать.

Гришка стоял неподвижно.

Василиса заметила его напряжение.

— Ступай пока к своим занятиям, – сказала она. – Модель оставь. Потом покажешь, как её устроил.

Он поклонился и вышел, явно облегчённый тем, что разговор не закончился немедленным переводом к неизвестным мастерам.

Алексей проводил его взглядом.

— Так он может и не попасть к мастерам?

— Может. Но если отец согласится, а люди, которым он служит, найдут ему время, попробуем устроить учение.

Алексей хотел возразить, однако вместо этого взялся за рукоять. Чурка поднялась до верхней перекладины, и он опустил её обратно. Потом перевернул рисунок Гришки и стал разбирать, почему на бумаге верёвка уходила в другую сторону.

— Он, пожалуй, и сам не знал, что у него получится, – сказал Алексей. – Попробовал раз, другой... А если бы никто не дал ему эту штуку?

Василиса оставила сына разбираться.

Он поднял груз ещё раз, медленнее, следя за движением верёвки, и вдруг спросил, сколько таких мальчиков может быть в других городах. Там ведь тоже есть плотники, кузнецы, мельницы и люди, которые с малых лет помогают старшим.

— Есть, наверное, – ответила она.

Алексей выпрямился.

— Пусть их ищут. Кто хорошо считает, кто механизм понимает, кто другое что умеет. А если грамоты не знает, можно выучить.

Он говорил с таким убеждением, словно уже видел двор, полный найденных им учеников.

Василиса вспомнила перечень наставников, лежавший у неё на столе.

— Кто же всех учить станет?

Алексей снова посмотрел на чурку. Ответить сразу он не сумел. Потом положил рисунок рядом с моделью и сказал:

— Значит, сперва надо узнать, сколько их. И сколько учителей потребуется. Птицын опять денег не даст, пока не сосчитаем.

— Он скажет, что прежде надо знать, из каких денег платить.

— Вот именно, – с досадой согласился Алексей.

Он постоял над моделью и, уже тише, добавил:

— А всё-таки искать нужно.

— Нужно, Алёша.

Василиса села напротив, и Алексей принялся показывать ей, как Гришка изменил крепление верёвки. Теперь он старался объяснить всё словами, не касаясь рукояти, но дважды сбился и вынужден был начать заново.

В начале сентября Евдокия собрала Истомина, Зиберт и нескольких людей, связанных со школьными делами.

Магницкого не было: он заранее предупредил, что не сможет приехать ещё раз в ближайшее время. Вместо себя прислал замечания к двум учебным задачам и короткую просьбу не требовать от учеников решения того, чему их прежде не научили.

Истомин прочёл записку, слегка усмехнувшись, и передал Анне.

— Вот и придётся нам самим разбираться.

— Для того и собрались, – ответила она.

На столе лежали ученические работы, сведения о содержании нынешних школьников и несколько прошений о приёме.

Истомин принёс одно отдельно.

Мать девочки, которая недавно приходила расспрашивать об учении, снова просила взять дочь в школу. Девочка умела помогать отцу со счётом, но письмом владела слабо. В прошении мать добросовестно перечислила всё, чему дочь научилась дома.

Рядом лежал другой лист, присланный через знакомого одному из школьных служителей. Там хвалили мальчика за отличное чтение, письмо и послушание, а в конце просили определить его к учению. Никакой собственной работы мальчика к письму не приложили.

— По этой бумаге, – сказал Истомин, положив ладонь на второе прошение, – всё уже решено. Мальчик прекрасный, старательный и лучше прочих. А вот про девочку мать пишет, что та у неё неграмотная, хотя счёт вести помогает.

— И кого из них возьмёте? – спросила Анна.

— Обоих прежде посмотрел бы. Только места на двоих у нас сейчас нет.

Один из присутствующих служителей возразил, что про мальчика просит человек известный и поручиться за него готов. Не принять такого ученика, даже не пригласив на испытание, означало нажить ненужное недовольство.

Истомин подвинул письмо к нему.

— Так пусть сперва работу покажет. За поручительство я его учить не смогу.

— А если девочка и вправду письма не знает?

— Тогда письму учить придётся. Счёт-то её от этого хуже не станет.

Василиса слушала, пока они не начали спорить, следует ли отдавать преимущество уже подготовленному ученику. Для нынешней школы второй мальчик был удобнее, если похвалы о нём правдивы: наставникам не пришлось бы тратить столько времени на начальное письмо. Но выбирать только таких значило навсегда оставить за дверью детей, которым некому было дать первое обучение.

Она придвинула оба прошения к середине стола.

— Вот с такими случаями и придётся иметь дело, если начнём искать способных детей в других городах. По одной похвале не разберёмся, да и по одному умению читать тоже.

Истомин согласился, хотя заметил, что показывать работу следует при людях, которым доверяют.

— А кто поручится за этих людей? – спросила Анна. – Местный писец может иметь своего племянника. Ему покажется, что тот способнее всех.

Служитель, державший второе прошение, обиженно выпрямился.

— Нельзя же всякого заранее в обмане подозревать.

— Нельзя, – сказала Евдокия. – Потому и нужны сами работы, с пометкой, при ком их делали. Похвала останется похвалой, а счёт и письмо можно будет посмотреть.

Анна взяла чистый лист. Вместо нового длинного рассуждения о способностях они начали составлять несколько испытаний: прочесть незнакомый небольшой текст, записать услышанное, сосчитать определённое количество товара или материала и объяснить ответ. Тем, кто ещё не обучен грамоте, следовало предложить доступную практическую задачу и отдельно указать степень прежнего учения.

Истомин проверил формулировки.

— Только не посылайте им такие задачи, над которыми даже мои ученики полдня сидят. Отберём не способных, а тех, кто прежде это уже учил.

Анна заменила одно условие другим. Магницкий как раз советовал ей не подменять проверку понимания испытанием памяти.

Один из служителей тем временем открыл книгу расходов и спросил, сколько детей нужно будет привезти в Москву.

— Пока ни одного, – ответила Евдокия. – Сначала сведения получим.

Он выглядел разочарованным. Ему уже предстояло считать подводы, корм и дорожные выдачи, но теперь оказалось, что до них ещё далеко.

Истомин вернулся к прошению девочки.

— Мать здесь пишет, что без дочери ей дома трудно будет. Значит, даже если та лучше всех решит задачу, не факт, что её отпустят.

— Вот это и узнаем заранее, – сказала Евдокия. – Из какой семьи ребёнок, кому служит, кто вправе разрешить отъезд, чем он помогает дома. И какое содержание понадобится, если примем.

— И сколько таких сведений соберём, – задумчиво произнесла Анна, – прежде чем найдём одного, кого действительно можно учить?

— Пока не знаю.

Истомин положил рядом два прошения.

— Значит, одна девочка может остаться дома, потому что мать без неё не управится. А другого мальчика привезут лишь потому, что родня сумела хорошо написать о нём.

— Если мы на этом остановимся, так и будет, – сказала Евдокия. – Потому и начнём с проверки.

Она поручила подготовить первые обращения в Новгород и ближайшие уезды. С Вельяминовым следовало определить, кому на местах можно доверить испытания и сбор сведений. Ни один ребёнок не должен был отправляться в Москву по одной записи о способностях, без выяснения семейного положения и средств на содержание.

Истомин ещё раз просмотрел оба прошения.

— А нынешним просителям что ответить?

— Предложить испытание, как и прочим. Девочку, если мать позволит, можно посмотреть здесь, не отправляя за ней никуда. Но места прежде испытания никому не обещать.

Служитель, принёсший второе письмо, взял его обратно неохотно. Теперь ему предстояло объяснить знакомому, что просьбу приняли, но одного поручительства оказалось недостаточно.

Анна закончила писать условия первых испытаний. Отдельно оставила место для сведений о семье и службе. Истомин дополнил перечень словами о прежнем учении, чтобы по работе ребёнка можно было судить не только о результате, но и о том, чему его уже успели научить.

Пока бумаги сохли, Василиса велела приготовить для Вельяминова письмо.

Анна потянулась за новой страницей.

— Гришка бы за этот лист рассердился, – заметила она.

— Почему? – спросила Евдокия.

— Столько писать. Он бы лучше сразу показал, что умеет.

Василиса посмотрела на оставшиеся деревянные дощечки.

— Пусть показывает. А потом учится рассказывать об этом другим.

Письмо Прасковьи Фёдоровны всё это время лежало среди семейных бумаг.

Наталья передала его Евдокии лично, как и обещала. В нём не было ни требования немедленно выдать дочерей замуж, ни просьбы запретить иностранные переговоры. Прасковья хотела знать заранее, если дело дойдёт до серьёзного обсуждения, чтобы успеть высказать своё мнение о судьбе Анны, Екатерины и младшей Прасковьи.

Василиса предложила Наталье остаться, пока будет составлять ответ.

— Она ведь не против учителей, которых ты советовала? – спросила Евдокия.

— Не против. Только хочет сама решать, кого принимать в свой дом. И правильно хочет.

— А о замужестве?

Наталья положила руки на колени.

— Она их мать. Не может же впервые услышать о женихе после того, как послы обо всём договорятся.

— Не может, – согласилась Василиса. – Только обещать, что никакие переговоры не начнутся без её разрешения, я тоже не стану.

— Она такого и не просит.

— Знаю. Потому отвечу прямо.

Евдокия продиктовала письмо. В нём подтверждалось, что при серьёзном рассмотрении брачных предложений Прасковью постараются известить заблаговременно, дать ей возможность высказать соображения о дочерях и предполагаемых условиях союза. Решение же

о государственных переговорах и обязательствах оставалось за теми, кому оно принадлежало по установленному порядку.

Наталья выслушала и попросила изменить одно слово.

— Не «сообщить после рассмотрения», а «известить прежде дальнейшего рассмотрения». Она именно этого добивается.

Василиса перечитала фразу.

— Хорошо. Исправим.

Когда письмо переписали набело, она поставила подпись.

Наталья взяла копию.

— Отправлю ей со своими бумагами.

Уходя, остановилась у двери.

— Знаешь, мне нравится, что ты нынче расспрашиваешь об учениках из других городов.

— Пока только собираемся.

— Всё равно. Прасковья ведь тоже дочерей учить хочет, хотя у неё для них уже приготовлена совсем другая жизнь.

Василиса посмотрела на письмо, которое ещё лежало на столе.

— Вот потому и не следует за детей решать всё прежде времени.

Наталья кивнула и вышла.

В школе Анна Зиберт готовила два задания для следующего урока.

Первое предназначалось мальчику, хорошо запоминавшему иностранные слова. Теперь ему требовалось пересказать смысл короткого отрывка по-русски, не заглядывая в перевод под каждой строкой.

Для Гришки Анна приготовила задачу с деревянными обрезками. Он должен был измерить их, показать, как соединит, и записать последовательность своих действий. Истомин настоял, чтобы последнее условие она не смягчала.

Анна долго выбирала, сколько места оставить под объяснение. Потом взяла лист побольше. Гришка наверняка испортит первую попытку.

В соседней комнате Юлия Борисова переписывала учебный текст для младших. С другого стола доносился голос Натальи Сезинцевой, которая помогала ученику разобрать трудное слово. Занятия шли своим чередом, хотя места для новых детей по-прежнему оставались ограничены.

Анна сложила приготовленные листы.

Из лечебного двора пришла наставница с корзиной чистого полотна. Она сообщила, что для ближайшего практического занятия будут только две ученицы: третью отец пока не разрешил приводить.

— Дарью? – спросила Анна.

— Её.

— Он получил наше объяснение?

— Получил. Сказал, прочтёт, а пока дочь дома оставит.

Наставница поставила корзину возле двери.

— Мне её из записи вычеркнуть?

Анна подумала.

— Из ближайшего занятия убери. А имя в общем перечне оставь с пометкой, что семья разрешения пока не даёт.

Наставница достала лист, нашла строку Дарьи и сделала возле неё небольшую отметку.

Потом забрала корзину и ушла к своим обязанностям.

Анна вернулась к учебному столу.

Среди приготовленных работ лежал чистый лист, озаглавленный для будущих сведений из городов и слобод. Под заголовком она уже наметила места для имени ребёнка, возраста, семьи, местожительства и выполненной задачи.

В соседней комнате кто-то громко засмеялся, затем послышалось недовольное замечание Истомина. Анна подняла голову, прислушалась и поняла, что Гришка опять спорит о счёте.

Она взяла свои дощечки и пошла к ученикам.

Глава 14. Из городов и слобод

Сентябрь – октябрь 1703 года. Новгород. Москва.
Даты – по старому стилю.

Ещё в Москве Зиберт возражала против поездки.

Первые сведения из Новгорода можно было получить письменно. Истомин предлагал отправить проверочные задания, поручив местным учителям прислать выполненные работы. Но Вельяминов, которому предстояло отвечать за первый отбор, считал, что такой способ слишком много оставит на усмотрение людей, заинтересованных представить собственных воспитанников в лучшем свете.

Евдокия согласилась с ним и поручила Анне сопровождать Вельяминова на первых испытаниях. Зиберт знала школьные требования, умела отличать выученный перевод от самостоятельного понимания и уже сталкивалась с детьми, способности которых не совпадали с их грамотностью.

Поручение дали на три недели, включая дорогу. Если дело затянется, следовало отправить промежуточные результаты в Москву и отдельно просить о продлении.

За время отсутствия Зиберт Истомин взял на себя общее наблюдение за школьными занятиями. Старшие ученицы Юлия Борисова и Наталья Сезинцева получили привычные им задания по переписке и повторению выученного с младшими, а занятия, требовавшие личной проверки Анны, пришлось на время сократить. По возвращении ей предстояло наверстать пропущенное.

Эта договорённость раздражала Зиберт даже в дороге. Она взяла с собой несколько ученических работ и по вечерам просматривала их, хотя после целого дня испытаний глаза начинали болеть от мелкого письма.

Новгород встретил московских посланцев холодными утрами и размокшими улицами. На Торговой стороне у лавок с раннего часа толпились покупатели, через мост над Волховом шли люди с корзинами и узлами, а возчики бранились всякий раз, когда телеги не могли разъехаться. У берега грузили рыбу, зерно и деревянную посуду. Выше по течению несколько человек вытаскивали лодку на сушу для починки.

О приезде людей, намеревавшихся отбирать детей для дальнейшего учения, в городе узнали заранее. Слух быстро разошёлся по торговым рядам и слободам, обрастая подробностями, которых в московском поручении не было.

Одни надеялись пристроить сына к хорошей службе. Другие опасались, что ребёнка увезут далеко и обратно не отпустят. Некоторые родители решили, будто государево учение непременно сопровождается жалованьем, и привели детей прежде, чем выяснили, чему их собираются учить.

Новгородская приказная палата выделила небольшое помещение. Поставили длинный стол, несколько скамей и сундук для бумаг. Стены хранили следы давней сырости; когда затапливали печь, сперва пахло мокрой известью, затем начинало тянуть дымом.

Павел Осипов поставил перед проверяющими глиняный горшок с отбитым краем.

Изделие было невелико, на донышке сохранились следы соломы, прилипшей к сырой глине перед обжигом. Мальчик осторожно подвинул его к Анне Зиберт, вытер ладони о штаны и поклонился. По его лицу было видно, что он считает своё появление вполне удачным, хотя остальные дети приносили тетради и исписанные дощечки.

Вельяминов отложил лист, который собирался читать.

— Горшок зачем?

— Вы велели показать, что умею.

— Считать умеешь?

— Умею. Мне с горшком сподручнее.

Анна повернула изделие к свету. Глина была обожжена неравномерно: с одного бока темнее, у горлышка шла небольшая трещина. На донышке виднелись три короткие насечки.

Оказалось, отец Павла держал гончарную мастерскую в слободе неподалёку от Новгорода. Сын помогал готовить глину, относил готовую посуду к покупателям и участвовал в подсчёте изделий после обжига. Отец различал крупные и средние сосуды по насечкам, а третью Павел предложил ставить на партии мелких горшков: именно среди них в последнее время оказалось особенно много треснувших.

— Вот эта, — объяснял Павел, показывая самую длинную, — значит, большие горшки. Эта — средние. А третью я поставил, когда у нас мелкие трескаться стали. Отец прежде всё вместе считал, а потом не мог разобрать, где больше пропало.

Объяснял он сбивчиво, возвращался к уже сказанному, зато стоило Анне попросить показать расчёт, как сразу достал из кармана горсть камешков.

Из десяти сосудов два иногда портились. Сколько годных останется из тридцати, Павел определил почти без раздумья. Когда местный подьячий изменил условие и велел учесть часть денег, выданных покупателем вперёд, мальчик передвинул несколько камешков в отдельную кучку, подумал и снова ответил правильно.

Подьячий усмехнулся:

— С такими камешками всякий сочтёт.

— Тогда попробуйте, — предложила Анна.

Вельяминов кашлянул, скрывая улыбку, а подьячий поспешил протянуть мальчику перо.

С письмом дело пошло хуже.

Павел неловко взял перо, посадил кляксу на первой букве своего имени и так старательно выводил остальные, что занял почти полстроки. Незнакомый текст прочесть тоже не сумел. В записи возле его имени подьячий уже поставил: «К грамоте мало способен».

Анна увидела слова, попросила лист и исправила формулировку. Мальчик знал лишь начала письма и чтения, зато уверенно считал в знакомом ему деле. Это следовало сохранить в свидетельстве именно так.

— Разница невелика, коли читать не может, — заметил подьячий.

— Для того, кто собирается учить, велика.

Павел следил за их лицами. Он понял только, что о нём спорят, и на всякий случай прижал горшок к себе.

— Можно забрать? Отец по трещине хотел посмотреть, где глина плохо легла.

Анна разрешила. Уже у двери мальчик вспомнил, что умеет считать ещё и кирпичи, сообщил об этом с некоторой гордостью и выбежал к ожидавшим товарищам.

За дверью сразу поднялся шум. Павла расспрашивали об испытании; кто-то требовал показать горшок, другой посоветовал принести на следующий день целую печь, если московские люди так любят гончарное дело.

Вельяминов взял исправленный лист.

— С каждым столько возиться станем — до зимы здесь просидим.

Анна Зиберт пересчитала ожидавших детей. Сегодня их было двенадцать, а из ближайших уездов обещали прислать ещё несколько человек. Приглашали их по совету местных учителей и приказных служителей, однако никто толком не представлял, сколько времени потребует настоящая проверка.

— Павел хотя бы сразу показал, чему обучен, — заметила она. — С другими труднее будет.

Вельяминов посмотрел на дверь, за которой продолжали спорить о горшке, и велел позвать следующего.

После Павла Осипова привели Федота, сына посадского торговца.

Мальчик выглядел наряднее остальных. Он хорошо читал, красиво писал и отвечал так почтительно, что местный подьячий заранее приготовился занести его в число лучших. Отец сообщил, что готов оплатить часть расходов на обучение в Москве.

Анна предложила Федоту задачу о продаже товара. Он поспешил назвать ответ, ошибся, а когда ему предложили подумать ещё, повторил то же число громче, словно недостаток состоял лишь в том, что проверяющие плохо его расслышали.

С простой задачей мальчик справился. Вельяминов велел записать оба результата: добротное начальное образование было очевидно, но более трудный счёт требовал дальнейшего учения.

Отец ушёл недовольный. Ему казалось, что сына нарочно поставили в неловкое положение, хотя тот показал себя грамотнее многих других.

Следующим заметным учеником оказался Данила, которого привёл приходской учитель.

Ему было около десяти лет. Кафтан сидел неловко: рукава оказались слишком длинными, а выцветшая ткань на локтях была тщательно заштопана. Данила читал едва слышно. На незнакомой строке запнулся, остановился, начал снова и постепенно справился с текстом. Когда же его попросили написать несколько предложений, обнаружилось, что почерк у него ровный, а ошибок меньше, чем у тех, кто читал гораздо увереннее.

Приходской учитель объяснил, что мальчик заикается при чужих людях. Дома, за письмом, он спокоен и внимателен.

Зиберт отложила Данилину работу отдельно. В отличие от Павла, которому предстояло освоить самую основу грамоты, этот мальчик уже мог продолжать книжное учение. Вопрос заключался в том, сумеет ли его семья отпустить сына.

До обеда Анна успела проверить ещё несколько работ. Среди ожидавших нашлись дети, которых хорошо учили читать, но почти не занимались с ними счётом, и мальчики, способные вести торговые подсчёты, хотя незнакомый текст ставил их в тупик. Вельяминов велел записывать не только результат, но и то, у кого ребёнок прежде учился.

К полудню на столе лежали три стопки: работы, требовавшие повторной проверки, записи детей с достаточной подготовкой для дальнейшего обучения и сведения о тех, чьи практические способности заметно опережали грамотность.

Анна лишь закончила очередную запись, когда у двери появились двое посетителей.

Один был высоким, хорошо одетым человеком, привыкшим проходить вперёд без очереди. Другой — подростком с широкими ладонями, в коротком кафтане, на котором один рукав оказался длиннее другого.

Первый представился управляющим двором местного служилого господина.

Подросток стоял рядом, опустив глаза.

— Нам сказали, здесь детей к учению смотрят. Я вот привёл человека, который у нас в мастерской состоит. Счёт у него редкий. Писец наш подтвердить может.

Мальчика звали Никитой.

Он был сыном дворового плотника, умершего несколькими годами раньше. Мать по-прежнему состояла при том же господском дворе, работая в хозяйстве. Никиту с малолетства определили помогать мастерам; теперь его считали дворовым человеком владельца, и никакого срока, по истечении которого он мог бы свободно уйти, его служба не имела.

Зимой мальчик помогал учитывать приготовленный лес и железо, летом ходил с мастерами на работы. После смерти прежнего писаря ему постепенно стали доверять часть расчётов, которые раньше проверял старший плотник.

Анна обратилась к нему самому:

— Учиться хочешь?

Никита быстро поднял глаза.

— Хочу.

Управляющий усмехнулся.

— Он вечно к книгам лезет. Даже когда дело стоит.

Вельяминов пригласил подростка к столу.

На его пальцах виднелись мелкие царапины, под ногтями темнела старая краска. Увидев деревянные дощечки, Никита оживился. Он быстро решил задачу на измерение, затем справился с другой, где требовалось учесть несколько негодных заготовок. Писал медленно, зато последовательно и сам заметил ошибку в предпоследней строке.

Когда Анна спросила, кто его обучал, он рассказал о покойном писаре, занимавшемся с ним по вечерам.

— Теперь у мастеров больше бывает, — добавил управляющий. — Там его дело.

Вельяминов внимательно просмотрел расчёты.

— Для дальнейшего учения годится.

Управляющий сразу оживился:

— То-то я и говорил! Наш господин любит способных людей.

— Значит, отпустит мальчика, если получит приглашение?

Улыбка исчезла.

— Отпустить?

— Учиться в Москву.

— Да я привёл показать, что наш человек не хуже прочих. Об отсылке господин ничего не говорил.

Никита перестал смотреть на лист.

Вельяминов медленно положил перо.

— Тогда зачем приводили?

— Нам сказали, способных ищут. Вот мы и пришли. А кто без нас решит, где ему учиться?

Управляющий стоял уверенно. Для него испытание должно было подтвердить достоинства господского человека, а вовсе не повлечь потерю полезного работника.

Вельяминов записал результаты, не обещая приглашения без согласия владельца. Анна сохранила чистовую работу и вернула Никите черновик с его собственными расчётами.

Он осторожно свернул бумагу.

— Мне можно?

— Можно.

Никита спрятал лист за пазуху, поклонился и последовал за управляющим.

Когда дверь закрылась, Зиберт заметила, что Вельяминов всё ещё держит его запись.

— Способный мальчик, — произнёс он. — Только учить его мы пока не вправе.

На следующий день Анна Зиберт встретила Никиту возле Торговой стороны.

Он нёс длинную доску вместе со взрослым работником. Увидев её, подросток чуть замедлил шаг, однако остановился только возле козел, куда они опустили груз.

Работник отправился за следующей доской, а Никита, убедившись, что тот отошёл достаточно далеко, спросил:

— А в Москве таким задачам учат?

— И таким. Только там ещё многому придётся учиться.

— Я бы выучил.

Анна не сомневалась в его старании. Её гораздо больше тревожило, что мальчик, получив похвалу, теперь станет ждать приглашения, которого может никогда не быть.

Управляющий обещал спросить господина о возможном отъезде. Пока, по словам Никиты, разговор так и не состоялся.

— А если я здесь ещё что-нибудь решу, можно вам работу передать?

Анна подумала о его матери, оставшейся при господском дворе, и о том, как легко подозрение в самовольном желании уйти могло обернуться неприятностями для обоих.

— Если хозяин дозволит тебе заниматься и передавать работы, присылай через местного учителя. Твоё испытание у нас записано. Береги его и службу из-за него не бросай.

Никита успел кивнуть, прежде чем товарищ позвал его обратно. Он подхватил доску и ушёл, оставив на козлах несколько свежих стружек.

Вельяминов тем временем разбирал новую неприятность.

Местный служитель представил свидетельство о грамотности мальчика, составленное его родственником. Подьячий уверял, что ребёнок отлично читает, пишет и достоин дальнейшего обучения. Самостоятельных работ при свидетельстве не оказалось.

Вельяминов предложил привести его на обычное испытание.

Служитель поморщился. Речь шла о родне известного в городе человека, исправно несшего государеву службу. Отказывать такому семейству в простой рекомендации он считал неразумным.

Вскоре выяснилось, что предлагаемый подросток приходился родственником владельцу Никиты.

Управляющий снова явился в приказную палату и объяснил, что господин охотно отправит своего молодого родственника в Москву, если для него найдётся место. Юноша уже учился грамоте, семья могла обеспечить ему дорогу и была готова исполнить надлежащие требования. Никиту же следовало оставить при мастерской, где он приносил пользу.

Вельяминов велел испытать родственника на общих основаниях.

Тот действительно хорошо читал и писал, хотя задачи на практический счёт решал значительно медленнее Никиты. Анна внесла результаты в отдельную запись, стараясь не показать раздражения. Юноша ничем не провинился: за него хлопотали взрослые, а сам он добросовестно выполнял предложенное.

Управляющего, однако, не удовлетворило отсутствие обещания.

— Наш господин готов родственника отправить. Зачем вам ещё дворового мальчика записывать?

Вельяминов показал обе работы.

— Потому что каждый отвечал сам за себя. Решать, кого принять, будут по испытанию и по возможности отъезда. Одного другим заменять мы не станем.

К вечеру управляющий вернулся уже с определённым ответом владельца.

Господин признавал способности Никиты, даже гордился ими, но в Москву мальчика отпускать не намеревался. При мастерской не хватало человека, способного вести расчёты материалов; после смерти писаря за некоторые записи и так отвечал старший плотник, у которого было достаточно собственных дел.

Владелец рассчитывал, что Никита и впредь станет помогать при счёте и разметке. Ученичество в Москве не сулило хозяйству никакой выгоды.

— Книги ему читать дозволено, коли время найдёт, — объяснял управляющий. — А увезёте, кто у нас железо считать станет?

Вельяминов велел записать, что владелец отказывает в разрешении на отъезд. Управляющий поправил его: господин вовсе не возражает против учения мальчика, он лишь не желает лишаться дворового человека.

Это различие было внесено в запись.

Управляющий попросил копию свидетельства о способностях Никиты для господина. А на следующее утро в приказную палату поступило письменное обращение: местные служители желали знать, могут ли московские проверяющие рекомендовать к отъезду людей, состоящих в зависимости от владельцев.

Вельяминов перечёл обращение дважды. Никого увозить он ещё не собирался, но сама запись о способностях Никиты уже стала предметом спора.

На столе лежала бумага с ясными, правильными расчётами подростка. У двери стоял приказной человек, ожидавший письменного ответа, а за окном проходили работники с длинными досками для нового настила.

Вельяминов подтвердил прежнее поручение: испытание устанавливает способности, но само по себе не освобождает человека от службы. Приглашение к дальнейшему учению требует отдельного разрешения.

Служитель выслушал и попросил изложить это письменно.

Тем вечером от владельца Никиты отправили письмо в Москву.

Его адресовали родственнику, имевшему знакомых среди людей дома Голицыных. Вместе с жалобой о неясном порядке школьного отбора отправляли копию Никитиного испытания, выписку из новгородских распоряжений и просьбу разъяснить, вправе ли кто-либо требовать отправки дворового человека только потому, что тот оказался способным.

Управляющий сам проследил, чтобы письма завернули от сырости и положили в дорожный мешок. Он рассчитывал получить ответ прежде, чем из Москвы пришлют окончательное распоряжение об учениках.

В тот же вечер к Анне пришла мать Данилы.

Она стояла на пороге с узлом белья. Видно было, что собиралась с духом всю дорогу, а теперь, оказавшись перед московской учительницей, не знала, с чего начать.

— Мне сказали, сын хорошо отвечал.

— Хорошо. Особенно письмо у него чистое.

Женщина поглядела на стол, покрытый ученическими работами.

— А теперь его в Москву заберут?

Вельяминов поднял голову.

— Без вашего согласия не отправляем.

— Я про другое хотела узнать.

Она развязала узел. Внутри лежали рубаха, пара чулок и кусок полотна, аккуратно сложенный по сгибам.

— Если возьмёте, мне ему что давать? У нас денег немного. Вот бельё приготовила. Только до Москвы оно износится, а там кто новое купит?

Анна пригласила её сесть, но женщина продолжала стоять с раскрытым узлом в руках.

Муж её умер несколько лет назад. Данила помогал дома, носил воду, ходил за покупками, иногда переписывал для соседей короткие записи и получал за это небольшие деньги. Приходской учитель советовал дать мальчику дальнейшее обучение, однако не мог обещать ни места, ни содержания.

— Отец его, когда жив был, всё говорил, что Даниле книги нужны, — рассказала женщина. — Я думала, пусть хотя бы писать выучится. А теперь говорят, в Москву годится.

Она погладила край рубахи.

— Ежели там заболеет, кто мне сообщит? И вернут ли его домой?

Анна чувствовала, что обычная похвала мальчику только обидит мать. Та уже знала, что сын способный. Именно поэтому и пришла с бельём, которое приготовила задолго до приглашения.

— Прежде отправки должно быть определено, где он станет жить и какое содержание получит, — ответила Зиберт. — Пока этого нет, я вам дороги советовать не стану.

Женщина завязала узел обратно.

— Тогда рано мне собирать.

Она не отозвала сына из списка. Попросила лишь сообщить условия прежде, чем назначат отъезд.

Уже возле двери остановилась.

— Он ведь, коли туда попадёт, домой потом захочет?

Анна не знала Данилу настолько хорошо, чтобы отвечать за его желания.

— Захочет — напишет вам. А как будет устроен его отпуск, это надо оговорить заранее.

Женщина кивнула.

— Он сам хорошо пишет. Только мне читать трудно. Соседа попрошу.

Зиберт проводила её до двора.

За время отсутствия Анны Вельяминов разложил бумаги на две стороны стола. С одной — Никитины расчёты и запись о несогласии владельца. С другой — работа Данилы и ещё пустое место для сведений о его будущем содержании.

— По первому хозяин не отпускает, — сказал он. — По второму мать отпустить готова, да нам нечего ей пока обещать.

Анна положила на стол сведения о Даниле и достала письмо Истомина, полученное из Москвы.

Тот сообщал, что после завершения занятий нескольких прежних учеников в школе освободились места, содержание которых уже было предусмотрено. Часть старших вернулась к семьям или поступила к службе, освободив помещения для новых. Но окончательный список мест ещё требовалось подтвердить по расходам.

— Может, Даниле одно достанется, — сказала Анна.

Вельяминов взял письмо.

— Сначала пусть подтвердят. Мать его второй раз зря собирать не станем.

К концу второй недели стало ясно, что первоначального срока не хватит. Вельяминов отправил в Москву первые результаты испытаний и отдельную просьбу продлить поручение до завершения отбора. Ответ пришёл уже после истечения трёх недель: поездку разрешили продолжить до получения окончательных решений по первым кандидатам. Истомин тем временем сохранял временный порядок занятий, но просил Зиберт возвращаться сразу после окончания дела, поскольку некоторые уроки без неё пришлось сократить.

В Москве новгородские бумаги первоначально попали к человеку, служившему при доме Голицыных.

Родственник владельца Никиты просил содействия в разъяснении порядка отбора. Никаких обвинений в насильственном вывозе работников в письме не было: мальчик оставался при прежнем дворе, что подтверждалось приложенными записями.

Но неясность существовала.

В одном документе Никита значился способным к дальнейшему учению. В другом говорилось, что владелец не разрешает его отправлять. Из первоначального поручения Вельяминову было понятно, что положение ребёнка следует проверять, но порядок удостоверения такого положения для местных властей оставался недостаточно определённым.

Голицын ознакомился с копиями и потребовал показать само московское поручение.

Он прочёл его внимательно.

Евдокия заранее предусмотрела необходимость согласия тех, кто вправе отпускать детей, и это лишало князя возможности обвинить её в намеренном нарушении чужих прав. Зато между внутренним указанием посланцу и документом, который должен был получить новгородский приказной человек, оставалась разница.

На ней Голицын и построил возражение.

Князь требовал, чтобы до отправки ребёнка власти на местах имели ясное письменное подтверждение его положения, оснований отъезда и назначенного содержания. Если возникал спор о служебной зависимости или правах семьи, приглашение следовало задерживать до разрешения дела в надлежащем порядке.

Возражение подали официально, приложив к нему полученные из Новгорода копии. Оно не отменяло распоряжение регентши, но требовало определённого ответа.

Известие дошло до Новгорода прежде окончательного решения Евдокии.

Вельяминов обнаружил перемену, когда попросил приготовить дорожные бумаги первым намеченным ученикам.

Старший писец приказной палаты отложил два дела.

— По этим сначала надобно удостоверить, кто вправе детей отпускать.

— Мы уже выясняем.

— Тогда представьте окончательные сведения. После письма князя без них выписок делать не стану.

Вельяминов напомнил, что прежнее поручение тоже запрещало отправлять детей без надлежащего основания.

— Я о том же и говорю, — ответил писец. — Прежде вы обещали проверить. Теперь с нас потребуют бумагу, что проверено.

Для большинства учеников эта перемена не стала препятствием: их семьи и положение были известны, а согласия можно было получить без спора.

Но два приглашения, которые Зиберт уже рассчитывала подготовить к отъезду, задержались.

В одном случае требовалось подтвердить, что мальчик не состоит на прежней службе, из которой его могли потребовать обратно. Свидетельство нашли за несколько дней.

Другое дело принадлежало Егору, сыну посадского кузнеца.

Егор хорошо справился с испытанием на счёт и письмо, а отец согласился отпустить его в Москву. Однако после раздела семейного имущества кузница и большая часть инструмента остались за старшим родственником. Отец Егора работал там по договорённости, а мальчик помогал при горне и подносил заготовки. За пользование кузницей семья была обязана предоставлять определённое число рабочих дней.

Отъезд Егора сам по себе не требовал разрешения родственника, но оставлял отца без помощника и ставил под угрозу исполнение этой договорённости. Старший родственник потребовал прежде решить, кто заменит подростка в мастерской.

Вельяминов надеялся разрешить дело до отъезда. Теперь приказная палата требовала устранить спор прежде выдачи дорожной бумаги.

Егор оставался дома, пока взрослые обменивались заявлениями. Несколько раз он приходил к воротам палаты, но внутрь его уже не звали: испытание было закончено, а новые задачи не могли изменить положение.

Когда наконец представили необходимые свидетельства, отец Егора сообщил, что этой осенью мальчик не поедет. Договориться о замене помощника в кузнице не удалось, а потерять возможность работать на прежних условиях семья не могла.

Зиберт прочла ответ возле школьного стола. Егоров лист с правильными расчётами лежал среди работ рекомендованных учеников. Она сделала помету об отсроченном отъезде и переложила его к бумагам тех, для кого места пока не будет.

На следующий день местный служитель принёс новый образец выписки. Отныне каждый спорный случай требовал письменного подтверждения основания отъезда.

Анна заметила, что князь Голицын лично не задерживал ни одной повозки. Однако Егор уже вернулся в кузницу, а его приглашение перестало быть действительным для ближайшей отправки.

Василиса получила возражение Голицына в октябре.

Вместе с ним пришли новгородские записи, письмо Вельяминова и перечень детей, чьи дела задержались из-за требования новых подтверждений.

Она сначала прочла собственное прежнее поручение, затем предложение князя. Между ними оказалось неприятно мало противоречий.

Евдокия и сама не разрешала вывозить зависимых подростков без выяснения их положения. Но теперь это условие предлагалось закрепить в письменном порядке, обязательном для всех местных исполнителей. Причём его нарушение становилось основанием для нового официального возражения.

Головин, ожидавший решения, положил рядом выписку о Егоре.

— Его мать в Новгороде уже спрашивала, нельзя ли вернуть приглашение. Но семья отъезда не допускает.

— А сам мальчик?

— Учиться хочет.

Василиса дочитала запись.

К моменту, когда люди наконец выяснили, кому какие обязательства надлежит исполнить, отец Егора уже отказался от осенней поездки сына. Мальчику предстояло вернуться в кузницу, хотя место среди рекомендованных он заслужил собственными силами.

— По Никите кто-нибудь требовал отправки? — спросила Евдокия.

— Нет. Вельяминов лишь признал его способности.

— Голицын это знает.

— Из бумаг должен знать.

Она закрыла папку.

Князь добивался не возвращения одного дворового мальчика, которого никто и не увозил. Он превращал прежде предусмотренную осторожность московских посланцев в публичное условие, которым смогут пользоваться владельцы и местные власти. Следующий спор уже нельзя будет решить одним неформальным разъяснением.

Отвергнуть возражение Евдокия могла. Тогда Вельяминов продолжал бы ссылаться на прежнее поручение, а новгородские служители — на отсутствие определённой процедуры. Дети ждали бы, пока взрослые выясняют, чья бумага важнее.

Василиса взяла чистый лист.

— Испытания продолжать, — сказала она. — Но прежде приглашения пусть удостоверяют положение ребёнка, согласие тех, кто вправе его отпустить, и назначенное содержание. Если возник спор, отправку задерживать до решения дела.

Головин записывал без возражений. Он уже видел новгородские бумаги и понимал, почему одного прежнего поручения оказалось недостаточно.

— По Никите рекомендацию оставить, — продолжила Евдокия. — Его способности никуда не делись оттого, что хозяин не отпускает. Приглашение, однако, не посылать.

— А по Егору?

Василиса некоторое время смотрела на лежавшую перед ней работу.

— Повторно узнать желание семьи. Если нынче не согласны, место за ним бесконечно держать нельзя. У нас других детей тоже ждут.

Головин отложил лист с Егориной записью.

До отъезда первых учеников требовалось подтвердить число свободных мест, а доходов для расширения содержания не появилось. После дела Панкратова она особенно хорошо знала, чего стоят обещания, сделанные без денег.

— Из прежних школьных расходов можно содержать троих? — спросила Евдокия.

— Троих, если использовать места выбывших учеников и не открывать дополнительных выдач. За остальных придётся искать отдельное обеспечение.

— Значит, троих. И по каждому пусть Истомин подтвердит, что место действительно свободно.

Она подписала новый порядок. Его копии предстояло отправить в Новгород и другим людям, которым впоследствии поручат подобные испытания.

Голицыну подготовили письменный ответ с сообщением о принятых условиях.

Василиса могла не соглашаться с князем в его отношении к чужой зависимости. Но указанный им пробел существовал, и исправить его теперь пришлось публично.

Когда Головин вышел, она ещё раз просмотрела лист Никиты. Правильный счёт, аккуратно исправленная ошибка, рекомендация Анны Зиберт.

На обороте стояли сведения о владельце и матери, остававшейся при том же дворе.

Василиса вернула бумагу в папку. Открытое школьное место требовалось кому-то отдать, а мальчик, чьи способности вызвали весь спор, по-прежнему не мог им воспользоваться.

Ответ регентши Голицын получил через несколько дней.

Он прочёл его при одном из людей своего дома, попросил изготовить копию для новгородских знакомых и распорядился хранить подлинник вместе с первоначальным возражением. Князь получил официальное подтверждение порядка, исполнения которого теперь могли требовать заинтересованные лица.

Приближённый спросил, следует ли готовить дальнейшее обращение.

— Пока нет, — ответил Голицын. — Посмотрим, как исполнят.

Он вернулся к другим бумагам.

В Новгороде получение нового порядка прежде всего заставило Вельяминова заново разобрать список возможных отъезжающих.

Делать это пришлось быстро: продлённое поручение подходило к концу. Истомин из Москвы просил Зиберт возвращаться к занятиям, а Вельяминову следовало закончить отбор прежде, чем осенние дороги станут совсем тяжёлыми.

К числу детей, чьи испытания требовали дальнейшего решения, относились Павел, Федот, Данила, Никита и Егор.

Павлу Осипову требовалось начальное обучение чтению и письму. Он по-прежнему помогал отцу в гончарной мастерской, и семья пока не собиралась отправлять его далеко от дома. Анна оставила рекомендацию продолжать занятия на месте.

Федот, сын торговца, при дополнительной проверке справился со счётом лучше, чем в первый день. Отец, уже понявший, что одного красивого письма для приёма недостаточно, обещал обеспечить проживание мальчика у московского знакомого и оплатить дорогу. Истомин подтвердил, что Федота можно присоединить к действующим занятиям без найма ещё одного наставника.

Данила получил одно из трёх мест, освободившихся в школе после выбытия прежних учеников. Два других предоставили детям из числа уже испытанных, чьи работы, семейное положение и согласие на отъезд удалось проверить без споров. Их имена внесли в дорожную роспись; отдельной истории они в новгородских испытаниях не имели.

Четвёртым стал Федот, за которого платил отец.

Никита остался в числе рекомендованных, но без разрешения владельца на отъезд. Егору приглашение отменили на нынешнюю осень после решения семьи.

Вельяминов перепроверил дорожные бумаги: трое получали содержание из прежних назначенных школьных средств, а Федот отправлялся на семейные деньги. Общую повозку и сопровождающего согласовали заранее; расходы каждого ученика были записаны отдельно, чтобы позднее казна не оказалась должна за то, чего не обещала.

Анне пришлось ещё раз объяснять матери Данилы, как всё устроено.

Женщина пришла с тем же узлом, только теперь бельё было выстирано и аккуратно переложено. Вельяминов показал ей письменное подтверждение места, назвал человека, которому Данила должен явиться по прибытии, и место его будущего проживания. Содержание было скромным, но определённым.

Мать попросила прочесть бумагу вслух.

Анна прочла.

Потом женщина взяла лист и долго рассматривала подписи, хотя сама едва разбирала написанное. Убедившись, что сыну назначены жильё и питание, согласилась окончательно.

— А если он мне письмо напишет, кто передаст?

Зиберт объяснила, через кого можно отправлять известия между Москвой и Новгородом. Данила уже хорошо писал; в отличие от многих других детей, ему не требовался помощник, чтобы рассказать о себе.

Матери же предстояло просить кого-нибудь прочесть полученное письмо.

Она знала это и всё равно была рада такой возможности.

Никиту вызвали перед самым отъездом.

Он пришёл один, в том же коротком кафтане, только длинный рукав теперь был подвёрнут и придерживался ниткой, успевшей распуститься у запястья.

Анна Зиберт положила перед ним чистовую запись его испытания.

— Отправляли в Москву. Ответ получили. Работы твои признали хорошими.

Никита прочёл первые строки, остановился на упоминании счёта и поднял голову.

— Значит, взяли?

Вельяминов объяснил, что рекомендация остаётся, но хозяин не дал разрешения на отъезд. Поэтому нынешней осенью мальчик поедет обратно в своё хозяйство, а учёбу сможет продолжить лишь настолько, насколько позволяют его положение и распоряжения владельца.

Никита слушал, не перебивая. Он понимал значение этих слов лучше, чем взрослые предполагали.

— Можно я ещё работы буду делать? — спросил он наконец.

Анна не стала обещать, что новые расчёты принесут другое решение.

— Делай, если хозяин позволяет. Местный учитель сможет посмотреть их и передать сведения, когда будет случай. Только не бросай службу самовольно.

Подросток кивнул.

Он уже собирался вернуть запись, когда Вельяминов предложил оставить ему копию.

Никита принял лист осторожно, стараясь не касаться свежего письма испачканными пальцами.

Потом вспомнил, что принёс ещё один расчёт.

На небольшом обрывке бумаги были обозначены размеры деревянной рамы. Одно число мальчик зачеркнул и заменил другим.

— Здесь отчего переменил? — спросила Анна.

— При первом счёте толщину боковой доски забыл. А тогда середина уже получается.

Зиберт проверила.

— Верно исправил.

Никита спрятал лист обратно за пазуху.

За дверью его окликнули: из мастерской послали человека поторопить мальчика к работе.

Он поклонился и выбежал.

Вельяминов некоторое время смотрел ему вслед.

— А на бумаге хороший ученик.

— Хороший, — ответила Анна.

Она убрала его запись к работам тех, кого пока нельзя было отправить.

Отъезжающих собрали во дворе приказной палаты.

Возле повозки стояли трое мальчиков с дорожными узлами: Данила и двое других, принятых на освободившиеся школьные места. Федот, четвёртый ученик, должен был присоединиться к ним за городом, где его отец заранее условился встретить сопровождающего.

У Данилы была новая рубаха, которую мать сшила из отложенного полотна. Сверху он надел прежний кафтан. Теперь тот сидел немного лучше: женщина укоротила рукава и переставила пуговицы.

Она принесла небольшой узел с едой, хотя знала, что в дорогу мальчика обеспечат необходимым.

— Это ему самому, — объяснила сопровождающему. — Коли проголодается прежде остановки.

Данила стоял возле повозки, серьёзный и бледный. Он успел несколько раз перечитать дорожную запись и теперь держал бумагу под кафтаном, опасаясь потерять её среди вещей.

Анна подошла проверить, помнит ли он, к кому должен обратиться в Москве.

Мальчик назвал человека и место, затем сам достал лист и показал строку с дальнейшими указаниями на случай, если назначенного служителя не окажется поблизости.

— Матери писать будешь? — спросила Зиберт.

— Буду.

Мать услышала и отвернулась к дорожному узлу, будто ей вдруг потребовалось поправить тесёмку.

Возле повозки возникло затруднение. Один из сундуков оказался тяжелее остальных, и возчик опасался ставить его сверху: крышка нижнего могла не выдержать. Люди попробовали подвинуть груз ближе к борту, но сундук перекосился, угрожая придавить лежавший рядом мешок.

Никита, пришедший вместе с работниками из мастерской, подставил под тяжёлый угол деревянный брусок.

— Сюда, — показал он. — Под днище. Теперь можно поворачивать.

Работники приподняли сундук, передвинули его на нужное место и закрепили верёвками. Возчик проверил узлы, после чего разрешил мальчикам садиться.

Никита отступил к стене.

Данила заметил его и протянул руку.

— Я тебе писать могу?

— Куда?

— В Новгород. Учителю. Он передаст.

— Пиши.

Попрощались они неловко, будто оба хотели сказать больше, но не знали, какие слова здесь годятся.

Мать Данилы в последний раз поправила ему ворот и потрогала узел с едой. Она всё ещё держала его за край, когда возчик окликнул мальчика.

Пришлось отпустить.

Вельяминов передал сопровождающему дорожные бумаги, убедился, что тот знает места остановок, и отошёл от повозки. Зиберт осталась возле матери, пока лошади не тронулись.

Данила оглянулся.

Мать подняла руку, однако за повозкой не побежала. Дождалась, пока та выехала за ворота, потом нагнулась и подобрала обрывок верёвки, оставшийся от дорожного узла.

Никита задержался у пустого места, где стоял сундук.

Из мастерской за ним уже послали.

Он подхватил оставленный у стены деревянный брусок и отнёс к сложенным доскам. Потом вытер ладони о кафтан и пошёл обратно, туда, где его ожидала работа.

Глава 15. Голос протопопа

Октябрь – ноябрь 1703 года. Москва.

Даты – по старому стилю.

В середине октября Акулина Боброва не пришла на занятия.

Наставница обнаружила её отсутствие, когда собирала тетради для проверки. Девочка обычно сидела у окна, поближе к свету, и неизменно оставляла возле чернильницы какой-нибудь клочок бумаги с выписанными словами. Сегодня на её месте лежала забытая тетрадь, а рядом устроилась младшая ученица, которой прежде приходилось тянуться через плечо соседки, чтобы разглядеть написанное на доске.

Наставница отложила тетрадь.

— Акулину никто не видел?

Ответила одна из старших:

— Вчера её мать к тётке водила. А нынче, говорят, отец не пустил.

Причины девочка не знала.

К обеду выяснилось, что дома оставили ещё одну ученицу. За третьей прислали после утреннего занятия, хотя никакой болезни в семье не случилось. Отец велел привести дочь домой и впредь отпускать её лишь после отдельного разговора с наставницей.

Та велела передать, что готова принять его завтра. Но на следующий день вместо отца явилась мать Акулины.

Женщина вошла в школьную горницу, дождалась, когда ученицы закончат переписывать заданный отрывок, и попросила отдать дочерину тетрадь. Сама Акулина, объяснила она, пока заниматься не будет.

— Заболела?

— Здорова, благодарение Богу.

— Тогда что случилось?

Женщина помедлила, поправляя выбившийся из-под платка волос. Она была одета чисто, но небогато; пальцы покраснели от холодной воды, на правой ладони темнела маленькая трещина возле большого пальца.

— Муж велел забрать её из школы.

— Отчего?

— Люди разговаривают.

Наставница предложила сесть. Женщина отказалась, однако и уходить не спешила.

Оказалось, несколько дней назад родственница мужа пришла к ним с известием, будто в государевой школе девиц учат врачевать мужчин, а наставления берут из чужеземных книг. Та же родственница напомнила, что Акулине уже тринадцать лет и скоро придётся думать о замужестве.

— Акулина ведь к лечебному двору отношения не имеет, — сказала наставница. — Она занимается письмом и счётом.

— Я знаю. И мужу говорила.

— Почему же он её не отпускает?

Женщина посмотрела на открытую дверь, за которой слышались голоса учениц.

— Он боится, что потом никто разбирать не станет, кто чему учился. Скажут, девка в лекарской школе была, и довольно.

Наставница хотела возразить, но женщина продолжила:

— У нас старшая дочь замужем. Её свекровь уже спрашивала, что за учение у младшей. А мужу на торгу всякое пересказывают. Он человек вспыльчивый. Вчера сказал: хватит, пускай дома сидит.

Сама мать не желала прекращать занятия. Акулина научилась разбирать письма, помогала записывать хозяйственные расходы и этим летом впервые самостоятельно написала родственникам в другой город. Ответ пришёл недавно, и девочка трижды перечитывала его вслух.

— Она вчера плакала, — призналась женщина. — Просила хотя бы до зимы походить. Муж запретил.

Наставница взяла со стола тетрадь.

— Я могу поговорить с ним.

— Он к протопопу Сергию собирается. Хочет прежде у батюшки узнать, правильно ли поступает.

В голосе женщины слышалась надежда. Возможно, она рассчитывала, что духовник рассудит иначе и мужу придётся согласиться.

Наставница предложила пока оставить тетрадь в школе. Здесь были незаконченные упражнения, к которым девочка могла вернуться, если отец переменит решение.

Женщина согласилась.

Перед уходом она задержалась возле лавки, где две младшие ученицы разбирали слова по складам. Одна никак не могла прочитать длинную строку, другая терпеливо показывала ей буквы.

— Наша тоже так сперва мучилась, — сказала женщина. — А теперь сама письма пишет.

Она ушла, оставив дверь неплотно прикрытой. Наставнице пришлось подняться и закрыть её: из сеней тянуло холодом.

Гаврила Бобров пришёл к Сергию после воскресной службы.

Он знал протопопа много лет, жертвовал свечи к праздникам, иногда просил совета по семейным делам и не принадлежал к людям, которые ради всякой неприятности ищут духовного заступничества. На этот раз его привела не только тревога за дочь. Ему хотелось прекратить разговоры, начавшиеся среди родни.

Сергий выслушал его в небольшой комнате возле церкви. Приходской служитель подбрасывал дрова в печь; на подоконнике лежали несколько свёрнутых записок о поминовении.

— Акулина к больным ходила? — спросил протопоп.

— Нет, батюшка. Она грамоте училась.

— Тогда отчего лекарства поминаешь?

Гаврила рассказал о слухах и о том, что случилось с Дарьей, дочерью одного из знакомых служилых людей. Та, по словам рассказчиков, после посещения лечебного двора попробовала сама помочь больной служанке, хотя позволения на это не имела.

Сам Гаврила ни Дарью, ни её отца близко не знал. Историю передали ему через двух человек, и каждый прибавил что-то своё.

— Говорят, отец её больше не пускает.

— С ним я ещё не беседовал.

— А другой говорит, будто девок там чужеземцы учат человеческое тело разбирать.

Сергий нахмурился.

— Кто говорит?

Гаврила назвал торгового знакомого. Откуда тот получил известие, объяснить не смог.

Протопоп велел ему отделять услышанное от того, что он знает сам.

— Ты дочь в школу за грамотой отдал. Она там дурному научилась?

— Нет.

— Против отцовской воли поступила?

— Тоже нет.

— За что же наказал?

Гаврила не ожидал такого вопроса.

— Я её от худой славы берегу.

— От какой славы, коли сама ничего худого не делала?

— А люди станут спрашивать?

Сергий прошёл к столу и убрал одну из записок под книгу.

— Будут. Люди и без школы спрашивать умеют. Только если учение действительно выходит за должную меру, надобно узнать, где эта мера нарушена. Тогда и судить.

Гаврила рассказал, что его жена уже ходила к наставнице. Та уверяла, будто девочки, обучающиеся письму, вовсе не обязаны посещать лечебный двор.

— Стало быть, такое разделение есть, — заметил Сергий.

— На словах есть.

— Проверим.

Протопоп обещал расспросить людей, знающих школьное дело. Но отпускать дочь обратно до выяснения обстоятельств Гавриле не советовал.

Тот вернулся домой с чувством, что поступил предусмотрительно. Жена, услышав о разговоре, спросила, запретил ли батюшка Акулине учиться.

— Не запретил. Сказал, прежде разобраться надобно.

— А пока?

— Пока дома побудет.

Акулина сидела в соседней горнице и слышала последние слова. Когда мать позвала её помогать с бельём, девочка вышла молча.

В течение следующих двух недель Сергий узнал о школе больше, чем за всё предыдущее лето.

К нему приходили родители, женщины из благотворительных домов, несколько прихожан, чьи родственники служили при лечебном дворе. Одни просили защитить дочерей от неподобающих занятий, другие хотели удостовериться, что им позволят продолжать обычную грамоту.

Принесли и сведения о Дарье.

Её отец действительно получил разъяснение наставницы, но дочь пока оставил дома. Он не утверждал, будто девочку учили запрещённому делу. Его сердило, что она, увидев несколько приёмов ухода за больной женщиной, решила самостоятельно повторить их.

Сергий узнал также, что в лечебном дворе давно работают две девушки, подготовленные прежней наставницей Марфой. После её отъезда на север они остались при своих обязанностях под наблюдением другой опытной женщины. Новых постоянных учениц к ним не принимали.

Часть школьниц лишь изредка допускали смотреть отдельные занятия, и то после согласия родителей.

Эти обстоятельства протопоп принял во внимание. Но услышанное не успокоило его окончательно.

В государевой школе обучались девочки, которым предлагали больше занятий, чем получали их матери. Рядом существовал лечебный двор, где трудились женщины, освоившие непривычные навыки. Некоторые объяснения переводили из иностранных книг. А родители, как выяснилось, представляли себе устройство этого обучения совершенно по-разному.

В воскресенье Сергий заговорил об этом после службы.

Он не выходил с отдельной проповедью против школы. Сперва ответил на несколько вопросов, затем попросил задержаться тех, у кого дети посещают государевы занятия.

В церкви оставалось человек тридцать. Возле дверей переговаривались женщины, мальчишка с сонным лицом ждал отца, прислонившись к стене. Догоравшие свечи потрескивали от сквозняка.

— Грамота девицам не возбраняется, — начал Сергий. — И милосердие к больному человеку грехом назвать нельзя. Но добрые дела тоже требуют разумения.

Он рассказал о различии между уходом за больными женщинами и самостоятельным лечением, которого не следует поручать детям. Затем спросил присутствующих, всякий ли родитель знает, кому доверена его дочь, какие книги ей дают и чему она вправе учиться без отдельного разрешения семьи.

Один из прихожан возразил, что его девочка только пишет и считает, а в лечебный двор ни разу не ходила.

— Значит, тебе ведомо её занятие, — ответил Сергий. — Другому человеку может быть неведомо. Пусть узнает.

Женщина, стоявшая возле стены, попросила передать наставницам, чтобы матерям дозволяли присутствовать на занятиях, связанных с уходом за больными.

— О том и станем просить, — сказал протопоп.

Он напомнил, что помощь роженицам и больным женщинам издавна лежит на женских руках. Знания опытной повитухи или сиделки полезны, если передаются с должным надзором. Но девочка, едва увидевшая приём, ещё не становится мастерицей. За её ошибку пострадает больной, а отвечать придётся семье.

Потом он заговорил о книгах.

— Чужой язык сам по себе скверны не несёт. Но нельзя давать детям наставления, которые и взрослый без сведущего человека истолкует неверно. Кто выбирает такие книги? Кто проверяет перевод? Это надобно знать прежде, чем доверять ему дочь.

Гаврила Бобров слушал возле входа. Он надеялся услышать прямой запрет, но протопоп говорил главным образом о надзоре и семейном согласии.

После службы к Сергию подошли сразу несколько человек.

Одни благодарили за разъяснение. Другие просили сказать прямо, следует ли забирать детей из школы. Протопоп отвечал, что решать должны родители, разобравшись в самом учении.

По московским дворам эти слова разошлись иначе.

К концу недели рассказывали, будто Сергий обвинил государевых наставниц в опасном новшестве. Где-то уверяли, что девочек собираются учить врачевать мужчин. В другом приходе говорили уже о чужеземных книгах, которые не дозволено показывать незамужним девушкам.

Сам Сергий таких утверждений не делал.

Но родители всё чаще откладывали возвращение дочерей к занятиям.

Тихон Ларионов перестал присылать полотно в конце октября.

Наставница лечебного двора узнала об этом, когда приказчик доставил обычные припасы, но вместо двух свёртков добротной ткани привёз только небольшую записку. В ней хозяин сообщал, что прежнюю помощь школьному письму и счёту сохраняет, а выдачи на занятия уходом за больными прекращает до разъяснения нового порядка.

Наставница нашла его в лавке на торговом дворе.

Ларионов стоял за прилавком, где работник отмерял покупательнице полотно. Дождавшись, пока та расплатится, он провёл гостью в соседнее помещение. Здесь было тесно от сундуков с товаром, зато можно было говорить без посторонних.

— Чем же вам прежний порядок не угодил? — спросила наставница.

— Тем, что я его толком не ведал.

— Вы сами обещали полотно для ухода за больными.

— Для полезного учения, — уточнил Ларионов. — А теперь вся родня меня спрашивает, кому оно служит.

Он достал из сундука старую запись пожертвований. В ней были отдельно обозначены деньги на грамоту и полотно для учебных надобностей.

— На письмо обещанное отдам. За остальное пока не взыщите.

Наставница объяснила, что постоянные помощницы лечебного двора не являются школьницами, а девочек допускают лишь наблюдать за отдельными занятиями. Ларионов выслушал это без спора.

— Значит, пускай и впредь наблюдают, коли отцы позволяют. Только я нынче не желаю содержать дело, про которое в приходе каждый своё рассказывает.

— Если всем рассказывать начнут, у нас ни одной ученицы не останется.

— Потому сперва наведите порядок. Тогда и посмотрим.

Наставница поняла, что денег она не получит, и ушла.

К вечеру пришлось решать, на что употребить оставшееся полотно. Для обычных больных его берегли, стирали, высушивали и снова пускали в дело там, где это было допустимо. На учебные упражнения выдавали отдельные куски, уже не годившиеся для других нужд. Запасы таких обрезков почти закончились.

В лечебном дворе две постоянные ученицы продолжали выполнять привычную работу. Им были назначены обязанности и содержание, прекращать которое никто не собирался. А вот женщину, которую приглашали дополнительно для наблюдательных занятий школьных девушек, пришлось предупредить, что ближайшие приходы оплачены не будут.

Она выслушала известие спокойно.

— Значит, с четверга свободна?

— Пока да.

— У вдовы Копытовой больная сестра. Меня туда звали, да я отказала. Теперь пойду.

Наставница попросила не обещать всего времени сразу: возможно, деньги вскоре найдутся.

— Деньги нынче у вдовы есть, — ответила женщина. — А у вас, может, будут. Мне же есть надо.

Она забрала свою плату за уже проведённые занятия и ушла.

Через несколько дней стало известно, что вдова заключила с ней соглашение до зимних праздников.

Теперь возобновить прежние занятия не получилось бы даже при немедленной выдаче денег.

Отец Димитрий пришёл в лечебный двор в начале ноября.

Его пригласили после того, как несколько родителей потребовали свидетельства, что девочек не обучают самостоятельному врачеванию. Наставница показала ему комнаты, где работали женщины, и объяснила порядок занятий.

Одна из двух постоянных учениц в это время помогала менять постель больной старухе. Вторая готовила чистое бельё и воду. Обе работали уверенно, советовались со старшей и знали свои обязанности.

Димитрий спросил, давно ли они здесь.

— Ещё Марфа их обучала, — ответила наставница. — Теперь без них в хозяйстве трудно.

— А школьные девочки?

— Их не больше одной-двух за раз приводили смотреть, и то с разрешения семьи. Дарью отец больше не пускает. Другие тоже стали отказываться.

Священник попросил показать переведённые наставления. Среди записей нашёлся лист о приготовлении чистого полотна, несколько объяснений по уходу за больными женщинами и короткие замечания о действиях, которые нельзя поручать неопытным людям.

Часть текста была написана неровной рукой. На полях стояли исправления, сделанные после сверки с иностранным источником.

— Девочкам это дают читать?

— Не всё. Сначала сами разбираем. Если речь о таком, чего они не должны делать, объясняем отдельно.

— Родители это знают?

Наставница призналась, что одним семьям рассказывали подробно, другим ограничивались общими словами. Обычно спрашивали о письме, счёте и домашних навыках, а об уходе за больными вспоминали лишь тогда, когда хотели привести дочь посмотреть занятие.

Димитрий попросил пригласить одну из двух постоянных учениц.

Девушка явилась в чистом переднике, вытерев руки о полотенце. Он спросил, что ей дозволено делать без старшей наставницы.

Ответ оказался обстоятельным: приготовить воду, бельё, помочь больной повернуться, принести назначенное питьё. Если появлялось что-то незнакомое или опасное, следовало позвать опытного человека.

— А если к тебе придёт школьная девочка и попросит научить её перевязывать рану?

— Прежде спрошу, кто её прислал и дозволено ли. Потом к старшей отправлю.

Димитрий остался доволен ответом.

Но когда наставница принесла записи о школьных наблюдательницах, обнаружилось, что разрешения семей были составлены по-разному. Одни родители согласились на посещение лечебного двора вообще, другие дозволяли только смотреть уход за больными женщинами. Третьи полагали, что дочерям будут показывать исключительно приготовление чистого белья.

Священник долго разбирал эти записи, потом попросил показать ему комнату, где школьницы ожидали занятий.

Это была небольшая горница возле хозяйственных помещений. Здесь стояли лавка, стол и сундук для учебных бумаг. Никакого отдельного лекарского класса не существовало. Девочки приходили сюда перед наблюдением или получали простые объяснения, после чего возвращались к обычным занятиям.

На столе лежали несколько сложенных полос полотна, оставшихся от прежних упражнений.

Димитрий взял одну.

— Акулина здесь бывала?

— Нет. Она учится письму и счёту. К нам её не приводили.

— Значит, и её отец напрасно тревожится.

— Его дочь напрасно дома сидит, — ответила наставница. — А тревожится он теперь вместе со всеми.

Вечером Димитрий встретился с Сергием.

Они разговаривали в церковном доме, где после службы уже погасили большинство свечей. Сергий разбирал приходские записи, когда гость сообщил, что видел лечебный двор и говорил с ученицами.

— Постоянных девушек там две, — сказал Димитрий. — Обе давно обучены и под надзором. Школьниц принимают лишь для наблюдения. Запретного учения я не нашёл.

Сергий убрал перо.

— А недостатки?

— Нашёл. Семьи по-разному понимают, на что согласились. Одним обещали одно, другим объясняли шире. И наставницы не всегда помнят, кому что дозволено.

Протопоп кивнул.

— Так о том я и спрашивал.

— Спрашивал ты о порядке, а теперь люди рассказывают, будто девицам вовсе нельзя приближаться к больным.

— Кто рассказывает, с того и спрашивай. Я таких слов не говорил.

— Но твоим именем пользуются.

Сергий поднял глаза.

— Мне теперь молчать, чтобы за меня другие не придумали лишнего?

Димитрий сел напротив.

— Молчать не прошу. Прошу сказать людям и то, что ты теперь знаешь. Девочек не обучали лекарскому ремеслу. Акулина Боброва вовсе в лечебном дворе не бывала, однако отец держит её дома.

— Гаврила пришёл ко мне уже после того, как дочь забрал.

— Ты велел не отпускать, пока не разберутся.

— И правильно велел. Я до сих пор не видел порядка, которому можно довериться.

Димитрий придвинул к себе один из листов, лежавших на столе.

— Тогда помоги его определить. Иначе от школы скоро останутся одни пустые лавки.

Сергий задумался.

— Порядок пусть объявит государыня. Я скажу, что в нём должно быть ясно: кто учит, чему учит, кому родители разрешают и кто отвечает за девиц.

— А если порядок будет разумный?

— Тогда сам о том прихожанам скажу.

Димитрий поднялся. На этот раз он уходил без прежнего раздражения: протопоп соглашался признать пользу обучения, хотя по-прежнему считал допустимым удерживать детей до появления ясных правил.

Оба понимали, что вернуть прежнее доверие одним церковным объявлением будет труднее, чем потребовать разъяснений.

До Евдокии жалобы дошли почти одновременно с известием о прекращённых пожертвованиях.

Она разбирала новгородские бумаги, когда Головин принёс письмо от Истомина. В нём сообщалось, что число девочек, посещавших обычные занятия, уменьшилось, несколько семей требуют новых объяснений, а приглашённая наставница лечебного двора уже поступила в другой дом.

Василиса отложила новгородскую роспись.

— Это из-за Дарьи?

— С неё начались разговоры. Теперь спрашивают и о тех девочках, которые в лечебном дворе никогда не бывали.

Головин передал ей ещё одно обращение, подписанное родителями. Просители желали знать, обязаны ли их дочери посещать занятия по уходу за больными и вправе ли наставницы допускать их к иностранным книгам без отдельного семейного разрешения.

— Кто-нибудь велел им обязательно ходить?

— Нет, государыня.

— Так чего требуют?

— Чтобы это было определено письменно.

Василиса прочла подписи. Среди них стояло имя Гаврилы Боброва.

Истомин явился с расходными записями. Он уже успел выяснить, что отказ Ларионова затронул только помощь практическим занятиям, а предназначенные для письма и счёта деньги продолжали поступать. Но эти средства нельзя было без последствий употребить на иное дело. Места и содержание новых учеников в обычной школе были рассчитаны заранее, а дополнительные расходы ничем не обеспечены.

— Сколько потребуется, чтобы снова пригласить женщину из лечебного двора? — спросила Евдокия.

Истомин объяснил, что вопрос теперь не только в деньгах. Прежняя помощница поступила к вдове Копытовой и обещала служить там до зимних праздников. Другую опытную женщину пока не нашли.

— Вы её отпустили, даже не попробовав сохранить?

— Чем, государыня? Плату за несостоявшиеся занятия ей назначить было не из чего.

Евдокия попросила оставить расчёты. Её раздражала собственная недогадливость: ещё недавно расходы на полотно казались такой малостью, что ради них не стоило собирать особого совещания. Теперь за потерянными пожертвованиями последовала потеря человека, которого невозможно было немедленно заменить.

Она велела пригласить родителей, отца Димитрия и Сергия.

Перед встречей Василиса сама прочла записи о занятиях лечебного двора. Заодно выяснила, что речь шла о двух постоянных ученицах, получавших содержание, и нескольких школьных девушках, которых изредка допускали к наблюдению.

— Почему мне сообщили, будто медицинское ученичество остановилось? — спросила она Истомина.

— Остановились дополнительные занятия. Две прежние ученицы продолжают службу.

— Так впредь и пишите. Иначе я решу, что у нас больных уже некому обихаживать.

Истомин признал неточность.

Василиса оставила перед собой три записи: о действующих помощницах, о школьных наблюдательницах и об отказах семей. Теперь было видно, что речь идёт о разных людях. Однако у родителей, не знавших внутреннего порядка, всё смешалось в одно опасное начинание.

Гаврила Бобров явился вместе с женой.

На встречу пришли ещё две матери, чьи дочери прежде посещали школьные занятия, и отец одной из девушек, получивших разрешение наблюдать при лечебном дворе. Сергий занял место возле отца Димитрия, отложив в сторону дорожную одежду. За столом находились также Истомин и наставница.

Разговор начался с чтения прежних условий.

Истомин объяснил, что обычная школа обучает письму, чтению, счёту и другим доступным предметам. Лечебный двор существует отдельно; две подготовленные помощницы продолжают там службу. Школьные девушки допускаются наблюдать лишь отдельные занятия, если их семьи согласны.

Одна из матерей сразу попросила разрешить ей присутствовать при таких посещениях.

— Я дочь отпускала смотреть, как больным бельё готовят. А теперь слышу, будто ей и раны показывают.

Наставница объяснила, что некоторые школьницы действительно видели уход за повреждённой рукой больной женщины, но сами ничего делать не должны были. Именно после такого наблюдения Дарья дома попыталась повторить увиденное.

Отец другой девушки нахмурился.

— Выходит, словами запрещают, а на деле дети сами решают, что им можно?

— Дарья нарушила указание, — ответила наставница. — Её отец об этом знает.

— А до того кто проверял, понимает ли она?

Евдокия остановила начинавшийся спор.

— Если семья дозволяет только наблюдение, никакого самостоятельного ухода поручать нельзя. И если мать желает присутствовать, препятствий чинить не станут.

Женщина благодарно поклонилась.

Но Гаврила, которого Василиса считала главным просителем, к разговору о лечебном дворе почти не присоединялся.

— Ваша дочь ведь туда не ходила, — обратилась к нему Евдокия. — За что же вы её из школы забрали?

Гаврила поёрзал на скамье. Его жена сидела рядом, сжав на коленях руки.

— У меня старшая дочь уже замужем. Её свекровь в воскресенье прислала узнать, правда ли младшую к лекарям готовят. Я ответил, что нет. А мне говорят: все так отвечают, покуда жениха не найдут. Потом и выяснится.

Василиса почувствовала, как поднимается раздражение.

— Вы предпочитаете верить чужим разговорам, а не собственному ребёнку?

— Я дочери верю. Только женихова родня мне верить не обязана.

Он произнёс это без вызова, словно речь шла о давно известном обстоятельстве, которое приходилось учитывать в любом семейном деле.

Евдокия предложила оставить Акулину исключительно на письме и счёте, отдельно от лечебного двора. Наставница могла подтвердить, что девочка прежде ничем иным не занималась. Гаврила выслушал предложение с видимым облегчением, но согласия не дал.

— Государыня, милость твою помню. Только решение моё прежнее.

— Но она хочет учиться. Вы ведь знаете, как далеко уже продвинулась ваша дочь.

— Знаю.

— Тогда зачем лишаете её того, что сами прежде дозволили?

Гаврила долго молчал, прежде чем ответить:

— Потому что дочь моя, государыня.

Василиса откинулась на спинку кресла.

Она могла велеть Истомину подготовить любое необходимое объяснение. Могла публично объявить, что Акулина обучалась только грамоте. Но если отец считал даже такое обучение опасным для будущего замужества, заставить его передумать означало бы начать совсем другой спор.

Евдокия обратилась к жене Боброва:

— А вы что скажете?

Женщина подняла глаза.

— Мне жалко её, государыня. Она теперь всё на бумаге писать норовит. Даже сколько муки израсходовали, записывает. Мужу сперва нравилось, а теперь велит хозяйством заниматься.

— Вы хотите вернуть её?

— Хочу. Только у нас из-за этого дома уже ссорились.

Гаврила нахмурился, но жену не перебил.

Василиса попросила его ещё раз подумать. Тот поблагодарил за заботу, однако отказался даже назначить день, когда мог бы снова обсудить этот вопрос.

Она отпустила его с женой, не добившись обещания вернуться к разговору.

Одна из оставшихся матерей согласилась вновь приводить дочь на обычные занятия. Вторая попросила дать ей письменные условия для обсуждения дома. Отец девушки, наблюдавшей при лечебном дворе, дозволил продолжить посещения, но потребовал, чтобы без его особого согласия дочери не поручали никаких действий при больной.

Сергий до сих пор почти не вмешивался. Когда родители вышли, он попросил слова.

— Видишь, государыня, люди разного хотят. Одному довольно наставницы, другой требует присутствия матери, третий и письма опасается, коли дурная молва пошла. Но всем нужен порядок, которому можно доверить детей.

Евдокия повернулась к нему:

— А кто эту молву разносил?

— Люди разносят. Я говорил о том, что следует знать родителям.

— Ваше слово слышали лучше, чем объяснения наставниц.

— Потому что ко мне пришли спрашивать, когда уже не доверяли объяснениям.

Он произнёс это без вызова.

Димитрий вмешался:

— Государыня, мне довелось видеть занятия. Две прежние ученицы работают с пользой, и школьницам самостоятельного лечения не поручают. Но разрешения родителей составлены неясно. Здесь отец Сергий прав.

— А в чём он неправ? — спросила Василиса.

— В том, что семьи теперь боятся даже обычной школы. От этого вред больше, чем от ошибки в одном дозволении.

Сергий возразил, что не велел никому забирать детей с письма. Димитрий не стал спорить о произнесённых словах, а предложил ему самому объяснить прихожанам различие между обычной грамотой и отдельным наблюдением при лечебном дворе.

Протопоп согласился — после того, как новый порядок будет изложен письменно.

Василиса велела Истомину принести чистый лист.

Новые условия первоначально казались простыми.

Общие школьные занятия продолжались без изменений. Семьи должны были заранее знать, какие предметы изучают их дочери. Посещение лечебного двора выделялось отдельно, с указанием опытной наставницы и конкретных занятий. Самостоятельное лечение ученицам запрещалось; согласие на наблюдение не означало разрешения выполнять работу при больных.

Но когда дошло до практического обучения, выяснилось, что прежнее предложение Евдокии пока не на что опереть.

Истомин положил перед ней расходы. Денег Ларионова больше не было. Женщина, проводившая дополнительные занятия, поступила на другую службу. На лечебном дворе две постоянные помощницы и без того несли обязанности, ради которых получали содержание. Если одну из них регулярно отвлекать на школьниц, её работу придётся исполнять другой.

Димитрий предлагал оставить возможность учить девушек помогать больным женщинам и роженицам, когда появятся надлежащие условия. Сергий требовал не записывать в разрешённые занятия того, что невозможно обеспечить постоянным надзором.

— Государыня, ежели сейчас опять объявят учение, а потом окажется, что наставницы нет, — сказал он, — кто после поверит новому обещанию?

Василиса попросила Истомина назвать сумму, необходимую хотя бы до зимы. Он назвал, но тут же предупредил, что сами деньги ничего не решат, пока не найдётся подходящая женщина. С прежней помощницей договориться не удалось: вдова Копытова уже рассчитывала на её службу.

Евдокия вспомнила, сколько труда потребовалось, чтобы сохранить три школьных места для новгородских детей. Деньги на них были назначены из прежних расходов. Отнимать эти средства ради другого начинания она не собиралась.

Пришлось менять формулировку.

Вместо первоначального обещания постепенно допускать школьных девушек к практическим занятиям записали, что такое обучение возможно лишь по отдельному разрешению, при наличии опытной наставницы и согласии семьи. Пока этих условий нет, занятия не назначаются.

Две действующие помощницы лечебного двора сохраняли свои обязанности и содержание. Их подготовку никто не прекращал. Но школьным девушкам, ожидавшим возможности продолжить наблюдение, теперь предстояло ждать неопределённое время.

— Об уходе за роженицами отдельно составим предложение, — сказала Евдокия Димитрию. — Когда найдёте женщину, которой можно такое поручить, представите её и условия.

— Представлю, государыня.

— И прежде разъясните семьям, что мы собираемся делать. Не после.

Димитрий принял это замечание без возражений.

Сергий попросил объявить новый порядок через тех священников, к которым родители обращались за советом. Евдокия согласилась, но добавила, что окончательные школьные распоряжения исходят от государевых людей.

— Я того не оспариваю, — ответил протопоп.

Он поклонился и вышел вместе с Димитрием.

Когда дверь закрылась, Истомин предложил отправить новое объяснение Ларионову. Возможно, торговый человек согласится вернуть хотя бы часть помощи.

— Отправьте, — сказала Василиса. — Только расходов на эти деньги пока не назначайте.

Она подписала порядок.

Вечером подготовили несколько копий: одну для школы, другую для лечебного двора, остальные — для ознакомления семей и духовных лиц, участвовавших в разбирательстве.

Через два дня Ларионов ответил, что письменные условия получил и одобряет разделение обычного учения и лечебного дела. Прежнюю помощь письму и счёту он продолжит. О новых пожертвованиях на практические занятия обещал подумать после зимы.

В школу денег не поступило.

К середине ноября на обычные занятия вернулись две девочки из тех, кого родители прежде удерживали дома.

Ещё одна продолжила ходить лишь на письмо и счёт. Её отец оставил за собой право отдельно решать вопрос о посещении лечебного двора.

Дарья по-прежнему не получила разрешения вернуться к наблюдениям. Её имя оставалось в прежней записи, но напротив него стояла помета о решении семьи.

Акулина Боброва в школу не приходила.

Анна Зиберт к этому времени вернулась из Новгорода. Продлённая командировка закончилась после отправки первых отобранных учеников в Москву, и теперь ей приходилось разбирать школьные дела, накопившиеся за время отсутствия. Истомин сохранил временный порядок занятий, но часть ученических работ ожидала личной проверки Анны.

Среди них лежала и тетрадь Акулины.

Зиберт несколько раз спрашивала у школьной наставницы, не передавала ли девочка каких-нибудь работ через знакомых. Ничего не приносили. От матери Акулины лишь стало известно, что дома она продолжает писать, хотя свободного времени у неё стало меньше.

После ноябрьского праздника женщина явилась сама, приведя дочь.

На Акулине был прежний кафтан, только мать подшила рукава и заменила одну пуговицу. Девочка остановилась у порога, словно не была уверена, что теперь вправе войти.

— Мы за тетрадью, — объяснила мать.

Анна достала её из сундука, где хранились работы отсутствующих учениц.

Акулина сразу узнала потёртую обложку.

— Я думала, потеряли.

— Здесь лежала.

Она раскрыла тетрадь посередине. Последнее упражнение осталось незаконченным: девочка успела переписать лишь половину заданного текста. Ниже стояло несколько слов, которые она собиралась разобрать на следующем уроке.

Акулина долго рассматривала страницу.

— А другие уже дальше ушли?

— У каждого своё задание, — ответила Анна. — Некоторые дальше. Ты дома занималась?

— Немного.

Мать пояснила, что дочь теперь помогает с хозяйственными записями, а по вечерам читает старые книги. Отец этому не препятствует, только в школу возвращаться не позволяет.

Анна предложила оставить ей несколько чистых листов.

— На них и продолжишь. А тетрадь береги, в ней ещё место есть.

Акулина приняла бумагу, аккуратно вложила её между страницами и вдруг спросила:

— А если я всё здесь допишу, мне другую дадут?

Мать опустила глаза.

— Ты сперва эту закончи.

— Я закончу.

Анна нашла среди учебных запасов тонкую тетрадь, ещё не использованную, и положила рядом.

— Вот тебе следующая.

Мать хотела поблагодарить и уйти, но Акулина задержалась у стола.

— Маменька, а можно я хоть раз приду, покажу, что написала?

Женщина посмотрела на наставницу. Та не стала отвечать вместо неё.

— С отцом поговорим, — произнесла мать.

Акулина сразу поняла, что это не разрешение.

Она закрыла тетрадь, поклонилась Анне и вышла вслед за матерью.

Во дворе лежала тонкая корка льда. За ночь подморозило лужи, а к полудню солнце растопило их у стен. Мать взяла дочь за руку, помогая обойти скользкое место возле крыльца.

— Маменька, отец хоть тетради не отберёт?

— Не отберёт. Писать он тебе дозволил.

Акулина прижала книги к груди.

— Тогда я всё допишу.

Глава 16. Две мастерские

Август – ноябрь 1703 года. Олонецкая верфь. Нева. Москва.
Даты – по старому стилю.

О спуске «Штандарта» Меншиков узнал из одного письма, а о том, чего ещё недоставало фрегату, – из другого, пришедшего четырьмя днями позднее.

Первое известие радовало. Корабль благополучно сошёл на воду, был поставлен на якорь и передан корабельным людям для дальнейшего оснащения. Во втором капитан Генрих Симсон перечислял работы, без которых не соглашался считать фрегат готовым к военной службе. Осторожный переход к Неве он признавал возможным, если позволит погода, но за продолжительный выход в море отвечать пока отказывался.

Меншиков дочитал перечень, перевернул лист и нашёл внизу подпись.

— Они меня за дурака держат?

Стоявший возле стола офицер осторожно заметил, что бумаги составлены разными людьми. Первое известие пришло от верфи, второе – от капитана, назначенного командовать фрегатом.

— Корабль один, – сказал Александр Данилович. – А готовностей две.

За окном темнело. Невский ветер раскачивал плохо закреплённую ставню; плотник обещал управиться с ней ещё утром, но до сих пор не пришёл. На столе лежали донесения о строительстве укреплений, ведомость пороха и письмо от Шереметева. Теперь к ним прибавились корабельные дела, в которых Меншиков разбирался хуже, чем хотел показывать.

Из перечня следовало, что фрегат способен держаться на воде, нести мачты и принимать груз. Для полноценной службы требовалось проверить часть снастей и размещение орудий, получить недостающие принадлежности и обучить людей действовать вместе. Капитан разделял исправность самого судна и готовность команды так настойчиво, будто опасался, что кто-нибудь намеренно смешает эти вещи.

— А до Невы он дойдёт? – спросил Меншиков.

— Симсон полагает, что дойдёт, если погода позволит.

— Стало быть, корабль всё-таки ходит.

Он потребовал карту.

На ней были отмечены Свирь, Ладожское озеро и Нева. Бумага истёрлась на сгибах, возле устьев и мелководий сохранились пометы людей, знавших эти места не по рисункам. Александр Данилович проследил путь фрегата и остановился у выхода в Неву.

Назначение Симсона пришло из Москвы. Капитан поступил на русскую службу в нынешнем году и первоначально предназначался для Воронежа, однако после смерти Петра морские дела пришлось пересматривать. На все прежние начинания не хватало ни денег, ни опытных командиров.

Головин предложил перевести Симсона на север, где новый фрегат требовал человека, способного отвечать за переход. От имени юного Алексея, с согласия Евдокии, капитану велели прибыть на Олонецкую верфь до окончания оснащения, ознакомиться с работами Геренса и принять корабль.

Меншиков одобрил назначение. Он рассчитывал получить опытного морского офицера, который возьмёт судно и приведёт его к русским укреплениям. Вместо этого новый капитан первым делом прислал перечень недостатков.

Александр Данилович перечитал несколько строк. Среди них были принадлежности, которые можно изготовить на Неве, и вещи, ожидавшиеся из других городов.

— Пусть идёт, – распорядился он, складывая карту. – С рассуждениями управимся здесь.

Офицер спросил, следует ли уже сейчас дать задания невским мастерам.

Меншиков отделил в перечне местные работы от тех, для которых ещё не было материалов.

— Это приготовьте заранее. А прочего до прибытия не трогать. Не хватало, чтобы здесь сделали одно, а капитан потом велел выбросить.

Подписанное распоряжение он передал офицеру, но письмо Симсона оставил у себя.

В тот вечер Александр Данилович ещё раз просмотрел капитанские замечания. Особенно раздражали названия снастей и принадлежностей, значение которых он знал лишь приблизительно. За каждым незнакомым словом стояли чьё-то время, работа и деньги, а самое неприятное заключалось в том, что капитан, по всей видимости, действительно понимал, о чём писал.

В августе на Олонецкой верфи Выбе Геренс запретил убирать последние подпоры прежде назначенного осмотра.

Спусковой путь уже готовили. Возле корпуса собрались плотники, канатчики и люди, присланные помогать с тяжёлыми брёвнами. Приказной торопил работников: из Москвы ожидали известия о первом большом фрегате, к назначенному дню готовили торжество, и промедление могло вызвать неприятные вопросы.

Геренс, однако, обнаружил ослабший деревянный клин под одним из спусковых полозьев.

Пока корабль стоял неподвижно, повреждение почти не замечалось. Корпус сохранял правильное положение, клин удерживал нагрузку, а длинная щепа, отщепившаяся от края, казалась пустяком. Но при спуске тяжесть должна была перемещаться по всему пути. Стоило полозу просесть в одном месте, и корпус мог пойти неровно, придавить деревянное основание или застрять там, где остановить его уже не удалось бы.

Мастер велел заменить клин и осмотреть соседние опоры.

Приказной подошёл, когда два работника поднимали тяжёлое бревно.

— Сегодня управимся?

Геренс указал на повреждённый клин, лежавший возле его ног.

— Когда сменим.

— Люди собраны. Всё приготовлено.

Приказной поднял деревяшку, повертел её в руках и недоверчиво посмотрел на отщепившийся край.

— Из-за такой малости задерживать?

— Пока корабль стоит, малость. Когда пойдёт, поздно будет.

К торжеству уже заказали угощение работникам, приехали люди из соседних мест, для гостей отвели место на берегу. Приказной напоминал обо всём этом с возрастающим раздражением, но Геренс к тому времени снова ушёл под корпус, где плотники подгоняли новую опору.

— Пусть едят, – отозвался он оттуда. – А корабль спустим, когда будет исправно.

С двадцать четвёртого марта, когда заложили «Штандарт», на верфи почти не знали отдыха.

При Петре основные приготовления к строительству успели сделать, но сам государь до начала работ не дожил. После его декабрьской смерти из Москвы велели пересмотреть прежние назначения. Люди на Олонце опасались, что строительство остановится вместе с другими начинаниями, требовавшими денег, железа и мастеров.

Геренс тогда отправил подробное объяснение: сколько уже заготовлено, какую работу начали и что пропадёт, если оставить фрегат недостроенным до следующего года.

Ответ пришлось ждать.

Из Москвы наконец подтвердили прежний срок окончания. За верфью сохранили назначенные поставки леса и железа, а нужных мастеров запретили снимать с корабельных работ без особого распоряжения. Меншикову поручили следить, чтобы военные нужды на Неве не поглотили всё предназначенное кораблестроителям.

Дополнительных денег не обещали.

Летом Геренс постоянно решал, кому поручить очередную работу. Одних плотников приходилось заменять из-за болезни, другие требовали людей для доставки материала, третьи жаловались на задержанное железо. Опытных мастеров он удерживал возле корпуса, где ошибка в соединении могла обойтись дороже нескольких дней труда. Простую тяжёлую работу отдавал тем, кого можно было быстро научить.

Приказным не нравилось такое распределение. Каждый хотел получить нужного работника немедленно.

Геренс объяснял, что один хороший плотник на своём месте полезнее пяти неподготовленных, за которыми потом придётся переделывать.

Теперь, когда корпус стоял на полозьях, он не собирался рисковать всей летней работой ради приготовленного угощения.

Новый клин подогнали к вечеру. Мастер проверил соседние опоры, прошёл вдоль спускового пути и лишь после этого разрешил окончательные приготовления.

Двадцать второго августа у воды собралось множество людей.

Один из плотников привёл сына лет девяти. Мальчик прежде видел только небольшие речные суда, а теперь стоял, задрав голову, и пытался рассмотреть верхушку высокого борта.

— Он и вправду поплывёт?

Отец поправил ему шапку.

— Коли мастер добро сказал, поплывёт.

Спуск начали после полудня.

Люди заняли назначенные места. По знаку Геренса освободили крепления, и огромный корпус медленно двинулся по приготовленному пути. Сначала движение едва можно было различить, затем тяжёлое судно пошло увереннее.

Геренс следил прежде всего за тем участком, где накануне меняли опору.

Полозья прошли его ровно.

За спиной мастера кто-то облегчённо выдохнул, другой засмеялся раньше времени. Корабль сошёл в воду, подняв у берега широкую волну, и нижняя часть борта на мгновение скрылась в пене.

Когда фрегат выровнялся на воде, люди закричали.

Плотников поздравляли, обнимали, звали к угощению. Приказной, ещё вчера споривший из-за клина, теперь уверял гостей, что всё было приготовлено как следует.

Геренс подозвал помощника, пока работники у берега собирали освободившиеся снасти.

— Завтра посмотрим крепления после спуска. И записи по мачтам принеси.

— Так ведь благополучно сошёл!

— Теперь он на воде. Оттого и смотреть надобно.

К вечеру на верфи пили за новый фрегат.

Геренс остался у берега, пока не убедился, что судно надёжно закреплено. Только после этого он велел известить капитана Симсона: с утра можно приступать к окончательной подготовке перехода.

Генрих Симсон прибыл на Олонецкую верфь незадолго до спуска.

Поступая на русскую службу, он рассчитывал на южное направление. Вместо Воронежа оказался среди северных лесов, возле незнакомых рек и озера, о котором местные проводники говорили с таким уважением, словно речь шла об открытом море.

Распоряжение, однако, было ясным: принять фрегат, провести его к Неве и отвечать за людей во время плавания.

Симсон имел опыт морской службы, но Свирь и Ладога были известны ему лишь по рассказам. Он потребовал местных проводников, расспросил их о мелях, ветрах и удобных местах для ожидания погоды, затем ознакомился с состоянием корабля.

Геренс охотно объяснял устройство судна и показывал сделанное, однако за незнакомые воды отвечать отказывался.

— Моё дело — построить корабль, который держится на воде. Как поведёте его, господин капитан, уже ваше дело.

Симсону такая прямота понравилась. Он и сам не любил обещаний, которые давали за чужую работу.

К началу сентября фрегат приготовили к переходу. На борт приняли орудия и припасы, предназначенные для дальнейшего устройства невских позиций. Корабельное оснащение ещё требовало отдельных работ, но при осторожном плавании и подходящей погоде судно можно было вести к Неве.

Капитан настоял, чтобы вместе с опытными матросами ему оставили людей, знавших корабль с момента спуска. Новичков он распределил по менее сложным местам, где ошибку можно было исправить прежде, чем она станет опасной.

Восьмого сентября «Штандарт» вышел с Олонецкой верфи.

На Свири приходилось идти осторожно. Местные лоцманы знали реку хорошо, однако фрегат отличался от привычных грузовых стругов размером и осадкой. Там, где небольшое судно проходило свободно, капитан требовал промеров и снижал ход.

Один из молодых матросов слишком рано отпустил снасть. Парус ударило ветром, и сосед едва успел удержать конец.

Симсон приказал убрать парус и повторить работу.

— Ошибся, господин капитан.

— Ошибку я видел. Теперь покажи, когда следует держать.

Пришлось задержаться, пока люди не выполнили действие правильно.

На Ладоге погода менялась быстро. Утром вода казалась почти спокойной, к полудню ветер усиливался, волна начинала тяжело бить в борт. Однажды капитан предпочёл переждать непогоду, хотя знал, что Меншиков требует скорейшего прибытия.

Помощник напомнил ему о распоряжении не допускать ненужных задержек.

Симсон посмотрел на воду за бортом.

— Ветер того распоряжения не читал.

Когда погода позволила продолжить путь, фрегат снова двинулся к Неве.

По мере приближения к новым русским укреплениям люди всё чаще выходили смотреть на берега. Некоторые никогда здесь не бывали. Плотник, сопровождавший груз, с удивлением разглядывал участки, где ещё весной не стояло ничего похожего на город, а теперь работали солдаты, поднимались деревянные сооружения и тянулись дороги между складами.

Корабль дошёл до назначенного места без серьёзных повреждений.

Симсон велел проверить снасти после перехода, выгрузить предназначенные для берега припасы и составил новое донесение о прибытии фрегата.

Он подтвердил, что плавание по Свири, Ладоге и Неве выполнено благополучно, корпус исправен, а команда сумела провести судно по внутренним водам. Однако часть замечаний, высказанных ещё до выхода, оставалась в силе. Людям требовалось дальнейшее обучение, некоторые принадлежности не были получены, и продолжительный выход навстречу неприятелю представлял больший риск, чем осторожный переход к Неве.

Меншиков получил это донесение уже после прибытия «Штандарта».

Оно подтвердило прежние предупреждения капитана, но теперь Александр Данилович мог собственными глазами увидеть корабль и решить, какие работы следует ускорить на месте.

Кузьма впервые увидел «Штандарт» с берега, куда пришёл принимать строительный груз.

Возле пристани пахло мокрым деревом, смолой и речной тиной. Работники носили бочки, связки железа и ящики с припасами, переговаривались через головы товарищей, освобождали проходы для новых повозок.

Фрегат стоял поодаль от берега, высокий и непривычный.

Кузьма разглядывал его мачты, густую сеть снастей и людей, двигавшихся по палубе. Прежде ему доводилось видеть суда крупнее обычной лодки, но ни одно не производило такого впечатления: борта поднимались высоко над водой, а матросы отвечали на команды почти одновременно.

— Ну и махина, — сказал стоявший рядом плотник.

Кузьма согласился, хотя вскоре ему пришлось оставить разглядывание корабля ради груза.

Для судна доставили лес, железные изделия, канаты и несколько бочек смолы. Корабельный помощник принялся осматривать заготовки и сразу отложил часть длинных брёвен.

Кузьма взял одно из отвергнутых.

— Длина верная. Толщина тоже. Чего вам ещё?

Вместо ответа корабельщик положил рядом другое бревно, почти такое же по размерам, но заметно прямее, и принёс чертёж.

На нём было показано место будущей установки. Заготовку следовало подогнать к определённой форме; с кривого ствола пришлось бы снять слишком много дерева, и нужной толщины уже не осталось бы.

Кузьма долго смотрел на рисунок.

В прежней работе он привык оценивать лес по прочности, размерам и возможности приспособить его к делу. Для берегового настила изгиб ствола редко становился непреодолимой помехой. Иногда кривое дерево удавалось употребить даже выгоднее прямого.

Здесь прежний навык подвёл.

— Нам меру дали, – сказал он наконец. – Чертежа люди не видели.

Корабельщик собирался возразить, но Кузьма уже повернулся к работникам.

Он велел принести длинную верёвку, натянуть её между двумя кольями на расстоянии, соответствующем нужной заготовке, и начать подкатывать брёвна к получившейся прямой линии. Те стволы, у которых середина слишком далеко отходила в сторону, сразу складывали отдельно.

Дело пошло быстрее.

Корабельщик некоторое время наблюдал, затем указал, что некоторые слегка изогнутые стволы всё же могут пригодиться для других мест на корабле.

— Так покажи каких, – потребовал Кузьма. – Люди же не знают, что тебе надобно.

Тот принёс короткие образцы, разъяснил различия, и вскоре работники уже сами начали распознавать подходящие заготовки. К полудню лес разделили на три части: пригодный без больших переделок, требующий дополнительной обработки и тот, который лучше употребить на береговые работы.

Кузьма проверял последнюю партию, когда заметил, что научился смотреть на кривизну ствола иначе. Теперь он заранее представлял, сколько дерева придётся снять и что останется после обработки.

Корабельщик тоже убедился, что отвергнутый им лес вовсе не обязательно пропадёт.

К вечеру неподходящие для корабля брёвна перенесли к береговому настилу, который давно требовал ремонта.

Помощник Кузьмы спросил, где теперь брать новые заготовки.

— Поедем выбирать сами. И корабельщика возьмём.

— А он согласится?

— Пускай попробует не согласиться.

Стоявший неподалёку корабельщик рассмеялся, услышав это, и на следующее утро отправился вместе с ними.

Меншиков прибыл осматривать фрегат, когда большую часть груза уже разобрали.

Симсон встретил его у воды и проводил на палубу. Александр Данилович осмотрел орудийные места, прошёл вдоль бортов, заглянул в помещения и попросил показать всё, что ещё необходимо для службы.

Корабль ему понравился.

После месяцев среди сырой земли, недостроенных укреплений и бесконечных жалоб на нехватку леса приятно было увидеть сооружение, которое действительно стояло перед глазами, готовое держаться на воде и нести пушки.

Симсон, однако, говорил о фрегате без восторга.

Он показал, где нужно проверить снасти, объяснил состояние команды и назвал принадлежности, отсутствие которых ограничивало выход в море.

— Корпус исправен. Переход выдержал. Но люди ещё не готовы к настоящему бою.

Меншиков остановился возле орудийного порта.

— А коли неприятель завтра появится?

— Будем делать то, что сможем, господин Меншиков. При удобной погоде выйдем навстречу. Если придётся обороняться, станем обороняться. Только боя против нескольких шведских судов обещать не могу.

— У нас фрегат для красоты построен?

— Для службы. Потому я и не желаю потерять его в первом выходе.

На палубе продолжалась работа. Матросы подтягивали снасть, плотник занимался деревянным креплением. Разговор слышали многие, однако никто не отвлекался от своего дела.

— Вы хотите сказать, что один корабль ничего не стоит? – спросил Меншиков.

— Один корабль стоит дорого. Потерять его можно быстро.

Капитан показал сведения о команде.

Несколько опытных матросов постоянно исправляли ошибки новичков. При перемене ветра или повреждении снастей это могло обернуться опасным промедлением. Симсон требовал ежедневных упражнений и настаивал, чтобы людей с фрегата не снимали на береговые работы без согласования.

Меншикову подобное было знакомо по сухопутной службе. Нового солдата тоже нельзя было сделать опытным одним выданным ружьём.

Он попросил капитана назвать срок, необходимый для работ, зависящих от команды и местных мастеров.

Симсон назвал его. Что касается недостающих принадлежностей, тут всё упиралось в поставки: некоторые изделия ожидали из других городов и из-за границы, а обещать день получения без подтверждения капитан отказывался.

Александр Данилович перестал торопить его с ответом.

— Что своими руками можете сделать, делайте. Чего недостаёт – подайте отдельно. А людей с корабля пока никто без моего ведома брать не станет.

Симсон поклонился.

Они уже собирались спускаться с палубы, когда Меншиков заметил Кузьму, распределявшего возле пристани несколько партий леса.

Узнав историю с неподходящими заготовками, Александр Данилович велел провести его к месту, где ремонтировали береговой настил.

Работники успели уложить несколько новых досок поверх старого основания. Сырой грунт под ними проседал, но деревянный проход уже позволял подвозить груз без прежней грязи и задержек.

Меншиков прошёл по настилу, проверяя его ногами, и оглядел берег.

Чуть дальше повозки вязли в размытой дороге, по которой приходилось доставлять тяжёлые ящики к складам.

— Из того леса сделали, что кораблю не подошёл?

— Из него, – ответил Кузьма.

— Много ещё осталось?

Узнав количество, Александр Данилович распорядился продолжить настил до склада. Отвергнутые корабельщиками брёвна пригодятся здесь, а подходящий материал следует выбирать заново, уже вместе с человеком, который понимает требования корабля.

Корабельного помощника пришлось вызвать с борта.

Меншиков поручил ему сопровождать Кузьму при следующей заготовке, чтобы второй раз не привозили то, что невозможно поставить в назначенное место.

Помощник хотел напомнить о своих обязанностях на фрегате, но Александр Данилович предложил решить вопрос с капитаном.

Симсон согласился отпустить человека на два дня при условии, что тот действительно вернётся в назначенный срок.

— Вернём, – пообещал Меншиков. – Только пусть привезёт то, что вам надобно.

Когда они ушли, Кузьма вернулся к работникам, разбиравшим оставшийся лес.

Один из них пожаловался, что теперь брёвна придётся тащить в другую сторону.

— Зато не обратно на повозку, – ответил Кузьма.

Верёвку, которой утром проверяли прямизну стволов, он свернул в тугой круг и убрал к инструментам. На следующий день она снова понадобилась.

В Москве Анна Монс получила известие о задержке морского заказа через знакомого купца.

Речь шла о нескольких специальных принадлежностях для корабля, которые трудно было быстро изготовить на месте. Анна согласилась узнать цену у прежних торговых знакомых, однако человек, с которым весной возник неприятный спор, отказался принимать новое поручение на старых условиях.

Он требовал заранее подтвердить расходы на доставку и хранение, а также внести часть денег до отправки товара.

Прочитав письмо, Анна вспомнила прежнее разбирательство. Тогда предварительный запрос попытались представить окончательным заказом. Часть расходов признали обоснованной, другие отклонили, а отношения с посредником после этого испортились настолько, что получать товар через него стало значительно труднее.

Теперь он не собирался рисковать собственными средствами.

Купец, доставивший ответ, предлагал снова обратиться к этому человеку, пообещав более выгодные условия при следующем заказе.

— Я ему и прежних долгов не сделала, – сказала Анна. – А новых на себя брать не стану.

— У другого дороже выйдет.

— Тогда узнавай, насколько дороже.

Она раскрыла торговую книгу и показала запись прежнего дела. Под ней стояла сумма, которую посредник пытался получить без надлежащего подтверждения.

— Если я опять поручусь за чужое обещание, он и эту запись припомнит.

Спорить купец не стал.

Другого поставщика нашли через несколько дней. Цена оказалась выше, срок доставки – длиннее. Анна передала условия заказчикам, особо отметив, что считать товар приобретённым можно лишь после подтверждения заказа и внесения денег.

Ответ пришёл с задержкой.

К тому времени часть принадлежностей уже решили искать другим путём. Оставшегося заказа было слишком мало, чтобы покрыть доставку по новой цене, и Анна отказалась от сделки.

Она потеряла возможный заработок, зато сохранила деньги, которыми распоряжалась сама. Прежний посредник тоже остался без заказа.

На Неве получили короткое известие: через московских торговцев необходимые изделия в ближайшее время доставить не удастся.

Симсон распорядился искать другие возможности, а обещанные принадлежности пока не включать в число готового корабельного имущества.

В конце октября к Меншикову привели человека, вернувшегося с разведки у морского входа.

Он доставил сведения о глубинах и возможном движении шведских судов. Часть известий удалось собрать у рыбаков, хорошо знавших прибрежные воды; другую передали наблюдатели с берега.

Разведчик не обещал полной точности.

Возле Котлина имелись проходы, которыми могли воспользоваться суда разной осадки. Глубины менялись, сведения, собранные летом, ещё требовали проверки. В одних местах люди ориентировались по старым береговым приметам, в других пользовались промерами.

Меншиков развернул карту.

— Если наш фрегат здесь станет, неприятель мимо пройдёт?

Разведчик показал один из проходов.

— При подходящем ветре может.

— А фрегат?

— Коли успеет, выйдет навстречу.

Александр Данилович хмыкнул.

Снова это «коли».

Он велел пригласить Симсона и человека, занимавшегося промерами.

Капитан долго рассматривал карту. В месте, которое Меншиков выбрал для возможной стоянки фрегата, требовалось уточнить глубину и направление течения.

— У вас всякий раз глубина, – раздражённо заметил Александр Данилович.

— Без глубины корабль на мель сядет.

— А неприятель?

— Он тоже глубину искать станет. Только шведы здешние воды знают лучше нас.

После захвата невских позиций русские войска успели немало построить, но море оставалось чужим и недостаточно изученным. Крепость могла защищать определённое место на берегу. Фрегат способен был двигаться, однако зависел от ветра, глубин и состояния команды.

Если шведы появятся несколькими судами, одного «Штандарта» для защиты всего морского входа окажется мало.

Меншиков попросил разведчика показать, где можно поставить береговые пушки, чтобы они доставали до проходящих кораблей.

Тот указал несколько мест. Некоторые находились далеко от вероятного пути неприятеля, на других ещё предстояло выяснить, удастся ли доставить тяжёлые орудия и устроить для них прочное основание.

Александр Данилович склонился над картой.

На суше подобные дела представлялись проще: найти удобное место, привести людей, поставить пушки, обеспечить припасы. Здесь каждое решение зависело от того, что скрывалось под водой.

— Если сделать укрепление возле острова, – произнёс он, – неприятелю придётся считаться и с кораблём, и с нашими пушками.

Симсон признал пользу такого решения, но напомнил, что расположение будущих орудий следует выбирать по действительным глубинам и возможному направлению огня.

— Поставим слишком далеко – ядра не достанут. Слишком близко к мелководью – собственные суда пройти не смогут, когда понадобится.

Меншиков поручил продолжить обследование.

К промерам решили привлечь не только людей со «Штандарта», но и местных лодочников, привыкших ходить возле Котлина. Им назначили плату за работу, а вместе с каждым отрядом отправляли человека, способного вести записи.

Симсон предложил сводить результаты на одной карте. Иначе люди станут обозначать одно и то же место разными береговыми приметами, а при сравнении выяснится, что глубины будто бы противоречат друг другу.

— Так и делайте, – согласился Меншиков. – Если вчера намерили одно, а сегодня другое, не выбирайте цифру, которая нам больше нравится. Пусть ещё раз проверят.

Место будущего укрепления он назначать не стал.

— Найдите, где неприятель пройти может и где нам его встретить сподручнее. А место потом определим.

Разведчик спросил, следует ли обследовать мелководья, которые прежде считались негодными для крупного судна.

— Всё, что к делу относится. Только людей зря не губите.

Когда присутствующие разошлись, Меншиков остался над картой.

На берегу уже стояли русские укрепления, в реке находился фрегат. Между ними и открытым морем тянулась вода, которую неприятель знал лучше.

Он попробовал циркулем измерить расстояние от берега до предполагаемого прохода и обнаружил, что на разных листах оно обозначено неодинаково.

— Вот уж чего у шведа не отнимешь, – пробормотал Александр Данилович. – Воду свою знает.

Карту он оставил раскрытой: завтра предстояло снова говорить о людях, необходимых для обследования.

В Москву известия о «Штандарте» пришли вместе с перечнем новых морских расходов.

Алексей прочёл сообщение о благополучном переходе фрегата к Неве с явным удовольствием. Он помнил весенние споры о корабельных назначениях и знал, что прежние распоряжения отца пришлось подтверждать заново.

Теперь судно действительно находилось на русской Неве.

Юный государь попросил принести его изображение.

Нашли общий чертёж с обозначением мачт и отдельный лист, где были показаны размеры корпуса. Алексей долго рассматривал рисунок, прежде всего отыскав орудийные порты.

— Двадцать восемь пушек, – произнёс он, пересчитав обозначения.

Головин подтвердил проектное вооружение.

Рядом лежало донесение Симсона о необходимости дальнейшей подготовки команды и недостающих принадлежностях.

— Отец велел строить фрегаты для войны, – сказал Алексей. – Этот построили, а теперь он опять не готов.

В голосе слышалась досада.

Головин объяснил, что переход подтвердил исправность корпуса и возможность вести судно по воде, но военный выход к неприятелю требует иного состояния команды.

Алексей взял карту Финского залива.

Он уже знал расположение невских укреплений, помнил майскую лодочную операцию и понимал, почему Шереметеву приходилось учитывать движение шведских судов. Тогда небольшие лодки сумели подойти к неприятелю при обстоятельствах, которые командование сочло благоприятными. Большой фрегат использовать тем же способом было нельзя.

Государь нашёл Котлин, провёл пальцем к невскому устью и заметил, что шведам придётся приблизиться к этим водам, если они захотят обстреливать русские позиции.

На столе лежал деревянный кораблик, которым Алексей прежде пользовался при объяснении речных переходов.

Он поставил его на карту.

Игрушка накрыла почти весь проход между берегом и островом.

— С таким кораблём мы бы проход закрыли, – усмехнулся мальчик.

Алексей убрал его, взял линейку и сверил расстояния с масштабом. Настоящий фрегат занимал на карте совсем немного места.

В донесении Меншикова говорилось о промерах возле Котлина и возможности устроить огонь с берега. Алексей прочёл нужную часть ещё раз.

— Если у острова поставить пушки, кораблю не придётся одному сторожить весь проход.

Головин подтвердил, что такую возможность и проверяют.

Мальчик продолжал рассматривать карту, находя всё новые неудобные места. Здесь берег приближался к проходу, там вода становилась глубже, а на некоторых участках не было обозначено ни одной достоверной цифры.

— Эти места ещё не мерили?

— Сведения собирают, государь.

Алексей некоторое время молча водил линейкой между отметками. Теперь он лучше понимал, почему Меншиков не назначал место будущего укрепления немедленно.

— Пусть пришлёт, когда узнает, – попросил он. – И рисунок тоже. Я хочу видеть, куда наши пушки станут.

Головин обещал передать распоряжение.

После его ухода Алексей снова занялся картой. Деревянный кораблик поставил у невского берега, а два небольших камня, лежавших возле письменного прибора, разместил по обе стороны предполагаемого прохода.

Сдвигая кораблик к открытому заливу, мальчик проверял, откуда камни должны были бы его «доставать».

На рисунке всё казалось близким.

Стоило приложить линейку, и расстояния становились совсем другими.

Алексей ещё раз посмотрел на обозначенные глубины, затем передвинул один камень ближе к острову.

В ноябре возле Котлина продолжали собирать сведения о глубинах.

Работать становилось труднее. Дни сокращались, ветер пробирал сквозь одежду, а вода у берега по утрам покрывалась тонкой ледяной коркой. Лодочные люди торопились закончить промеры, пока погода позволяла выходить к назначенным местам.

Морской офицер сводил результаты в тесной комнате возле невского берега.

На столе лежала карта с несколькими отметками. Рядом – испачканный водой черновой лист, куда люди заносили глубины непосредственно во время промеров.

Один из матросов принёс новые сведения.

— Здесь вчера меньше намерили.

Офицер сравнил записи и попросил показать оба места.

Матрос указал сначала на вчерашнюю отметку, затем передвинул палец немного правее, туда, где работали сегодня.

Разница на карте была небольшой, но для судна могла оказаться существенной.

Офицер сохранил обе цифры. Он обозначил места отдельно и велел повторить промер, уточнив направление: без точного положения даже верная глубина мало помогала корабельщикам.

Матрос отправился обратно к лодке.

У одного из проходов уже имелись сведения, позволявшие предполагать движение достаточно крупного судна. Рядом оставался участок, о котором не знали почти ничего.

Офицер начал переносить подтверждённые отметки на чистый лист.

За окном люди вытаскивали лодку выше на берег. Один поскользнулся на мокрых досках, выругался, и товарищ подал ему руку. Вместе они удержали тяжёлый борт, пока остальные подбирали верёвки.

Последнюю цифру офицер сверил с черновиком. Затем обвёл место, куда лодке следовало отправиться при следующем выходе.

Корабль уже стоял на Неве.

Теперь предстояло узнать, где встретить те корабли, которые могли прийти следом.

Глава 17. На чужой глубине

Январь – апрель 1704 года. Котлин. Финский залив. Невские укрепления.
Даты – по старому стилю.

Первую отметку на льду поставили не там, где Меншиков собирался строить.

К полудню ветер стих, но мороз держался крепкий. Возле проруби, укрывшись за поставленными на ребро санями, работали промерщики. Один опускал в воду верёвку с грузом, другой заносил результаты на лист, прижатый к деревянной дощечке. Чернила густели на холоде, пальцы плохо слушались, и писцу приходилось то и дело прятать руки в рукавицы.

Меншиков приехал, когда заканчивали очередной промер. Не дожидаясь, пока сопровождающие спустятся с саней, он направился к Реннеру, стоявшему возле ряда вешек.

— Ну, где ваша крепость?

Инженер указал на отмель, обозначенную несколькими длинными шестами. Здесь строительство было возможно, однако дальше глубина увеличивалась, и работы потребовали бы совсем иного основания.

Александр Данилович велел показать вторую позицию.

Он уже направился к дальней отметке, когда сопровождавший солдат предупредил о трещине, уходившей от проруби под снег. Реннер предложил сперва отвести людей и положить настил. Между ледяными краями темнела вода, и Меншиков, задержавшись у безопасной дороги, впервые за день не потребовал немедленно вести его вперёд.

— Показывайте отсюда.

Морской офицер развернул карту на крышке санного ящика. На ней были сведены ноябрьские промеры, дополненные сведениями, собранными в декабре и в первые январские дни.

Рассматривали три позиции.

Первая находилась ближе к береговым складам. Материалы туда можно было доставлять сравнительно легко, а отмель позволяла обойтись менее сложным основанием. Зато главный проход, которым могли воспользоваться крупные неприятельские корабли, оставался слишком далеко от будущих орудий.

Третья позиция, возле самого Котлина, была удобна для наблюдения и быстрого устройства береговой батареи. Но при определённом направлении движения шведские суда могли миновать её огонь.

Между ними лежала вторая отмель, более трудная для строителей и гораздо полезнее для обороны.

Меншиков склонился над картой.

— Если поставить пушки ближе к складам, они хотя бы достанут корабль?

Морской офицер показал вероятный путь неприятеля и назвал расстояние. При благоприятных обстоятельствах огонь мог оказаться действенным, но самую удобную часть прохода батарея прикрывала плохо.

— А неприятель, стало быть, должен выбрать место, где мы его достанем?

Реннер ответил, что никто не знает, каким именно путём пойдут шведы. Промеры позволяли определить доступные глубины, однако местные воды ещё изучены недостаточно, а противник располагал большим опытом плавания в заливе.

Меншиков выслушал объяснение, после чего попросил показать, чем отличается устройство основания на второй отмели.

Инженер провёл его до ближайшей безопасной вешки. Отсюда хорошо виднелись проруби, возле которых уже работали солдаты, и тёмные пятна воды под тонкой коркой льда.

— Здесь придётся опускать деревянные ряжи, загружать их камнем и связывать поверху. Дно под ними неровное. Часть основания может осесть больше остального, если нагрузку распределить худо.

— Выходит, башню поставим, а она перекосится?

— Такое возможно при ошибке. Потому я и прошу не решать о высоте постройки, пока не определим её основание.

Меншиков посмотрел на вешки.

Отмель, которую инженеры предлагали превратить в укрепление, ничем не напоминала место для крепости. Вокруг лежал снег, под ним тянулся лёд, а ещё ниже находилась вода, глубину которой люди узнавали, проделывая отверстия через несколько десятков шагов.

— Костылёв где?

— На берегу, лес осматривает. К завтрашнему дню принесёт чертежи.

— Пусть приходит. И ты с ним. Я хочу понять, что именно вы собираетесь ставить посреди залива.

На обратном пути поднялся ветер. Снег потянуло низко над льдом, и поставленные вешки постепенно скрылись из виду.

Лес для будущего укрепления начали готовить ещё до Рождества.

После ноябрьских промеров Меншиков распорядился собрать сведения о пригодных брёвнах, камне и людях, способных ставить большие деревянные срубы. Место строительства тогда ещё не выбрали. Поэтому заготовки делали с расчётом на несколько возможных решений, не расходуя самый ценный материал на сооружение, которое впоследствии могло оказаться ненужным.

В декабре к береговым складам потянулись возы.

Часть дерева поступила с прежних строительных участков. Остальное пришлось брать из новых поставок, причём подходящие прямые стволы Костылёв требовал складывать отдельно. Для основания годились крупные прочные брёвна, но возводить над ним высокую башню из случайного леса мастер не собирался.

Камень свозили к удобным местам возле берега, стараясь не загромождать подъезды. Мороз помогал перевозчикам: там, где летом тяжёлая повозка вязла бы в сырой земле, теперь проходили сани. Но на сам лёд с большими грузами выходили лишь после проверки дороги.

В декабре Костылёв предложил два варианта укрепления.

Первый представлял собой сравнительно низкую батарею. Её можно было устроить быстрее, но ограниченные направления огня и слабая защита прислуги делали такой выбор менее выгодным.

Второй предполагал многоярусную башню, из которой орудия могли действовать на разных высотах. Высокое сооружение требовало больше дерева, прочного основания и опытных мастеров.

Меншиков велел продолжать общие приготовления, оставив окончательный выбор до января.

Теперь решение откладывать было нельзя.

Костылёв явился к нему с двумя небольшими деревянными образцами. Один показывал обычное соединение брёвен, другой — более надёжное крепление угла, рассчитанное на тяжёлую нагрузку.

Реннер принёс записи о глубинах и расположении будущего основания.

Работали инженеры вместе, но заботы у них были разные. Костылёв отвечал за деревянные конструкции, качество соединений и порядок сборки. Реннер должен был определить, где ставить ряжи, как распределить нагрузку и что произойдёт с сооружением после опускания основания на дно.

Из-за этого они спорили ещё до встречи с Меншиковым.

Костылёв требовал делать срубы такими, чтобы при опускании они сохраняли форму. Реннер опасался, что даже самые прочные конструкции окажутся бесполезны, если поставить их на неровное дно без согласованного расположения.

Меншиков выслушал обоих и заметил, что спорят они разумно, только шведские корабли вряд ли станут ждать его окончания.

Реннер объяснил, что часть работы уже начата. Пока промерщики уточняют положение ряжей, плотники могут готовить на берегу необходимые соединения и заготовки для будущей башни. Главное — не собирать всё подряд, чтобы потом не пришлось переделывать.

Костылёв развернул большой чертёж.

На нём было изображено восьмиугольное деревянное сооружение с тремя ярусами. Нижняя часть опиралась на широкое ряжевое основание; выше располагались защищённые орудийные позиции, а самый верхний ярус позволял наблюдать за морем и вести огонь по назначенным направлениям.

Каркас предполагалось заполнять материалом, который мог лучше защитить людей от непогоды и неприятельского огня, чем одинарная деревянная обшивка.

Меншиков придвинул чертёж ближе.

— Высоко.

— Чтобы с верхнего яруса видеть дальше, — ответил Костылёв.

— И чтобы неприятель нас издалека приметил.

— Приметит в любом случае. Важно, что мы сможем сделать, когда подойдёт.

Александр Данилович повернулся к Реннеру.

— Основание выдержит такую башню?

Инженер назвал условия, при которых готов был отвечать за постройку. Ряжи следовало поставить согласно промерам, нагрузить камнем и не менять по ходу строительства предусмотренную тяжесть сооружения.

— Значит, башню утверждаем по этому чертежу, — решил Меншиков. — А прежде чем велеть людям поднимать её, согласуем место с Шереметевым.

Шереметев внимательно изучил карту.

Фельдмаршал не присутствовал при промерах, но теперь должен был решить, оправданно ли отвлекать людей от других невских работ ради сооружения, которое к весне ещё могло остаться недостроенным.

Меншиков предлагал вторую отмель и трёхъярусную башню, рассчитанную на четырнадцать орудий.

Шереметев прежде всего потребовал показать направления, по которым неприятельские корабли могли пройти к Неве. Морской офицер объяснил, какие глубины подтверждены промерами, а какие участки оставались известны только по рассказам проводников и рыбаков.

— Всего моря одной крепостью не закроем, — заметил фельдмаршал.

— И не собираемся. Пусть хотя бы главный проход под огнём будет, — ответил Меншиков.

Шереметев попросил вызвать артиллерийского офицера. Тот проверил предполагаемое размещение пушек и указал, какие орудия можно перевезти зимой. Для самых тяжёлых требовалось закончить основание и приготовить надёжные места, иначе спешка с вооружением могла повредить ещё недостроенную башню.

Обсуждение затянулось.

Фельдмаршала тревожило не столько количество материалов, сколько люди. На берегу ещё возводили укрепления, перевозили припасы, готовили склады. Отдав слишком много солдат новому строительству, можно было задержать другие необходимые работы.

Меншиков предложил использовать для тяжёлой перевозки часть людей, уже привлечённых к зимним заготовкам, а искусных плотников сосредоточить на ряжах и башне. Когда начнут устанавливать орудия, часть рабочих освободят для береговых укреплений.

Такой порядок не избавлял от потерь времени, но позволял не разбирать уже действующие военные подразделения без особой нужды.

Шереметев подтвердил выбор позиции.

Он поручил Меншикову организовать строительство и согласовать действия инженеров с артиллеристами. При этом потребовал, чтобы к открытию навигации укрепление располагало действующей пушечной прислугой, а не только возведёнными стенами.

— Построить башню и оставить её без людей — всё равно что солдату ружьё выдать, да стрелять не научить.

В Москву отправили просьбу подтвердить дополнительные расходы. В ней сообщалось, что место выбрано военным командованием после обследования, а прежние приготовления уже позволяют немедленно приступить к работам.

Ответ правительства не содержал нового указания о расположении форта. Подтвердили необходимые средства и назначение людей, одновременно потребовав не останавливать другие обеспеченные работы на Неве без согласования с командованием.

Когда Меншиков вернулся к строителям, первые ряжи уже лежали готовые на берегу.

Первый обоз с камнем дошёл до отмели благополучно.

Сани двигались по отмеченной дороге, соблюдая расстояние. Рядом шли солдаты с длинными шестами, проверяя подозрительные участки льда. У старых прорубей путь предварительно расчищали, а там, где поверхность покрывалась водой, ставили дополнительные вешки.

Работа на отмели начиналась с того, что подготовленные деревянные срубы опускали в прорубленное отверстие и постепенно утяжеляли камнем.

Людям, привыкшим строить на суше, такое занятие казалось странным. Целый день уходил на сборку, а потом готовая конструкция медленно исчезала под чёрной водой.

Реннер стоял у проруби, наблюдая, как опускается очередной ряж. Рабочие держали верёвки, стараясь не дать срубу уйти в сторону. Когда верхние венцы приблизились к поверхности, внутрь начали подавать тяжёлые камни.

Дерево оседало всё ниже.

— Ещё камня, — велел инженер.

Солдаты осторожно подкатили несколько крупных обломков. Их опустили в ряж, и конструкция заняла назначенное положение.

Один из плотников, помогавших у проруби, покачал головой.

— Похоронили целый дом.

— Нам ещё не один хоронить, — отозвался товарищ.

Они пошли за следующей заготовкой.

К концу дня над водой почти ничего не изменилось. Только расчищенные участки льда, верёвки и следы саней показывали, сколько людей работало здесь с утра.

Зато на дне уже стояли первые части основания будущей крепости.

На следующий день один из обозов задержался.

Под тяжёлыми санями хрустнул лёд возле трещины, которую за ночь занесло снегом. Передние повозки успели пройти опасное место, но последний воз неожиданно накренился: один полоз провалился в размокший снег, а камни сдвинулись к борту.

Возчик закричал, пытаясь удержать лошадей. Солдаты бросились помогать, однако старший остановил их прежде, чем возле саней собралась толпа.

— По одному! К повозке всей артелью не лезть!

Лошадей удалось отвести назад. Теперь требовалось освободить сани от груза.

Работники развязали крепления, начали снимать камни и переносить их на проверенный лёд. Самые тяжёлые катили по коротким деревянным полозкам, подкладывая доски. Мороз делал верёвки жёсткими, а пальцы быстро немели даже в рукавицах.

Один солдат выронил камень, едва не придавив ногу товарищу.

Старший велел людям отойти и согреться. Возчика, который всё это время пытался помогать, пришлось почти силой усадить на пустые сани: у него так дрожали руки, что он не мог развязать узел.

К полудню груз сняли.

Освобождённую повозку вытянули на прочный лёд, а обоз направили в обход. Новая дорога оказалась длиннее, и тяжёлых саней по ней теперь пропускали меньше.

Меншиков узнал о задержке вечером.

Убедившись, что людей не потеряли, он потребовал отметить опасное место на карте и убрать прежние дорожные вешки. Подвоз продолжили по новому пути, даже несмотря на потерянное время.

Костылёв тем временем изменил порядок работы. Пока камень поступал медленнее, плотников перевели на заготовку деталей надводной части. На берегу появились длинные ряды брёвен с зарубками, обозначавшими их место в будущем сооружении.

Работники ещё не видели башни, но уже готовили её стены.

В феврале один из ряжей пришлось разобрать.

Костылёв обнаружил недостаток, когда конструкция уже ожидала отправки на лёд. Артель работала над ней несколько дней, и старший уверял, что сруб получился крепким.

Инженер потребовал лом, упёр его в угловое соединение и нажал. Брусья едва заметно разошлись, но второй нажим увеличил щель.

— Разбирать.

Артельщик побледнел.

— Да ведь камнем нагрузим, ещё плотнее станет.

Костылёв подозвал Реннера. Вместе они осмотрели крепления и установили, что плотники изменили способ соединения углов, надеясь закончить работу быстрее. На сухом месте такой сруб мог служить исправно, но при опускании в воду и неравномерной нагрузке соединения рисковали разойтись.

— Два дня потеряем, — сказал старший артели.

Костылёв положил лом возле повреждённого угла.

— Два дня здесь. Или потом искать под водой, где разошлось.

Работники начали снимать верхние венцы. Некоторые брёвна удалось сохранить без повреждений, другие приходилось подгонять заново.

Старший артели работал вместе с товарищами. К вечеру он попросил инженера показать правильное соединение ещё раз, уже при всех плотниках, которым предстояло собирать следующие ряжи.

Костылёв принёс образец и велел двум мастеровым повторить его. Когда угол собрали, соединение проверили ломом.

На этот раз брусья удержались.

Меншиков прибыл во время переделки. Увидев сложенные брёвна, он поначалу решил, что люди разбирают вполне готовую конструкцию ради какого-то нового требования.

Реннер объяснил опасность.

Александр Данилович осмотрел разошедшийся угол, потом обратился к артельному старшему:

— Ты прежде такие срубы ставил?

— Ставил, господин.

— Вот и беда. Прежнее ремесло тебе здесь только наполовину годится.

Он велел Костылёву показывать новый способ крепления всем артельным старшим до начала работы. Расходовать ещё несколько дней на такую же переделку Меншиков не собирался.

После этого он отправился на отмель.

Там основание уже выступало над водой.

Среди тёмных прорубей виднелись верхние венцы заполненных камнем ряжей. Поверх них рабочие укладывали тяжёлые брёвна, соединяя отдельные части будущей площадки. Над водой впервые появилась поверхность, по которой человек мог пройти, не глядя постоянно на лёд под ногами.

Александр Данилович остановился у края настила.

Ещё месяц назад здесь торчали только вешки. Теперь солдаты переносили по деревянному основанию инструменты и готовили место для первых стоек башни.

Костылёв указал участок, где уже можно было начинать надводную сборку.

Реннер предупредил, что тяжёлые детали пока следует держать на принятой части основания, не нагружая соседние ряжи до окончания работ.

Меншиков велел отметить безопасные места и переносить туда первые приготовленные венцы.

К вечеру на площадку подняли детали будущего каркаса.

Башня начала расти в последние февральские дни.

Сперва над основанием появились нижние венцы и стойки. Работники поднимали тяжёлые брёвна при помощи верёвок и простых подъёмных приспособлений, направляя их баграми. Плотники стояли на временных настилах, подгоняли соединения, передавали друг другу инструменты.

Издалека сооружение выглядело как большой дом, который по ошибке начали строить посреди воды.

Между стойками гулял ветер, через будущие стены свободно проходили люди, на нижнем настиле лежали связки крепёжного железа и корзины с инструментом.

Но с каждым днём пустое пространство заполнялось деревом.

Когда закончили нижний каркас, начали устраивать защищённые стены. Между деревянными частями укладывали предусмотренное проектом заполнение, смешанное с глиной, а снаружи делали обшивку. Такая работа шла медленно, зато позволяла лучше прикрыть артиллерийскую прислугу, чем одинарные доски.

Внутри оставляли орудийные отверстия и места для проходов.

На втором ярусе требовалось особенно точно распределить тяжесть будущих пушек. Реннер наблюдал за нагрузкой на основание, Костылёв — за креплениями и каркасом. Они спорили о некоторых внутренних деталях, но теперь делали это прямо на постройке, показывая друг другу, куда придётся нагрузка и где потребуется дополнительная опора.

В один из дней солдаты сложили слишком много тяжёлых деталей на участке, который Реннер велел пока не нагружать. Инженер приказал перенести половину заготовок ближе к уже принятому основанию.

Работники заворчали.

— Два раза таскать приходится.

— Лучше два раза перенести, чем один раз со всем настилом в воду уйти, — ответил Реннер.

После этого места для складирования тяжёлого дерева определили заранее.

На верхних ярусах работать было труднее. Ветер мешал удерживать длинные детали, а плотникам приходилось стоять на узких подмостях. Однажды Костылёв остановил подъём до утра, хотя на берегу ожидали очередного готового груза.

Меншиков приехал как раз в тот день.

Увидев, что наверху работа прекращена, он отправился к инженеру. Тот показал, как ветер разворачивает длинную доску, которую пытаются поднять на третий ярус.

Александр Данилович посмотрел, куда уходит свободный конец.

— Значит, наверху до утра не работать?

— Поднимать тяжёлое опасно. Внизу дело есть.

Меншиков распорядился собрать свободных людей и распределить их между береговыми заготовками и нижними помещениями башни. К утру для верхнего яруса приготовили новые детали, подогнанные по размерам.

Когда ветер ослаб, их подняли наверх значительно быстрее.

К началу марта сооружение уже имело два различимых яруса. Над ними плотники ставили стойки третьего.

С берега хорошо было видно, как меняется крепость.

Молодой солдат, которого зимой прислали к подвозу камня, вернулся сюда после недельного отсутствия. Он остановился возле саней, разглядывая башню, которая успела подняться над отмелью.

— Смотри-ка, выросла.

Товарищ обернулся.

Над водой стояло высокое деревянное сооружение. В стенах темнели будущие орудийные отверстия, на верхнем ярусе работали плотники, казавшиеся с берега совсем маленькими.

— Наши там?

— Наши.

Солдат долго смотрел на башню.

Зимой он возил камни к прорубям и никак не мог понять, отчего столько добра бросают на дно. Теперь над тем самым местом поднимались стены.

Он поправил ремень и пошёл разгружать сани.

К середине марта башня имела три яруса.

Нижний уже был обшит почти полностью. На втором устраивали защищённые орудийные места, верхний готовили для наблюдения и стрельбы по дальним направлениям. Внутри появлялись лестницы, перегородки и проходы, без которых высокое сооружение оставалось бы недоступным для гарнизона.

С берега крепость выглядела почти законченной.

Внутри же всюду ещё работали люди.

На нижнем ярусе плотники устраивали места для хранения необходимого имущества. На втором подгоняли деревянные части возле орудийных отверстий, стараясь оставить достаточно пространства для прислуги. Наверху рабочие завершали обшивку и ограждения.

Меншиков приехал с артиллерийским офицером, чтобы решить, какие работы необходимо закончить прежде всего.

Внутри пахло сырой глиной, свежей древесиной и дымом от печи, которую устроили для обогрева людей. По временным лестницам поднимались плотники, передавая друг другу инструмент.

Артиллерист прошёл по нижнему ярусу и остановился возле места, приготовленного под пушку.

— Здесь станок поместится. А порох где держать будем?

Костылёв показал предназначенное для припасов пространство.

Офицер нахмурился: запас находился слишком близко к месту, где во время боя будут работать с огнём. После короткого обсуждения нашли более защищённое помещение для ограниченного количества пороха, а основной запас решили держать отдельно.

На втором ярусе обнаружилась другая трудность.

Орудийные места были устроены по чертежу, но некоторые проходы ещё не завершили. Двум людям с тяжёлым грузом приходилось расходиться возле лестницы, пропуская друг друга по очереди.

Костылёв объяснил, что более удобные переходы предусмотрены следующей частью работ.

— И когда они будут готовы? — спросил Меншиков.

Инженер назвал срок, который при хорошей погоде ещё оставался достижимым. Однако Реннер предупредил, что с приближением оттепели часть людей понадобится для наблюдения за основанием. На него уже легла тяжесть башни, а после схода льда условия изменятся.

Меншиков спустился вниз.

В штабе строителей разложили чертежи.

Первоначальный замысел предусматривал достаточно удобные помещения для людей, отдельные места хранения и широкие переходы между ярусами. Теперь было ясно, что закончить всё до открытия навигации не удастся.

Шереметев ожидал от нового укрепления прежде всего готовности вести огонь по главному проходу.

Меншиков пригласил инженеров и артиллериста к столу.

— Назовите, без чего стрелять не сможем.

Пушкарь начал перечислять: исправные орудийные места, достаточно прочные настилы, безопасное хранение пороха, проходы для подачи ядер и люди, обученные действовать в тесном пространстве.

Костылёв добавил, что нельзя сокращать работы, от которых зависит прочность стен возле пушек. Реннер потребовал оставить предусмотренную проверку основания после перемены погоды.

Когда речь дошла до отдельных помещений для удобства гарнизона, выяснилось, что часть их можно закончить позднее.

Но у такого решения была цена.

Люди будут размещены теснее, перемещение между ярусами окажется медленнее, а при повреждении одного прохода подача припасов к некоторым орудиям может задержаться. Кроме того, часть задуманных пушечных мест нельзя будет использовать одновременно, пока не завершат внутреннее устройство.

Меншиков долго рассматривал чертёж.

— Главные пушки должны стрелять. Люди к ним проходить. Порох держать так, чтобы сами себя не спалили. Что останется после этого — летом доделаем.

Костылёв попросил отдельно подтвердить, что сокращение не коснётся прочности основания и несущих частей башни.

— Этого и не трогать, — ответил Меншиков. — Убирайте то, без чего можно служить.

Реннер предложил новый порядок работ. Плотников сосредоточили на защищённых орудийных позициях, необходимых лестницах и ограждениях. Отдельные помещения, расширенные внутренние проходы и часть хозяйственного устройства отложили.

Решение отправили Шереметеву.

Фельдмаршал подтвердил, что первоначальная оборонительная готовность имеет преимущество перед второстепенными удобствами. При этом он напомнил: новый форт не заменяет береговые укрепления и корабли, а действует вместе с ними.

После ответа командования Меншиков собрал артельных старших и объявил изменённый порядок работ.

Некоторые отнеслись к нему с явным неудовольствием.

Они рассчитывали закончить назначенные помещения и получить за них плату. Теперь часть заданий переносили, а людей переводили к орудийным местам.

Меншиков велел рассчитаться за уже сделанное, сохранить заготовленные детали и предложить свободным работникам переход на необходимые участки. Благодаря этому большая часть плотников осталась при крепости.

На следующий день в башне стало слышно больше ударов топоров возле пушечных мест и меньше — у помещений, отложенных до лета.

К концу марта лёд возле Кронштлота потемнел.

На дороге к берегу появились участки, где сани приходилось вести особенно осторожно. Вода выступала у старых прорубей, а снег, прежде державшийся ровной коркой, местами проваливался под ногами.

Последние тяжёлые грузы стремились доставить прежде окончательной оттепели.

Одновременно пришли тревожные известия с западной стороны залива.

Один наблюдатель уверял, что видел вдалеке паруса. Другой полагал, что за корабли приняли рыбацкие суда. Купцы рассказывали о шведских приготовлениях к весеннему плаванию, но никто не мог назвать ни числа судов, ни дня их выхода.

Меншиков расспросил людей отдельно.

Объявлять о приближении неприятельской эскадры по таким сведениям он не стал. Зато потребовал от артиллеристов установить, какое вооружение можно принять до того, как зимняя перевозка станет невозможной.

Симсон, участвовавший в обсуждении морской обороны, указал на ещё одну опасность: после открытия навигации на доставку тяжёлых грузов к форту придётся смотреть иначе. Один «Штандарт» не сможет постоянно прикрывать перевозки, если шведские суда появятся в заливе.

Меншиков приказал ускорить доставку орудий, для которых уже были приготовлены места.

Часть работников сняли с второстепенных сооружений и направили к перевозке пушек. Кузнецам велели закончить крепления для действующих позиций, а изготовленные детали будущих помещений сохранить до продолжения работ.

Такое распоряжение вызвало неудовольствие у мастеров, рассчитывавших на прежний объём найма.

Один кузнец пожаловался, что уже приготовил железо для внутренней лестницы, которую теперь отложили.

Меншиков потребовал показать сделанное. Выяснилось, что часть креплений понадобится позднее, а некоторые можно употребить на верхнем орудийном ярусе уже сейчас. За выполненную работу кузнецу назначили плату, а необходимые детали велели закончить без задержки.

Спор занял меньше времени, чем изготовление нового железа другим мастером.

В башне тем временем начали принимать первые пушки.

Орудия поднимали осторожно, подгоняя станки к заранее приготовленным местам. Артиллеристы присутствовали при установке и сразу определяли, где разместятся люди, ядра и необходимые принадлежности.

К началу апреля несколько защищённых позиций уже могли принять боевую прислугу.

Когда окончательно потеплело, Кронштлот стал хорошо виден с берега.

Над водой возвышалась трёхъярусная деревянная башня. Нижняя часть стояла на широком основании из заполненных камнем ряжей, поверх которого устроили прочный настил. Стены каркасного сооружения были заполнены защитным материалом и обшиты деревом; местами ещё виднелись строительные леса, с которых плотники завершали верхние части.

Среди открытой воды башня выглядела тяжёлой и непривычной.

Она не походила на обычный береговой острог. Вокруг не было суши, на которой можно разместить обозы, устроить просторный лагерь или отвести людей подальше от орудий. Вся

служба будущего гарнизона должна была поместиться внутри деревянного сооружения, стоявшего на искусственном основании.

В нижнем ярусе готовили места для части вооружения и необходимых припасов. Выше располагались другие защищённые орудийные позиции. Верхнюю площадку предназначили для наблюдения за морем и передачи известий.

В стенах оставили бойницы, возле которых пушкари могли действовать, оставаясь под прикрытием.

Задуманное вооружение составляли четырнадцать орудий. Однако к началу апреля не все позиции были готовы использовать одновременно. Часть внутренних переходов ещё требовала завершения, а некоторые пушки ожидали окончательной установки.

Реннер продолжал наблюдать за основанием после перемены погоды. В местах наибольшей нагрузки он велел вести отдельные записи, чтобы при появлении признаков неравномерной осадки определить, какой участок требует внимания.

Костылёв завершал работы над защитой орудийных мест.

Теперь вместо плотников на нижних ярусах всё чаще появлялись солдаты и пушкари. Они осматривали места, где им предстояло служить, учились проходить по лестницам с тяжёлыми принадлежностями и разбирались, куда следует подавать ядра и порох.

Меншиков приехал вместе с артиллерийским офицером.

Первое учение показало, что люди плохо знают внутренние переходы. Один солдат, посланный за принадлежностями, поднялся на верхний ярус вместо среднего, другой задержал товарищей возле лестницы, пытаясь разойтись с человеком, несущим тяжёлый ящик.

Пушкарь прекратил упражнение и провёл прислугу по башне без груза, показывая каждому его путь. Когда люди запомнили расположение ярусов и проходов, учение повторили с принадлежностями.

Некоторые участки действительно оказались неудобными — именно так, как предупреждал Костылёв. Пришлось назначить порядок движения, чтобы несколько человек не пытались одновременно пройти там, где помещался один.

На береговой батарее всё это делалось бы свободнее. Здесь же устройство башни требовало привычки, а отложенные работы по расширению проходов заставляли прислугу действовать осторожнее.

На втором учении люди справились лучше.

Меншиков наблюдал, как солдаты занимают места и подают необходимые принадлежности. После этого он потребовал проверить связь с береговыми постами.

Наблюдатели должны были сообщать о появлении неприятельских судов при помощи условленных знаков. Для дневного времени использовали полотнища, ночью предполагались огни.

Первый сигнал с верхнего яруса на дальнем берегу поняли неверно.

Ветер развернул полотнище, и наблюдатель принял знак за другой. При повторении ответ пришёл с задержкой: люди на посту спорили, какое сообщение получили.

Старший наблюдатель предложил сократить число похожих сигналов, оставив для неприятельских кораблей один отчётливый знак. Другие сведения решили передавать отдельно, чтобы тревогу нельзя было спутать с обычным сообщением.

На следующий день проверка прошла без ошибки.

Меншиков велел повторить её при худшей видимости. Теперь гарнизону предстояло научиться различать сигналы не только в ясную погоду.

В конце апреля вновь заговорили о возможном движении шведских кораблей.

Сведения оставались неполными. Купцы рассказывали о приготовлениях неприятеля после зимы, а наблюдатели с побережья сообщали, что море постепенно освобождается ото льда.

Точного дня появления эскадры никто назвать не мог.

Шереметев требовал поддерживать готовность всех невских позиций, не сосредоточивая оборону исключительно у нового форта.

Меншиков получил его письмо на верхнем ярусе Кронштлота.

За деревянной стеной шумела вода. На открытых участках залива ещё плавали отдельные льдины, но между ними уже виднелись широкие тёмные полосы.

Артиллерийский офицер доложил, какие орудия установлены, какие позиции можно использовать немедленно и что ещё предстоит закончить.

Основное вооружение уже позволяло встретить неприятельские суда огнём. Однако часть предусмотренных орудийных мест оставалась ограниченно пригодной, а внутренние переходы затрудняли одновременную работу всей прислуги.

Меншиков попросил показать ему верхний ярус.

В одном из помещений солдаты готовили место для хранения принадлежностей. Дальше плотники заканчивали обшивку, возле которой ещё стояли временные подмости.

— Если неприятель придёт завтра? — спросил Александр Данилович.

— Стрелять будем, господин, — ответил артиллерист. — Но из всех предусмотренных мест одинаково быстро действовать пока не сможем.

Меншиков кивнул.

Он уже знал цену этому ограничению. Чтобы закончить остальные помещения, требовалось время, которого не хватало, а перенести людей с действующих орудийных позиций означало ослабить подготовку гарнизона.

— Значит, пока держите те, что готовы. И людей учите, чтобы под огнём проходы не перепутали.

У внутренней лестницы навстречу им поднялись двое солдат с деревянным ящиком. Увидев Меншикова, они остановились, собираясь пропустить его первым.

Александр Данилович окинул взглядом узкий проход, после чего посторонился.

— Несите. Я подожду.

Солдаты прошли мимо.

Когда освободилась лестница, Меншиков спустился на нижний ярус, где готовили очередное орудие к подъёму.

Последнюю большую пушку, которую успевали установить до весенней готовности, поднимали на второй ярус.

Тяжёлый ствол уже находился возле подготовленного места. Плотники закрепили снасти, проверили деревянные катки и по команде начали перемещать груз.

Люди работали молча, слышались только короткие распоряжения старшего и скрип натянутых верёвок. Под ногами дрожал настил, когда пушка проходила через тесный участок между стойками.

Костылёв стоял возле соединения, на которое приходилась часть нагрузки. Рядом ожидал старший пушкарь, которому предстояло принять орудие.

В какой-то момент верёвка легла слишком близко к деревянному выступу. Плотники остановили движение, изменили её положение и продолжили подъём. Ствол медленно прошёл через проём, после чего его опустили на приготовленный станок.

Солдаты начали освобождать крепления.

Пушкарь обошёл орудие, проверяя, достаточно ли места остаётся для прислуги. Он несколько раз изменил направление ствола, убедился, что его можно поворачивать в пределах предназначенного сектора, затем велел приготовить принадлежности.

За бойницей лежал морской проход.

Внизу плескалась вода, уже освободившаяся ото льда. Над нею возвышались стены трёхъярусной башни, внутри которой работали плотники, стояли пушки и занимали свои места солдаты.

Старший пушкарь вызвал расчёт.

Люди подошли к орудию, приготовили необходимые принадлежности и повторили порядок действий без выстрела. Один из молодых солдат замешкался возле ящика с ядрами, но сосед вовремя подсказал ему место.

Пушкарь заставил повторить упражнение.

На этот раз люди выполнили всё правильно.

Он подошёл к бойнице и распорядился открыть деревянную заслонку. Внутрь ворвался холодный ветер, принёсший запах открытой воды.

За морским проходом темнела дальняя полоса берега. Парусов на горизонте не было.

Пушкарь прищурился от яркого света, проверил направление ствола и повернулся к солдатам.

— Орудие назад. Принадлежности прибрать.

Люди принялись исполнять.

Подъёмные катки и тяжёлые верёвки убрали с прохода. Костылёв, убедившись, что возле станка больше не осталось строительных приспособлений, направился вниз, где плотники заканчивали работу на нижнем ярусе.

Пушкарь задержался у бойницы.

На воде, совсем близко к основанию, покачивалась длинная щепа. Её вынесло из-под строительного настила, и теперь течение медленно уносило дерево прочь от башни.

Он проследил за ней взглядом, затем опустил заслонку.

Из-за толстой деревянной стены продолжали доноситься удары плотницких топоров.

Глава 18. Цена пробной партии

Февраль – апрель 1704 года. Москва, Преображенское, невские строительные участки. Даты – по старому стилю.

В феврале Алексей обнаружил, что за доски одной и той же длины казна платит по-разному.

Он заметил это случайно, разыскивая в расходной тетради совсем другое: сколько денег оставалось на содержание трёх учеников, принятых по новгородскому отбору. Головин накануне говорил с ним об их размещении, и Алексей хотел проверить, верно ли запомнил назначенную сумму.

Нужная запись нашлась быстро. Ниже шли расходы на учебные принадлежности, затем несколько строк о присланном из Новгорода имуществе. Следующие листы относились уже к невским работам. Их оставили на столе после утреннего разбора, и Алексей, прежде чем закрыть тетрадь, задержался на знакомых названиях.

Доски. Брусья. Железо. Подвоз.

Он помнил осеннее донесение Меншикова о неподходящем корабельном лесе. Тогда Кузьма сумел употребить отвергнутые брёвна на береговых настилах, а для корабельщиков пришлось искать другие заготовки.

Теперь настилы снова требовали дерева.

За одну партию назначили цену, которую Алексей уже видел в прежних записях. Рядом находилось другое предложение, значительно дешевле. Обе строки относились к доскам приблизительно одинаковых размеров.

Мальчик сначала решил, что писец ошибся. Проверил количество, пересчитал стоимость, но разница осталась.

В комнату вошёл Головин и застал государя за подсчётом.

— Что ищешь, государь?

— Вот эти доски. Отчего здесь дороже, а здесь дешевле? Мера почти одна.

Головин подошёл к столу. Во втором предложении речь шла о небольшой партии от московского торгового человека, который обещал доставить лес на невские вспомогательные работы. Запись была сделана отдельно: договор ещё не заключили, образцы ожидали для осмотра.

— Это пока предложение, — объяснил Головин. — На деле ещё не знаем, что привезёт.

— А если привезёт годное?

— Тогда надо будет смотреть, отчего уступает цену.

Алексей снова взял перо.

Разница при небольшой партии не составляла огромной суммы, однако за эти деньги можно было оплатить несколько нужных работ. Юный государь помнил, как осенью считали расходы на новгородских учеников, а недавно — как Меншиков просил дополнительных людей и материалов для морского укрепления.

Всякий раз выяснялось, что денег требуется больше, чем назначено.

— Если дешевле брать на то, что не для корабля и не для крепости, — рассуждал он, — тогда на прочее больше останется.

Головин знал эту особенность Алексея: мальчик мог долго сидеть над незначительной, на первый взгляд, подробностью, если видел в ней возможность решить задачу, которую взрослые считали слишком сложной для него.

— Купец образцы обещал. Когда принесут, посмотрим.

— А я могу при том быть?

— Можешь. Только сначала надо узнать, на чём он цену уступает.

Алексей закрыл тетрадь, но страницу заложил узкой полоской бумаги.

К новгородским ученикам он в тот день больше не возвращался.

Купца звали Фёдор Корнеев.

Он торговал лесом не первый год, держал связи с поставщиками по нескольким дорогам и умел отличать удобный заказ от такого, который принесёт больше хлопот, чем прибыли. В государевы поставщики он не стремился любой ценой: там, где казна обещала большие объёмы, нередко приходилось долго ждать расчёта.

Сейчас он предлагал относительно небольшую партию.

Корнеев принёс образцы в двух связках, перевязанных верёвкой. Доски были суховатыми на ощупь, ровно обтёсанными, с плотным светлым деревом. На одной виднелся небольшой здоровый сучок, но трещин и заметной кривизны не было.

Алексей взял короткий образец обеими руками.

— Лёгкий.

— Сосна, государь. Из сухого места рублена. Для проходов годится.

Головин попросил положить рядом образец из обычной поставки. Корнеев сам сравнил древесину, провёл пальцем вдоль волокон, показал разницу в обработке.

Он не пытался уверять, будто его лес превосходит всякий другой.

— Для крепостных работ я бы такой партии не предлагал. Там прежде отбор нужен, и мера другая. А для временных проходов да береговых настилов можно дешевле обойтись.

Алексей заинтересовался.

— Отчего же дешевле?

Корнеев объяснил, что дерево уже заготовлено и лежит в разных местах. Крупный покупатель потребовал бы собрать всю партию одинаковой меры и качества, на что ушло бы дополнительное время. Здесь же он мог выбрать из имеющегося нужное количество, ограничившись предусмотренным осмотром перед отправкой.

— Значит, все доски будут такие? — Алексей положил образец на стол.

Купец покачал головой.

— Все такими обещать не стану. Из большой партии лучшие всегда легче выбрать. А коли каждую доску по самому строгому разбору брать, цена выйдет иная.

Головин попросил уточнить, какое обязательство Корнеев готов принять.

Тот предложил заменить явно негодные доски из поставленной партии при предъявлении соответствующей записи принимающих людей. При этом повторную перевозку, если она потребуется после приёмки товара, Корнеев не желал оплачивать без отдельной договорённости.

— Я своё дерево даю и за него отвечаю, — пояснил он. — А возы нанимать второй раз за всякую доску мне разорительно. Потому и цена такая, что лишних расходов в неё не положено.

Алексей провёл ладонью по гладкому образцу.

— А если половина плохая окажется?

— Тогда и половину менять придётся. Только я такой партии брать не стану, коли заранее вижу, что половина не годится.

Он говорил спокойно, без заискивания. От крупных обязательств, которые не мог обеспечить, купец уклонялся и перед мальчиком-государем.

Головин велел оставить образцы до следующего дня.

Когда Корнеев вышел, Алексей ещё раз положил две доски рядом. Разница между ними была невелика, зато цена, записанная на бумаге, отличалась заметно.

— Для настила ведь не нужно, чтобы дерево было как на корабле.

— Верно, — согласился Головин. — Только настил тоже должен человека держать.

— Так мы дурные доски не возьмём.

Головин показал на связку, оставленную купцом.

— Эти две хорошие. А покупать станем не две.

На корабельном деле Алексей уже видел, что одинаковые размеры не означают одинаковой пригодности. Но тогда лес предназначался для определённых мест в корпусе и требовал точной формы. Здесь речь шла о проходах, по которым возили грузы и ходили люди.

— Можно взять немного, — предложил он. — Не весь нужный лес, а одну пробную партию. Если окажется худ, от дальней покупки отказаться.

Головин попросил мальчика назвать, что тот считает небольшим количеством.

Алексей сверился с расходной тетрадью, выбрал долю от предстоящей закупки и указал сумму. На неё можно было устроить лишь часть вспомогательных проходов; для основных сооружений материал по-прежнему приобретали у прежних поставщиков.

— И где употреблять? — спросил Головин.

— Там, где настилы временные. К крепости и корабельным работам не давать.

Такое ограничение делало предложение разумнее.

Головин взял образец, осмотрел его торец и положил обратно.

— Обсудим с Птицыным. Если условия примем, надо будет послать на Неву ясное указание, что покупать и как принимать.

Алексей улыбнулся.

Он уже представлял, как покажет матери сэкономленную сумму. Прежде ему часто говорили, что на полезное дело денег недостаточно; теперь он надеялся хоть немного изменить привычный ответ.

Птицын пришёл в Преображенское на следующий день.

Он не спорил с тем, что предложенная цена выгодна. Ему самому приходилось искать способы сокращать расходы, особенно на вспомогательных работах, где небольшие выдачи складывались в значительные суммы.

Однако при чтении купеческих условий он задержался на строке о замене негодного дерева.

— Если товар ещё на складе лежит, — сказал Птицын, — это одно. Отложили плохое, приняли хорошее, купец доски заменил. А коли уже увезли на место, рабочим раздали, настил положили и потом худоба открылась — перевозка чья будет?

Корнеев, которого пригласили для окончательного обсуждения, ответил без заминки:

— Не моя, если приняли по уговору. Я за своё дерево отвечать готов, а за казённых работников и чужие подводы поручиться не могу.

Птицын посмотрел на Головина.

— Вот об этом и пишу.

Алексей слушал внимательно. Он не упустил предупреждения, но мысленно возвращался к назначению партии.

Вспомогательные настилы. Небольшой объём. Проверка при приёмке.

Всё это казалось достаточным, чтобы не допустить большой неприятности.

— Если доски проверят прежде, чем строить, — сказал он, — зачем их потом возить обратно?

Птицын повернулся к нему.

— Проверят, государь. Только люди иной раз торопятся. Один доску посмотрит, другой возьмёт, третий на место положит. А потом искать станут, кто пропустил.

— Так велеть проверять отдельно.

— Велеть можно.

Алексей услышал в этих словах сомнение и немного рассердился.

— Выходит, ничего нового покупать не следует, потому что кто-нибудь может ошибиться?

Головин вмешался прежде, чем Птицын ответил.

— Следует понимать, чем рискуем. У всякой покупки есть выгода и убыток, который может случиться. Здесь вопрос в том, сколько мы согласны потерять ради возможной экономии.

Птицын предложил записать дополнительные условия: ограничить количество, принимать доски с осмотром, не выдавать их на ответственные сооружения. Корнеев обязался заменить явно негодные заготовки из своей партии, если их отложат по приёмке.

Но повторный подвоз оставался отдельным расходом казны.

Головин ещё раз рассмотрел расчёт.

Проба действительно была небольшой. Даже при значительном количестве негодных досок общий денежный убыток оставался в пределах суммы, которую можно было покрыть без остановки основных работ. Решили допустить испытание, не заключая обязательства на дальнейшие поставки.

Соглашение составили от имени казны.

Алексей настоял, чтобы в нём ясно значилось: дерево предназначено лишь для вспомогательных настилов, временных проходов и иных подобных работ. Кронштлот, корабельные сооружения и ответственные укрепления этой партии не касались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.